

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2014

№ 1 (123)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2014

№ 1 (123)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
В. М. Амиров,
канд. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
Л. А. Хухарева
- Члены редколлегии
- Б. Н. Лозовский**,
докт. филол. наук, доц.
- М. М. Ковалева**,
докт. филол. наук, проф.
- В. Ф. Олешко**,
докт. филос. наук, проф.
- И. В. Зиновьев**,
докт. филос. наук, доц.
- Э. В. Чепкина**,
докт. филол. наук, доц.
- Л. Л. Рыбцова**,
докт. социол. наук, проф.
- А. П. Чудинов**,
докт. филол. наук, проф.
- Т. А. Галеева**,
канд. искусствоведения, доц.
- Т. Ю. Быстрова**,
докт. филос. наук, доц.
- И. Б. Бритвина**,
докт. социол. наук, доц.
- В. В. Запарий**,
докт. ист. наук, проф.
- Г. Е. Зборовский**,
докт. филос. наук, проф.
- Р. Коул**, проф. (США)
- В. Батмаз**, проф. (Турция)
- Лей Юцзе**, проф. (Китай)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Балашова Ю. Б.* Формула публицистичности альманаха (от «Мнемозины» до «Метрополя») 6
- Булатова Э. В.* Репрезентация концепта «театр» в медиатекстах Ad utilitatem и Ad quaestum 12
- Бурова Ю. Е., Стровский Д. Л.* Информационная политика и ее формирование в современных российских условиях 21
- Голоусова Е. С.* Информационная повестка дня глазами турецких СМИ (на примере издания Today's Zaman) 35
- Зиновьев И. В.* Телевидение XXI в.: от массовой информации к массовой коммуникации 41
- Ильиных Д. Г.* Современная городская газета: потенциал конвергентной редакции 50
- Козлов С. А.* Уездная корреспонденция «Новгородских губернских ведомостей» (1860–1870-е гг.) 57
- Мясникова М. А.* Культурная политика российских телеканалов как предмет научного анализа 65
- Ткаченко Л. А.* Предпосылки создания структуры медиахолдинга в православных епархиях 73
- Ястремская Ю. А.* Бинарность концепта «война» в период Гражданской войны (1918–1920) на примере прессы города Шадринска 82
- Журналистика по-китайски (*В. Амиров, Е. Голоусова*) 87
- Ильнер А. О., Корнеева Л. И.* Основные положения методики развития речевого слуха у студентов неязыковых специальностей на начальном этапе обучения иностранным языкам 108
- Сафонова Т. В., Чумакова И. А.* Проектно-задачная технология обучения как способ формирования универсальных учебных действий младших школьников 116

СОЦИОЛОГИЯ

- Амбарова П. А.* Понятие и типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей 123
- Власова О. В.* Социальные практики взаимодействия молодежных субкультур и образования 140
- Зборовский Г. Е.* Социальные общности и их временные характеристики 148
- Савчук Г. А., Артем О. Я.* Противоречия в функционировании системы профессиональной ориентации старшеклассников (на примере мегаполиса) 158

ПСИХОЛОГИЯ

- Караетян Л. В.* Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия 171
- Куваева И. О.* Особенности профессионального стресса у сотрудников контакт-центров в зависимости от графика работы 183
- Ломтатидзе О. В., Мылласова О. В.* Альтернативный способ работы с методикой А. А. Реана и В. А. Якунина «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» 189

ПЕДАГОГИКА. ОБРАЗОВАНИЕ

- Круглый стол «Проблемы реализации современной образовательной парадигмы» 92

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Головнева Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности 198

Кара-оол Ч. А. Начальные обряды социализации ребенка в традиционной культуре тывинцев XIX — начала XX в. 204

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

Хорошкевич Н. Г. Культура потребления в «обществе потребления» и перспективы ее развития 209

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Запарий В. В. Десятые Татищевские чтения: размышления по поводу юбилея 216

Исхаков Р. Л. Курсивы про Alma mater как точку возврата 223

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Антошин А. В. Мифотворчество издателя «Стихов о Прекрасной Даме» или реальная антибольшевистская организация? (Рец. на кн.: *Базинов П. Н.* Братство русской правды — самая загадочная организация русского зарубежья) 231

Олешко Е. В. Информационная парадигма XXI в. (Рец на кн.: *Шилина М. Г.* Интернет-коммуникация в связях с общественностью: прагматический аспект; *Шилина М. Г.* Текстогенные трансформации инфосферы: методологический эскиз становления Интернета) 235

Summary 239

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 070.3 + 050.9 + 821.161.1-194

Ю. Б. Балашова

ФОРМУЛА ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ АЛЬМАНАХА (ОТ «МНЕМОЗИНЫ» ДО «МЕТРОПОЛЯ»)

Формула публицистичности альманаха складывается на основе следующей логики: непублицистический альманашный текст (литературный, критический) становится медиатекстом, а сам сборник в целом обретает свойство публицистичности в определенном контексте. Применительно к альманаху как типу издания такого рода внешней средой оказывается переломный характер соответствующих эпох (прежде всего — социокультурный).

Ключевые слова: альманах; публицистика; переломные эпохи.

При изучении истории российского альманаха исследователь сталкивается с рядом парадоксов, и прежде всего это касается оснований функционирования и принципов типологизации периодических изданий. Одна их ярких примет альманаха как типа издания — редуцированность собственно публицистической составляющей. В этом смысле альманах предстает гораздо менее идеологизированным, чем его главный конкурент в системе прессы — «толстый» журнал. Между тем на определенных исторических этапах альманах играл значительную общественную роль.

Примечательно, что общественная дискуссия, порожденная альманахами, складывалась главным образом вокруг их основной разновидности, возникшей на русской почве, — литературных сборников. Каковы же условия, при которых критико-беллетристический контент начинал восприниматься в публицистическом ключе?

В период активного становления: в 1820-х — начале 1830-х гг. — альманахи занимали главенствующее положение в системе периодической печати и, со-

БАЛАШОВА Юлия Борисовна — доктор филологических наук, доцент кафедры истории журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: u_balashova@mail.ru, history@jf.pu.ru).

© Балашова Ю. Б., 2014

ответственно, во многом брали на себя журнальные функции. Известно, что декабристы стремились к созданию собственного журнала, однако соответствующее разрешение ими так и не было получено, поэтому они обратились к типу альманаха. Яркое подтверждение этому тезису — пример «Мнемозины, собрания сочинений в стихах и прозе, издаваемой кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером» (Ч. 1 — 4. М., 1824–1825), представляющей собой не что иное, как альманах-журнал. В этом смысле типично следующее высказывание: «Цензура обратила внимание на объявление о выходе в свет первой части “Мнемозины”, помещенном в “Московских ведомостях”... (1824 г.). Министр народного просвещения... сделал запрос: не является ли это издание периодическим, то есть журналом. В объяснении, представленном министру, отмечалось, что “сие издание не есть периодическое, а только временное, или просто книга, издаваемая в четырех частях”. <...> “Мнемозина” фактически являлась журналом, трехмесячником, каким был впоследствии и “Современник” Пушкина, а альманахом она была названа лишь с целью обхода некоторых трудностей цензурного порядка, связанных с получением разрешения на периодическое издание в условиях полицейского режима двадцатых годов» [5, 153, 152]. Об этом же говорил в другом альманахе, связанном с декабристским кругом, в жанровом контексте одного из первых образцов медиакритики — годичном обзоре словесности А. Бестужев-Марлинский: «...“Мнемозина” если не по объему и содержанию, то по объявлению издателей, принадлежит к дружине альманахов» [3, 496].

Аналогичен пример издававшейся как раз А. Бестужевым-Марлинским и К. Рылеевым «Полярной звезды. Карманной книжки для любительниц и любителей русской словесности на 1823–[1825] год» (СПб., 1823–[1825]). Хотя этот знаменитый альманах, положивший начало моде на «карманные книжки» в России, выходил всего лишь на протяжении трех лет, все же, по общему мнению исследователей, он отчетливо стремился перерасти в журнал, фактически стал таковым [4, 60; 10, 219–221]. А. Бестужев и К. Рылеев выпустили в свет три новогодние книжки и начали «собирать» четвертую, получившую название «Звездочка». Однако, в связи с восстанием декабристов, весь тираж был конфискован. Показательно, что это единственный столь «бедственный» цензурный случай, произошедший с классическими альманахами пушкинской поры.

Содержание «Полярной звезды» Бестужева-Марлинского — Рылеева отражало декабристскую эстетику, а вовсе не идеологию, выраженную опосредованно в общем контексте романтической «карманной книжки». Особая эстетика подчеркнута модного классического альманаха-«карманной книжки» была сформирована изящным внешним оформлением («карманный» формат, виньетки), господством малых лирических жанров (дружеские послания, стихи в альбом, элегии), общим колоритом альманаха как праздничного подарочного издания [2].

В ситуации отсутствия в той же «Полярной звезде» публицистики как таковой ее замещали альманашные обзоры словесности, представлявшие собой пример романтической критики, остающейся, подобно классицистической

и сентименталистской протокритике, критикой литературной. «Словесность всех народов, — писал во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» Бестужев-Марлинский, — совершив свое круготечение, следовала общим законам природы. <...> Так было везде, кроме России, ибо... у нас есть критика и нет литературы <...> Удача альманахов показывает нетерпеливую наклонность времени не только мало писать, но и читать мало. Теперь ходячая наша словесность сделалась карманною» [3, 488, 496].

Тому обстоятельству, что в общественном сознании «Полярная звезда» стала символом свободолобивых устремлений, во многом поспособствовал бесцензурный журнал-альманах «Полярная звезда» (Кн. 1–8. Лондон, 1855–1869), издававшийся А. Герценом в Вольной русской типографии. Кроме того, по соображениям идеологического порядка, в советское время было принято акцентировать не свойственное «Полярной звезде» декабристов социальное звучание: «...читатели сразу догадались, что “Полярная звезда” — это не столько литературно-художественный, сколько общественно-политический альманах» [7, 136]. Несмотря на то, что один из классиков советской социологической школы литературоведения Г. А. Гуковский характеризовал печатавшиеся в «Полярной звезде» «Думы» К. Рылеева как «внеисторические»: «...Дмитрий Донской говорит и мыслит, как сам Рылеев» [6, 274], контекст периодического издания понимался советской наукой как исключительно публицистический по своей сути.

В общей системе печати 1840-х гг. — второй половины XIX в. критика становится важнейшим фактором формирования общественного мнения. «Реальная критика», внеэстетичная по сути, апеллирующая к жизнеподобию, здравому практическому смыслу, «народным потребностям», фактически представляла собой «замаскированную» публицистику. В указанное время альманах по преимуществу находился в стороне от общественной борьбы, будучи нацеленным на образование основных специализированных разновидностей сборников (юбилейных, благотворительных и «учено-литературных»), реализующих соответствующую социальную прагматику альманашного типа.

Лишь к началу XX в. завершается своего рода предыстория альманашной публицистики, представленной до этого главным образом в форме критического высказывания. В начале века от учено-литературной основы обособляется такая альманашная разновидность, как чисто публицистические сборники; наиболее сенсационный — «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (М., 1909). В дальнейшем линия социально-философских, политико-публицистических альманахов развивалась в контексте русского зарубежья (например, сменовеховский сборник «Смена вех» (Прага, 1921)).

В системе советской прессы середины 1920–1930-х гг. альманах активно наполняется публицистическим содержанием и в этом смысле специализируется. Только к 1920-м гг. публицистический отдел утверждается в альманахах на постоянной основе, более того, начинается его стремительная экспансия — поглощение тематически близких рубрик. Так, в одном из наиболее известных «ударных» альманахов рубежа 1920–1930-х гг. — «Удар за ударом. Удар второй. Литературный альманах» (под ред. А. Безыменского. М. ; Л., 1930)

представлены последовательно сменяющие друг друга публицистические разделы: «Дела и люди», «Статьи», «Против переверзевщины» (последний отдел состоял из двух разоблачительных статей, направленных против литературоведческого метода В. Ф. Переверзева, получившего название «вульгарный социологизм»). Критика уже не предстает в чистом виде, преобразуется в критико-публицистическое высказывание, подобно тому, как бытование литературного текста тесно связано с художественной публицистикой. Возникает такая специфическая разновидность, как «ударные» сборники-рапорты (отчеты). Таков, например, альманах-брошюра «Мы обязуемся (Краснознаменцы IX съезду профсоюзов)» ([М.], 1932), содержащий предельно сжатые и намеренно официальные по своему характеру рассказы тружеников, награжденных орденом Трудового Красного Знамени, о своей работе, а также перечисление принятых ими обязательств.

«Тотальная» публицистичность альманаха 1930-х гг. способствовала тому, что альманах сталинского времени в целом представлял искусственно трансформированным, не органичным типом издания.

Социальные функции литературы, столь ярко проявившие себя в движении шестидесятников XIX и XX вв., актуализируются в ситуации литературно-общественной борьбы, смены устоявшейся парадигмы.

В советское время действенный вклад самиздатской прессы в дело либерализации страны трудно переоценить. Между тем, в отличие от правозащитного характера прессы диссидентского движения, ранняя самиздатская пресса периода «оттепели» (среди которой весомую часть составляли альманахи и сборники) была по преимуществу литературоцентричной. Достаточно указать на самиздатский машинописный альманах «Синтаксис», который считается пионером самиздатской периодики. Он выпускался в 1959–1960 гг. молодым московским журналистом Ал. Гинзбургом. «Можно легко представить себе восторг, — писал Г. Померанц, — с которым я принял “Синтаксис”. Дело было не в одних стихах, которые Алик собирал. То есть стихи были живые, и я охотно окунулся в собирание стихов, но главное — обстановка, в которой делался “Синтаксис” — совершенная открытость и свобода от страха» [9, 288]. Определенный общественный резонанс, сопровождавший появление этого знакового неподцензурного альманаха, был предопределен связанной с ним институционализацией субкультуры андеграунда, что стало возможным в ситуации хрущевской оттепели.

Начало завершающему этапу советского самиздата было положено в 1979 г. выпуском знаменитого бесцензурного альманаха «Метрополь». «Метрополь» сыграл мировоззренческую и знаковую поведенческую роль в крахе советского режима. В предисловии к альманаху его редактор и идейный вдохновитель Вас. Аксенов писал: «Муторная инерция, которая существует в журналах и издательствах... “неприязнь к непохожести”... “боязнь литературы”. <...> Мечта бездомного — крыша над головой; отсюда и “МетрОполь”, столичный шалаш над лучшим в мире метрополитеном. Авторы “МетрОполя” — независимые (друг от друга) литераторы. Единственное, что полностью объединяет их под крышей, — это осознание того, что только сам автор отвечает за свое

произведение; право на такую ответственность представляется нам священным. Не исключено, что упрочение этого сознания принесет пользу всей нашей культуре. «МетрОполь» дает наглядное, хотя и не исчерпывающее представление о бездонном пласте литературы» [8, 19, 20].

Задача полномасштабной экспликации альтернативного литературного процесса, поставленная редколлегией альманаха, отнюдь не привела к появлению не только откровенно оппозиционных советскому режиму текстов, но и публицистики как таковой. Задуманный как выставка «отверженной литературы», «Метрополь» тем не менее являл собой «толстый» литературный сборник. Его отличали характерные приметы поэтики андеграунда, в том числе — табуизированная в условиях официальной советской литературы тематика (высокая — религиозная, сниженная — лагерно-блатная, бытовая), классическая жанровая традиция: новеллистическая, элегическая, травестийная.

Первоначально машинописный альманах был оформлен в стилистике авангардной книги: «Между тем в чердаке... была выработана художниками альманаха... пресловутая “эстетика нищеты”. В двух словах она состояла в следующем. Всего набралось больше тысячи машинописных страниц. Решено было наклеивать по четыре страницы на каждой стороне больших ватманских листов. Обложки были сделаны из листов картона, покрытых так называемой “мраморной” бумагой с разводами. Каждый из двенадцати экземпляров был снабжен завязками из ботиночных шнурков. Символом альманаха стал рисунок, составленный из трех старых граммофонов с раструбами. Каждая штука весила восемь килограммов и отдаленно напоминала фолианты догутенберговой эры» [1, 531]. Обозначенная аллюзия (поддерживаемая иллюстративным рядом альманаха) оправдана еще и тем, что средневековая рукописная литература была опосредованно публицистична; публицистический потенциал определялся не столько каноничной жанровой семантикой, но принципиальной прагматичностью средневековых текстов.

После того как альманах вышел в американском издательстве «Ардис», в отношении него была развернута идеологическая кампания, получившая освещение как в отечественных, так и зарубежных СМИ. В результате из Союза писателей были исключены составители «Метрополя» В. Ерофеев и Е. Попов; из союза вышли В. Аксенов, С. Липкин, И. Лиснянская; многих авторов альманаха, как, например, одного из организаторов — А. Битова, перестали печатать.

Обстоятельства выхода «Метрополя» в свет, широкий общественный резонанс реализуют те функции, которые свойственны, скорее, не беллетристике как таковой, но собственно публицистике.

Имевший место в случае «Метрополя» факт нарушения цензурного запрета (самиздат, осложненный тамиздатом) обладал и для власти, и для общественного сознания приоритетным значением. Альманах «Метрополь» демонстрирует прекрасный пример литературности контента и публицистичности контекста. Этому в немалой степени поспособствовали сами «метропольцы»; так, история создания и последующая травля участников альманаха нашли отражение в нескольких романах Василия Аксенова: написанного по следам событий, в начале 1980-х, — «Скажи изюм!» и последнем романе писателя —

«Таинственная страсть». Со слов еще одного соорганизатора альманаха Виктора Ерофеева, уже в новом тысячелетии Аксенов говорил ему о том, что назрела необходимость вновь выпустить в свет альманах, подобный «Метрополю», который реализовывал бы независимую от социального заказа творческую инициативу самого высокого уровня [11].

В условиях сильного внешнего давления, цензурных ограничений общественно-политическая основа публицистического высказывания в отечественной традиции нередко оказывалась в достаточной степени редуцированной. Одновременно — опять же в силу традиции — публицистика во многом заменяла реальную политику. В этой ситуации публицистика устойчиво мимикрировала в жанровом отношении, представляя то критикой, то литературой. Указанную особенность в полной мере отражает альманах, на типологическом уровне занимающий промежуточную позицию между журналистикой и литературой. Поэтому применительно к альманашному типу издания уместно говорить об элементах публицистики, т. е. о публицистичности. В свое время Ю. Н. Тынянов, в рамках формалистских штудий, ввел понятие «пародийность» — использование пародийных средств в непародийной функции [12, 290]. Формула публицистичности альманаха складывается по принципу обратной логики: непублицистический альманашный текст (литературный, критический) становится медиатекстом, а сам сборник в целом обретает свойство публицистичности в определенном контексте. Применительно к альманашу как типу издания такого рода внешней средой оказывается переломный характер соответствующих эпох (прежде всего — социокультурный).

-
1. Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). М., 2009. 592 с.
 2. Балашова Ю. Б. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. СПб., 2011. 363 с.
 3. Бестужев А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1960. С. 488–499.
 4. Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. 288 с.
 5. Гирченко И. В. «Мнемозина» (Московский литературно-художественный альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского) // Декабристы в Москве : сб. ст. / под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1963. Вып. 8. С. 150–160.
 6. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1995. 319 с.
 7. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. проф. А. В. Западова. М., 1973. 518 с.
 8. МетрОполь : лит. альманах. М., 2001. 832 с.
 9. Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М.; СПб., 2011. 464 с.
 10. Степанов Н. Л. Критика и журналистика декабристского движения // Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. Т. 1 : XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950. С. 219–235.
 11. Таратута Ю. Лидер придуманного поколения [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2009. № 123 (10 июля). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1200974> (дата обращения: 09.07.2010).

12. Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 284–310.

Статья поступила в редакцию 05.12.2013 г.

УДК 070.1 + 821.161.1'42

Э. В. Булатова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТЕАТР» В МЕДИАТЕКСТАХ AD UTILITATEM И AD QUAESTUM

В статье рассмотрена практика представление концептов в текстах разных типов. Охарактеризована специфика медiateкстов Ad utilitatem и Ad quaestum. Уточнено понятие «текстовый концепт», предложена классификация текстовых концептов, показана роль смысловой структуры текста в анализе текстовой концептосферы.

Ключевые слова: медиатекст; смысловая структура текста; концептосфера; текстовый концепт.

Медиа (the media), согласно В. К. Мюллеру, — это средства массовой информации [7, 449]. Соответственно, медиатексты можно определить как тексты, передаваемые посредством СМИ. Традиционным видом таких текстов являются журналистские материалы, содержащие социально значимую информацию. Однако в последние десятилетия СМИ стали площадкой для трансляции и иной информации (реклама, PR), в силу чего представление о типах медиатекстов усложнилось, появилась необходимость их классификации и описания дискурсивных особенностей и функций каждой группы.

Типы медиатекстов можно выделять на разных основаниях. Одним из таких оснований, на наш взгляд, может служить интенция автора, определяющая дискурсивно-стилистические (содержательные и формальные) особенности текстов. В самом общем виде авторские целеустановки можно разделить на общественно полезные (Ad utilitatem) и локально выгодные (Ad quaestum).

Медиатексты Ad utilitatem (условно говоря, «бескорыстные», см.: «Бескорыстный. Чуждый корысти, стремления к личной выгоде, наживе» [9, 81]) — материалы, целью которых является информирование адресата или воздействие на него для достижения общественной пользы. Это тексты политически и коммерчески непрагматические: не преследующие целей продвижения (образа политика или товара/услуги). К общественно полезным текстам мы относим тексты журналистского дискурса и социальной рекламы, которые привлекают внимание к насущным, злободневным проблемам социума.

БУЛАТОВА Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

© Булатова Э. В., 2014

Медиатексты *Ad quaestum* (условно говоря, «корыстные», см.: «Корыстный. Основанный на корысти, направленный на извлечение личной выгоды, пользы» [10, 109]) — это созданные заинтересованным адресантом или созданные СМИ по заказу такого адресанта материалы, целью которых является воздействие на адресата для достижения частной/локальной выгоды. Это политически или коммерчески прагматические тексты, нацеленные на приобретение чего-либо (получение дохода, выгоды; усиления влияния). К текстам *Ad quaestum* мы относим политическую и коммерческую рекламу, PR, а также «внешнюю», клиентскую корпоративную журналистику (являющуюся, по сути, тем же пиаром). Авторы учебников по рекламе и PR говорят об информативной, ориентирующей и других важных функциях подобных текстов, однако вопрос о полезности такой информации остается на сегодняшний день открытым.

Необходимо также отметить наличие промежуточных — комбинированных медиатекстов, совмещающих функции текстов *Ad utilitatem* и *Ad quaestum*. Это тексты «внутренней» корпоративной журналистики, целью создания которых является информирование сотрудников о значимых событиях, происходящих в компании, формирование благоприятного микроклимата в коллективе (общественная польза), а также создание позитивного имиджа компании и ее руководства (локальная выгода).

Практика представления концептов в медиатекстах разных типов имеет свои особенности. Покажем их на примере анализа репрезентации концепта «театр» в PR-материалах корпоративной газеты «Екатеринбургский театр оперы и балета» (медиатексты *Ad quaestum*) и в журналистских материалах региональной прессы об указанном театре (медиатексты *Ad utilitatem*).

Концепт «театр» по классификации В. А. Масловой входит в концептосферу искусства [6, 76]. Его характеристики и структура воссоздавались в работах И. В. Азеевой [1], Е. В. Иловой [4], А. П. Чудинова [14] и других исследователей. В настоящее время выработаны подробные и разноаспектные методики анализа концептов, однако объектом рассмотрения в большинстве случаев является лингвокультурная концептосфера (лингвоспецифичные концепты), в то время как текстовая концептосфера изучена недостаточно. Заметим, что З. Д. Попова и И. А. Стренин выделяют текстовые концепты, понимая под последними «концепты, которые объективируются и становятся доступными реципиентам только с помощью текстов» [8, 33]. Примерами таких концептов, по мысли исследователей, служат словарные толкования языковых единиц, словарные статьи в энциклопедиях, научные, публицистические, художественные тексты, раскрывающие содержание концепта [Там же]. Представляется, что можно использовать термин «текстовый концепт» также для обозначения некоторого фрагмента (зоны) концепта, представленного в тексте или в сверткесте (ср.: концепт «театр» вообще и та его часть, которая может быть актуализирована в отдельной публикации). Совокупность текстовых концептов образует концептосферу текста, которая имеет ядро и периферию. (Заметим, что также выделяют ядро и периферию отдельного концепта.)

Средством анализа текстовой концептосферы, выявления ядерных и периферийных концептов публикаций, определения их структуры (в разных подходах это ядро и периферия отдельного концепта, субфреймы и слоты, базовый слой и интерпретационное поле, понятийная, образная и ценностная зоны и т. д.) могут служить ключевые знаки текста, которые находятся с помощью ряда методик, основной из которых является методика анализа элементов смысловой структуры текста, предполагающая выделение главной мысли (ГМ), фона (подводки) к ней, констатирующих (КТ) и развивающих (РТ) тезисов, иллюстраций к тезисам, аналитической оценки ситуации (АОС), вывода (более подробно о смысловой структуре см.: [5, 7], о ключевых знаках текста см.: [2], о практике их выделения см.: [3]). Кроме того, в практике изучения текстовых концептов представляется целесообразным опираться на общую методику Ч. Дж. Филлмора, которая предполагает поиск ответов на вопросы: какие фреймы активируются или могут быть активированы текстом? Какие оценки приписаны их слотам? Каковы функции фрейма в рассматриваемом окружении? [12, 66–67].

Оценки фреймов и слотов в логико-грамматическом плане представляют собой предикаты и атрибуты. Л. О. Чернейко и В. А. Долинский указывали, что множество признаков концепта выявляется в его узуальной метафорической сочетаемости с предикатами [13, 22]. При этом концепт должен структурироваться, моделироваться с опорой на обыденные представления носителей языка, которые можно обнаружить в бытовых диалогах и в публицистических текстах [Там же, 26]. В связи с этим добавим, что, по нашему мнению, признаки концепта демонстрирует не только экспрессивное, но и нейтральное смысловое согласование.

Элементы смысловой структуры — ключевые и неключевые знаки текста позволяют нам определить состав ядерной и периферийной зон его концептосферы. Представим взаимосвязь указанных компонентов в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Элемент смысловой структуры текста	Тип текстового концепта	Зоны концептосферы
Предмет речи из ГМ	Доминантный (тематический) концепт	Ядро
Другие элементы ГМ, АОС	Ведущие ядерные концепты	Ядро
Констатирующие тезисы	Второстепенные ядерные концепты	Ядро
Развивающие тезисы	Концепты ближайшей периферии	Периферия
Фон, иллюстрации к тезисам	Концепты дальней периферии	Периферия

Заметим, что во всех элементах смысловой структуры текста (кроме ГМ) могут присутствовать (упоминаться) наряду с характерными для данного элемента концептами концепты других типов (например, доминантный и ведущие ядерные концепты среди второстепенных ядерных концептов в констатирующих тезисах).

Обратимся к характеристике репрезентации концепта «театр» в прессе и вначале отметим **общие черты** его представления в медиатекстах Ad utilitatem и Ad quaestum.

Понятийная зона концепта «театр» в том и другом виде медиатекстов включает следующие значения стержневой лексемы: 1. Род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями. 2. Учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений. 3. Здание, в котором происходят представления, а также само представление, спектакль [11, 345]. Тематический анализ публикаций позволяет построить общую фреймово-слотовую модель концепта «театр», репрезентируемого в прессе (табл. 2).

Таблица 2

Фрейм «Театр»						
Субфрейм 1. «Люди в театре»		Субфрейм 2. «Здание и реквизит»	Субфрейм 3. «Деятельность театра»			
Слот 1.1. «Сотрудники»			Слот 3.1. «Театральная деятельность (спектакли)»		Слот 3.2. «Иная деятельность»	
1.1.1. «Артисты»	1.1.2. «Администрация и вспомогательный персонал»		3.1.1. «На Екатеринбургской сцене»	3.1.2. «Выездная (гастроли)»	3.2.1. «Мероприятия (конкурсы исполнительского мастерства и пр.)»	3.2.2. «Работа вспомогательных служб (мастерские и пр.)»

Приведенное деление слотов на компоненты (субслоты) не является конечным, вместе с тем оно отражает ситуацию, характерную для большинства публикаций. В каждом медиатексте активизируются определенные фреймы и слоты данной модели. В этом процессе наблюдаются некоторые закономерности, позволяющие говорить о том, что при наличии единой фреймово-слотовой модели существует разница в процентном соотношении фреймов в медиатекстах Ad utilitatem и Ad quaestum.

Обратимся к характеристике **различий** в представлении концепта «театр» в указанных медиатекстах.

1. Концепт «театр» является ведущим концептом корпоративной газеты «Екатеринбургский театр оперы и балета». Это центр корпоративного мира. «Имя» концепта — лексема «театр» — доминантный ключевой знак, образующий сильные позиции текста, самое частотное слово всех публикаций. Приведем данные количественного анализа (осуществленного с помощью компьютерной программы), представляющие 3 наиболее частотных слова всех сообщений номера газеты: «театр» — 112 повторений, «год» — 55, «опера» — 32 (май

2011 г.); «театр» — 89; «год» — 57; «сцена» — 43 (июнь 2011 г.); «театр» — 117, «год» — 66; «опера» — 58 (сентябрь 2011 г.); «театр» — 84; «опера» — 36, «год» — 34 (октябрь 2011 г.), «театр» — 109; «год» — 52; «спектакль» — 47 (ноябрь 2011 г.). Мы видим, что частота использования слова «театр» значительно превышает частоту других слов публикаций, в том числе и относящихся к частотной лексике — словам, отражающим непосредственную деятельность театра («спектакль», «опера») и указывающим на актуальность информации («в этом году», т. е. в текущем театральном сезоне).

В журналистике концепт «театр» может быть как доминантным текстовым концептом публикации (целиком посвященной характеристике деятельности театра), так и второстепенным или периферийным концептом (в том случае, если речь в публикации идет не собственно о театре оперы и балета и последний в тексте только упоминается).

2. Оценки слотов в медиатекстах *Ad utilitatem* и *Ad quaestum* существенно различаются. В материалах PR-характера, к которым относятся и тексты *Ad quaestum* (корпоративная пресса), адресованные «потенциальному потребителю» услуг организации, большой удельный вес имеют оценочные компоненты, характеризующие деятельность последней, что позволяет говорить о специфическом интерпретационном поле концепта: с расширенной в количественном отношении, но одноплановой в качественном отношении ценностной зоной. Оценки деятельности организации в подавляющем большинстве сообщений положительные. Приведем ряд примеров из публикаций газеты «Екатеринбургский театр оперы и балета» (2009–2013 гг.).

Общая характеристика театра (фрейм «Театр»): «один из ведущих в стране, котируется по многим позициям», «стремится быть в лидерах и проявлять индивидуальность!», «уникальный, отличный от других театров», «высокий музыкальный уровень», «в отличной музыкальной форме», «у нашего театра 13 номинаций на “Золотую маску”!» и т. д.

Характеристики сотрудников (слот 1.1): «набирающий известность хореограф-современник», «сильная команда зарубежных постановщиков», «первоклассные певцы — как российские, так и зарубежные», «молодые и красивые герои» и т. д.

Характеристики театральной деятельности (слот 3.1): «репертуар идеально сбалансирован», «театр готовит и кое-что эксклюзивное», «в репертуаре сложнейшие вагнеровские оперы — чтобы совершенствоваться далее, не останавливаться в развитии», «стильный, современный спектакль, отмеченный хорошим вкусом... полномасштабный, музыкально полноценный спектакль», «гастроли балетной труппы в Швейцарии и Германии», «уникальная постановка — опера... которая никогда прежде не ставилась в России. ...настоящая сенсация в музыкальном мире» и т. д.

Характеристика здания (фрейм 2): «многообразие возможностей нашей сцены», «лучший в мире балетный пол», «обновленный зрительный зал... роскошные кресла и элитный паркет» и т. д.

Характеристика иной деятельности — мероприятий на сцене театра (слот 3.2.1): «Danse-платформа» — явление уникальное.... Создание подобных твор-

ческих лабораторий с легкой руки екатеринбургского театра стало настоящим трендом», «с большим успехом прошел гала-концерт участников молодежной оперной программы Большого театра» и т. д.

Характеристика работы вспомогательных служб театра (слот 3.2.2): «в театре живет редкое ремесло. Таких мастерских не осталось почти нигде в России. Ткани для декораций и костюмов здесь красят... бережно, вручную, тщательно подбирая желаемый оттенок... А ткани рождаются — просто песня!», «наш театр — единственный, где декорации до сих пор пишутся на основе приемов живописи» и т. д.

Критические замечания в медиатекстах *Ad quaestum* крайне редки и чаще всего сопровождаются указанием на выход из создавшейся ситуации (модель «проблема — решение проблемы»). Приведем примеры: «*остро стоит вопрос об обновлении балетных залов. ...планируется приступить к ремонту в июле 2014 года. Репетиционные залы будет полностью переоборудованы*»; «Бывает, что *артист совершенно не подходит, и даже более того — разрушает общую картину*. Чтобы ничего не вызывало зрительского отторжения, танцовщики должны подходить друг другу по росту и по внешнему виду»; «*Наши артисты любят жаловаться и обижаться — мол, их не замечают, мало дают танцевать*. А почему бы самим не проявить инициативу — не взять и не выучить что-нибудь самостоятельно?» и т. д.

В медиатекстах *Ad utilitatem* количество оценок определяется характером материала: информационные публикации, как правило, безоценочны или оценки в них минимальны, аналитические материалы содержат оценочные компоненты, но их количество в целом меньше, чем в текстах *Ad quaestum*. В качественном отношении ценностная зона концепта «театр» разноплановая: оценки деятельности организации в журналистских медиатекстах как положительные, так и отрицательные.

Наибольшее количество резко критических замечаний в адрес Екатеринбургского театра оперы и балета относится к тяжелому периоду в его жизни (в собранном материале это публикации 2005–2008 гг.), когда происходила смена руководства и корректировка вектора развития театра. В это время, согласно одной из публикаций, «оперный регулярно фигурировал в сводках скандальных новостей, волны компромата заливали экраны и сайты» (Театр военных действий // Эксперт Урал. 2006. 10 июля). С 2009 г. ситуация начинает меняться в лучшую сторону, и число негативных публикаций снижается, но полностью они не исчезают. Критике подвергаются некоторые аспекты постановок, отмечается их неоднозначность, освещаются продолжающиеся судебные процессы между некоторыми сотрудниками и администрацией. Сегодня в журналистских публикациях можно видеть разные, иногда полярные точки зрения на постановки. Приведем ряд примеров из газет «Уральский рабочий», «Вечерний Екатеринбург», «Комсомольская правда» (Екатеринбург), «Областная газета», «Эксперт Урал» (сплошная выборка за период с 2005 по 2013 г.). Поскольку положительные оценки в журналистских материалах мало чем отличаются от аналогичных оценок корпоративной прессы (их «среднее арифметическое» — «замечательный театр/постановка/исполнители»),

приведем только отрицательные оценки и оценки полярные, неоднозначные, разноплановые — одновременно фиксирующие положительные и негативные моменты.

Общая характеристика театра (фрейм «Театр»): «переживает глубокий кризис оперный: там продолжается режиссерско-дирижерская чехарда, на скорую руку ставятся откровенно слабые спектакли (“Травиата”, например), рассчитанные лишь на разовые зарубежные гастроли на периферии, что преподносится, кстати, как невиданное достижение», «повышение цен на билеты достигло той опасной черты, дальше которой идти уже некуда», «для театра подобное (речь идет об увольнении 28 артистов хора) — катастрофа, в одночасье был разрушен весь текущий репертуар», «театр за два года многое пережил. ...история с хором — такое кровопускание!», «оперный театр — очень дорогое и не самое прибыльное предприятие», «не все благополучно в оперном королевстве», «выявленные нарушения трудового законодательства в оперном театре», «одна из проблем — отсутствие в театре жилья, невозможность обеспечить приличными условиями существования многих, особенно молодежь», «театр творчески лихорадит», «причина конфликта — отсутствие грамотного менеджмента», «театр осознанно взял курс на современное звучание. Пусть не все получается идеально, но присутствует явное намерение выйти за рамки собственных стереотипов» и т. д.

Характеристики сферы сотрудников (слот 1.1): «лозунги, клеймящие нового директора театра, который ведет его в никуда», «Андрей Шишкин подозревается в растрате», «сложности с мужским составом, с певцами-мужчинами сложно по всей России», «кадровый вопрос для балета уже давно стал болезненным», «наибольшие проблемы танцовщика начались в третьем акте... Здесь и у Одиллии не было блеска, торжества победительницы. Артисты честно работали, но и только», «в коллективе опять нет главного балетмейстера», «пикантность скандала между руководством театра и артистами в том, что их самих (речь идет об артистах) пытались обвинить в прогулах и безделье» и т. д.

Характеристики театральной деятельности (слот 3.1): «16 дней не слишком ли мало для серьезного воплощения прекрасного и сложного произведения итальянского классика?», «на спектакле “Тоска” уже сменилось шесть дирижеров. Как в такой ситуации выглядеть достойно?», «слова, пропетые замечательными певцами с отменной дикцией, были едва различимы», «после премьеры оценки работы постановщиков и артистов наверняка будут разными», «часть зрителей и творческого коллектива театра не приняли эту эстетику на уровне органики. Другая (кажется, все-таки бóльшая) отнеслась с восторгом», «проходя по лезвию вкуса, постановка частенько не удерживалась на острие — но зал все равно аплодировал», «спектакль получился хореографически разнообразным, заразительным и нескудным. Но содержательно исчерпался как-то слишком быстро: присутствует смысловое недотягивание до большой постановки», «на сцене этот образ приобретает прямолинейную однозначность, кое-где начинают казаться излишними и декорационные символы, разгадывать которые не очень-то тянет» и т. д.

Характеристика иной деятельности театра (слот 3.2.1): «пресс-конференция в Екатеринбургском театре оперы и балета началась со скандала».

3. В медиатекстах *Ad utilitatem* больше всего характеристик артистов, спектаклей и театра в целом, т. е. чаще всего актуализируются слоты 1.1. «Сотрудники театра», 3.1. «Театральная деятельность», а также в общем фрейм «Театр». Некоторые элементы фреймово-слотовой структуры концепта представлены лишь единичными упоминаниями (например, слот 3.2.2. «Работа вспомогательных служб»: «швеи сшили красивые костюмы для новой постановки»). В медиатекстах *Ad quaestum* представлены все элементы фреймово-слотовой структуры текстового концепта «театр», но активнее всего также используются слоты 1.1. «Сотрудники театра» и 3.1. «Театральная деятельность».

4. Мы определили, какие фреймы чаще всего бывают активированы медиатекстами и какие оценки приписаны их слотам. Функции выделенных фреймов и слотов в текстах *Ad utilitatem* — информирование адресата об основных событиях театральной жизни и их объективная оценка. Информативная функция характерна и для текстов *Ad quaestum*, однако в последних она сочетается с функцией воздействия на адресата путем представления деятельности организации в самом благоприятном свете, что в рассмотренном случае должно способствовать появлению интереса к спектаклям и увеличению числа посетителей театра.

5. Нужно заметить, что вербальная форма выражения концептов не является единственно возможной. По отношению к материалам прессы можно говорить также о визуальной форме их репрезентации. В силу указанного обстоятельства целесообразно, на наш взгляд, отметить разный характер креолизации текстов: в медиатекстах *Ad utilitatem*, посвященных описанию деятельности Екатеринбургского театра оперы и балета, преобладают тексты со вспомогательной (иллюстративной) ролью изображения, в которых концепты выражены преимущественно вербально. В медиатекстах *Ad quaestum* роль изображения может быть не только вспомогательной, но и ведущей, поскольку часть их составляют фотопубликации — фоторепортажи, фотоотчеты и пр., в которых компоненты концепта представлены преимущественно визуально.

На основании изложенного можно сделать вывод, что репрезентация концепта «театр» в медиатекстах *Ad utilitatem* и *Ad quaestum* различается в количественном и качественном отношении. Поле концепта «театр» в собственно журналистских материалах, посвященных Екатеринбургскому театру оперы и балета, уже поля указанного концепта в корпоративной прессе (чаще всего используются только определенные его субфреймы). При этом оценочная зона концепта разноплановая. В корпоративной прессе актуализируются все выделенные субфреймы концепта «театр», при этом оценочная зона концепта одноплановая, стандартная, поскольку она задана корпоративными интересами организации, которой принадлежит издание.

1. *Азеева И. В.* Концепт театра и традиция философского знания (к проблеме формирования теории театра в XX веке) [Электронный ресурс] // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2008. Т. 11, № 72. С. 85–92. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-teatra-i-traditsiya-filosofskogo-znaniya-k-probleme-formirovaniya-teorii-teatra-v-hh-veke-1#ixzz2kd3vkxgo>.
2. *Булатова Э. В.* К вопросу о ключевых знаках журналистского текста // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 80, № 21 (312). С. 92–97.
3. *Булатова Э. В.* Практика выделения ключевых знаков журналистского текста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3(116). С. 10–17.
4. *Илова Е. В.* Театр // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград, 2007. Т. 6. С. 289–307.
5. *Майданова Л. М.* Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007. 528 с.
6. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006. 296 с.
7. *Мюллер В. К.* Новый англо-русский словарь. М., 1999. 880 с.
8. *Попова З. Д. и др.* Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2005. 220 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981–1984. Т. 1 : А.–Й. 1981. 698 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 : К.–О. 1983. 736 с.
11. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 : С.–Я. 1984. 794 с.
12. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. С. 52–93.
13. *Чернейко Л. О., Долинский В. А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 1996. № 6. С. 20–41.
14. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Статья поступила в редакцию 16.12.2013 г.

УДК 070.1 + 316.462 + 316.774

Ю. Е. Бурова
Д. Л. Стровский

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Рассматривается проблема реализации информационной политики применительно к деятельности органов региональной власти. Делается вывод о необходимости переосмысления основных содержательных приоритетов информационной политики на уровне как общегосударственного, так и регионального развития. Анализируется роль СМИ в процессе информационного взаимодействия между властью и обществом. Утверждается, что средства массовой информации, способны инициировать и формировать устойчивый диалог между различными субъектами политических отношений.

Ключевые слова: информация; информационная политика; информационное общество; СМИ; власть; общество.

Нынешняя противоречивая обстановка в России, характеризующаяся продолжающимся крупномасштабным кризисом во всех сферах общественной жизни, ставит под сомнение возможность быстрого решения назревших проблем и, как следствие, стабильного развития страны. Наряду с этим заметно возросший уровень дискусионности по поводу социально-политических перспектив современной России и одновременно публичные проявления несогласия с действиями власти со стороны части нашего общества ставят на повестку дня задачу формирования эффективной коммуникационной среды, способной снизить степень социальной конфликтности. Основным фактором развития такой среды является достижение открытого и равного диалога между всеми участниками политического пространства с целью установления консенсуса между ними и принятия конструктивных решений по поводу наиболее острых вопросов дня. В свою очередь, одним из средств создания такой среды призвана стать информационная политика как комплекс совместных действий власти, общества и СМИ по установлению таких отношений между различными сторонами социально-политического процесса.

Исследованию текущего состояния взаимоотношений власти, общества и СМИ, а также особенностей реализации в российских регионах информационной политики и посвящена данная статья.

БУРОВА Юлия Евгеньевна — директор ООО «Информационно-консалтинговая группа «Цезарь»», г. Тюмень (e-mail: b013@mail.ru).

СТРОВСКИЙ Дмитрий Леонидович — кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: strovsky@mail.ru).

© Бурова Ю. Е., Стровский Д. Л., 2014

Информационная политика: к специфике понятия

Информационная политика как способ воздействия власти на общество посредством распространения массовой информации, обеспечивающей механизм функционирования всей социально-политической системы, требует серьезного переосмысления. Это связано с масштабной трансформацией социально-политических отношений в России, со стремлением научного сообщества понять, какими качествами должна отличаться массовая информация в условиях глобализации мирового информационного пространства.

Очевидно, что национальная информационная политика должна обеспечить устойчивое развитие страны на основе принципа открытости и гласного обсуждения всех проблемных вопросов. Вне этих условий Россия, как и прежде, рискует остаться в роли «догоняющих» стран. При отсутствии такой политики, создаваемой с учетом интересов власти и общества, остается вероятность того, что отношения между этими сторонами окажутся односторонними (построенными по принципу «сверху вниз») и никогда не перейдут в русло конструктивного диалога. Это не значит, что информационная политика может реализовываться только в странах с развитыми политическими институтами, гражданским обществом и законодательно гарантированными свободами в области СМИ. Однако в авторитарных государствах, где снижены возможности плюралистического мышления и гражданских инициатив, информационная политика чаще всего зависит от воли одного или ограниченного числа лиц и не гарантирует развитие общества на основе уважительного отношения сторон друг к другу. Уважительная ко всем членам общества национальная информационная политика сама по себе не обеспечивает более высокие экономические показатели развития того или иного государства. Однако, как показывает современная международная практика, страны, где достигается консенсус взаимодействия власти и общества, демонстрируют стабильные результаты своего развития в целом, создают социальные гарантии своим гражданам, в том числе гарантию на выражение своего мнения в СМИ по самым острым вопросам. Таким образом, проводимую информационную политику в национальном масштабе мы склонны воспринимать как своеобразный барометр общеполитического курса.

Рассматривая информационную политику в рамках целостной политики, необходимо оговориться: мы воспринимаем последнюю прежде всего применительно к социальной деятельности, определяемой ответственностью властных институтов за реализацию прав граждан, с учетом базовых ценностей жизни всего общества. Это восприятие в какой-то мере носит идеалистический характер, поскольку в повседневной жизни нередко возникает дисбаланс между потребностями власти и общества. Однако стремление к консенсусу между государственными структурами и обществом, как отмечалось выше, является сегодня очевидным в большинстве наиболее развитых в экономическом отношении стран, гарантирующих своим гражданам реализацию их основных политических и социальных прав. Необходимость существования этого консенсуса берется нами за основу и при оценке возможностей осуществления ин-

формационной политики в России. Признавая несовершенство политических и правовых норм, реализуемых сегодня в нашей стране, мы тем не менее полагаем, что идея гражданской активности населения, без которой обозначенная выше информационная политика состояться не может, начинает постепенно распространяться на общественное сознание и развивать общественные инициативы. Это проявляется не только в форме активных политических протестов, но и в более осознанном, чем еще несколько лет назад, стремлении граждан к отстаиванию своих социальных, юридических прав в рамках локальных конфликтов и противоречий, в желании консолидировать свои интересы в пользу выполнения «малых дел», важных для повседневного бытия людей.

В отечественной исследовательской литературе существует несколько определений информационной политики. Так, В. Д. Попов трактует ее как способность и возможность субъектов политики оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность в интересах государства и гражданского общества с помощью информации [6, 36]. В данном случае акцентируется внимание на управленческом аспекте информационной политики, с учетом того, что информация уже стала неотъемлемым атрибутом социального управления. В соответствии с этим формирование информационной политики как системы управления информационными процессами и ресурсами воспринимается как залог экономического благополучия и безопасности страны [Там же, 28].

Предложенную В. Д. Поповым интерпретацию информационной политики нельзя воспринять как безупречную. Прежде всего потому, что подавление психики людей неизбежно ведет к усилению конфликтности как таковой и, по существу, к отрицанию в каких бы то ни было формах политической дискуссии. В данном случае можно говорить лишь об информационной политике, основанной на принижении значимости одних субъектов политического взаимодействия в угоду другим, что является антиподом паритетных отношений между властью и обществом. Вот почему такую политику нельзя принять как социально ответственную, нацеленную на формирование гражданских отношений в обществе.

Более взвешены, на наш взгляд, оценки Е. П. Тавокина, утверждающего, что информационная политика является отдельным направлением государственной политики, охватывающим не только регламентацию деятельности по управлению информационными ресурсами, развитию информационно-коммуникативной сферы и оптимизации взаимодействия со СМИ, но и информационное обеспечение деятельности власти во всех сферах общественной жизни [7, 42]. Это суждение представляется нам также и более перспективным для выяснения сущности вопроса, вынесенного в заглавие данной статьи, потому что в контекст развития информационной политики включена вся информационно-коммуникативная сфера, а не только механизм информационного управления, создаваемый властью для удовлетворения своих интересов. Предложенное Е. П. Тавокиным восприятие информационной политики позволяет трактовать ее как стратегию и одновременно сферу повседневной деятельности, основанную на диалоговых отношениях между субъектами политической деятельности.

В свою очередь, М. М. Ковалева, анализируя сущность информационной политики, полагает, что ключевым в ее определении является слово «политика», рассматриваемая не только как совокупность теоретических установок и практических действий, направленных на овладение и удержание властных полномочий, но и как процесс формирования отношений, обеспечивающих стабильное развитие и благосостояние общества [2, 125]. Преемственность решений и действий, инициируемых властью и разделяемых обществом, действительно является ключевым для восприятия перспектив формирования государственной информационной политики. Содержание этой политики неразрывно связано с комплексом действий властных структур, направленных на организацию информационного пространства и обеспечение права общества на получение полной, достоверной и объективной информации [Там же]. Получение такой информации совпадает с основным содержательным смыслом информационной политики, основанной на создании условий для обеспечения многосторонней коммуникации всех участников информационного процесса и уважительных отношений между ними.

В данном случае мы имеем в виду функционирование коммуникации в условиях существования такого государства, которое обеспечивает свою повседневную деятельность не на основе кулуарных политических решений, а на основе решений, определяемых в том числе потребностями массовой аудитории. Предложенная схема является в определенной мере условной, поскольку даже в социально развитых странах неизбежно проявление конфликтности между различными политическими и социальными группами. Тем не менее можно утверждать, что наличие ярко выраженных гражданских интересов, присутствующих в этих странах, служит залогом формирования конструктивной и последовательно реализуемой информационной политики, с учетом интересов власти и общества.

По мнению М. М. Ковалевой, информационная политика построена на действиях четырех субъектов. Это *политика* как таковая, *государственная власть* (в лице трех основных ее ветвей — исполнительной, законодательной и судебной), *СМИ*, чья деятельность базируется на функционировании различных видов массовой информационной деятельности — журналистики, PR, рекламы, и *общество* — в лице групп по интересам, институтов и партий [Там же, 126]. Таким образом, информационная политика является сложным понятием и построена на учете интересов всех субъектов политического пространства. На основе этого циркулируют и базовые информационные потоки. Информационная политика, кроме того, учитывает положение СМИ в обществе, определяемое историческими закономерностями их эволюции, особенностями их взаимодействия с государственными структурами, политическими институтами и обществом в целом, а также правовыми и этическими нормами, действующими в сфере массовой информации.

Информационную политику следует воспринимать как целенаправленное взаимодействие политики, правового обеспечения, организационных мероприятий со стороны государства и единых, разделяемых обществом и журналистским сообществом принципов осуществления деятельности СМИ [Там же].

Мы полагаем, что отмеченный выше принцип принятия различных подходов к информированию как раз и позволяет наладить диалог субъектов политики, являющийся основой построения эффективных отношений между властью и обществом в современном государстве. Именно такие отношения, на наш взгляд, способны уберечь страну от революционных потрясений и (или) обострения социальной конфликтности.

К сожалению, в условиях современной российской реальности информационная политика выглядит качественно иной. Она осуществляется посредством реализации технологий однонаправленного воздействия власти на общество с целью лоббирования нужных ей решений, без учета важности реализации взаимодействия между властью и обществом как двумя основными субъектами политических отношений. Данная ситуация сформировалась не сегодня и может быть объяснена особенностями исторического развития России: спецификой функционирования государственной власти в нашем обществе, подчинявшей себе интересы общества; высоким уровнем социальной конфликтности и одновременно низким уровнем гражданского самосознания и т. д. Ввиду ограниченности объема данной статьи представляется возможным лишь обозначить эти причины, предопределившие проблемы существования современной социально-политической ситуации в России и одновременно проводимой здесь информационной политики, но не подвергнуть их строгому научному анализу. Вместе с тем даже названные причины позволяют утверждать, что возможности реализации информационной политики в нашем государстве определяются не только действиями нынешней российской власти, но и целым рядом духовно-исторических предпосылок.

И все же только историческое наследие, доставшееся нашей стране, не в состоянии в полной мере объяснить нынешнюю российскую ситуацию в сфере информационной политики. Многое в ходе осуществления такой политики в любой стране зависит от законодательных инициатив и волеизъявления основных субъектов политических отношений. Беремся утверждать, что одной из ярко выраженных проблем современного состояния российского информационного пространства как раз и является отсутствие разработанной и реально действующей концепции государственной информационной политики.

Информационная политика в России: приоритеты становления

В условиях формирования новой российской государственности попытки разработать комплексную стратегию информационной политики предпринимались неоднократно. Тем не менее четко установленных «правил игры», регламентирующих взаимоотношения власти, общества и СМИ и учитывающих взаимные интересы этих субъектов, в России до сих пор так и не появилось. Власть, инициируя создание программ, связанных с развитием информационных инноваций, акцентировала внимание, прежде всего, на технологическом и организационном аспектах этого вопроса, оставляя на втором плане идею гармонизации отношений с обществом.

Так, в начале 1990-х гг. велась интенсивная работа в области информатизации общества и органов государственной власти, что было обусловлено активным развитием компьютеризации. С этого периода началась также разработка и норм правового регулирования массовой информации, был принят российский Закон о СМИ. Признавая исключительную значимость законодательных инициатив в этой сфере, следует отметить, что они так и не стали реально действующим инструментом по регулированию взаимоотношений власти и СМИ. Это можно объяснить отсутствием исторических традиций правового регулирования в различных сферах и одновременно слабой разработанностью современного механизма корреляции этих интересов.

На вторую половину 1990-х гг. пришлось непосредственная разработка программных документов в сфере информационной деятельности. К примеру, в 1998 г. в России была принята Концепция государственной информационной политики, главными стратегическими целями которой назывались «обеспечение перехода к новому этапу развития России — построению демократического информационного общества и вхождение страны в мировое информационное сообщество» [3, 9]. Основное внимание в документе уделялось развитию информационных технологий, телекоммуникаций и связи как главных инструментов создания информационного общества. Не оспаривая важности разработки и принятия данной Концепции, следует отметить, что ее содержание во многом носило декларативный характер. Например, не объяснялось, что подразумевается под информационным обществом, и тем более демократическим. В то же время в документе были обозначены основные принципы политики государства по отношению к СМИ. В частности, отмечалась их ключевая роль в удовлетворении общественной потребности в получении информации и ее анализе. Шла речь и о том, что СМИ в условиях становления демократического государства должны стать социальным институтом, обеспечивающим возможность постоянного информирования общества о деятельности власти и информирования власти о жизни общества и его реакции на действие власти. Таким образом, в документе была обозначена важнейшая миссия СМИ — создание условий для открытого диалога власти и общества [Там же, 10]. Однако конкретных мер и решений, направленных на реализацию данных положений, документ не содержал.

Непроясненными оказались и другие важные установки, отмеченные в Концепции государственной информационной политики. Например, говорилось, что основными направлениями информационной политики в стране должны быть недопустимость подчинения СМИ конъюнктурным интересам власти и бизнеса, а также усиление возможностей их влияния на СМИ: прямой нажим, снабжение СМИ неполной, неопределенной, искаженной или ложной информацией, откровенной дезинформацией, умышленные недоговоренности, сращивание структур власти, бизнеса, прессы и т. п. [3, 11]. Шла речь и о необходимости регулирования уровня концентрации и монополизации СМИ, а именно: о сохранении независимых источников информации, недопустимости концентрации СМИ в руках представителей экономической элиты и беспрепятственного положения журналистов; о защите интересов региональных рынков

массовой информации и содействию в развитии местных СМИ; о совершенствовании законодательства относительно создания гарантий свободы слова и информации, свободного распространения массовой информации, обеспечения плюрализма СМИ, доступа к официальной информации [3, 11].

Несмотря на важность обозначенных принципов взаимоотношений власти, СМИ и общества, конкретных мер по их реализации в отмеченной Концепции предложено не было. Она во многом разделила судьбу других официальных документов, имевших самые благие намерения, но не проработанных в реальном времени и не содержащих практического механизма реализации.

2000-е гг. были отмечены появлением целого ряда документов, заложивших основу для реализации государственной политики в сфере массовой информации в России. Ими стали Доктрина информационной безопасности (2000), федеральная целевая программа «Электронная Россия 2002–2010», Стратегия развития информационного общества России (2008) и ряд других. Стоит отметить своевременность появления этих документов, стимулировавших процессы информационного взаимодействия бизнеса и госуправления. В них формулировались технические условия создания развитой информационной среды в России, в частности, обращалось внимание на развитие связи, телекоммуникаций, значимость Интернета и возможности его проникновения в российские регионы, на важность подключения к Всемирной паутине учреждений образования, здравоохранения, науки, культуры, органов власти и т. д. Представляется, что реализация на практике всех этих усилий позволила создать в России серьезную основу для развития инфраструктуры информационного общества. Вместе с тем содержательные приоритеты информационной политики, по существу, не получили взвешенного анализа. Названные документы не уточняли, каковы перспективы развития массовой информации, не регламентировали взаимодействие СМИ с собственниками, учредителями и аудиторией. Эти вопросы, на тот момент времени уже ставшие актуальными в условиях развития рыночной экономики, «провисли». Возросшая роль общества в решении политических вопросов оказалась явно приниженой.

В качестве конкретного примера сошлемся на содержание уже упомянутой Доктрины информационной безопасности, продолжающей действовать сегодня. С одной стороны, в ней справедливо отмечается, что информационная безопасность определяется совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства, и это предполагает «реализацию конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации». В соответствии с ней личность обладает приоритетным правом не только на получение информации, но и на свою защищенность от ее негативных последствий. С этой целью любой человек имеет возможность участвовать — наряду с представителями власти, отстаивающими интересы государства, и журналистами — в обсуждении различных вопросов дня. С другой стороны, текст Доктрины по-прежнему пронизывает идея усиления правительственного контроля над этой информацией. Отмечается, в частности, что российские граждане постоянно ощущают угрозу собственной безопасности — под воздействием сообщений, пропагандирующих культ насилия, разрушающих духовные и нравственные

ценности общества. Подчеркивается также, что особую угрозу для безопасности представляют международные террористические и другие преступные организации и группы, направляющие свои усилия на ослабление России, усиление ее зависимости от зарубежных информационных структур [1].

Доктрина обращает внимание на недопустимость со стороны кого бы то ни было распространять информацию, «направленную против интересов общества», предостерегает СМИ от распространения «непроверенной информации», способной подорвать общественные устои и направленной против «сохранения согласия в обществе». Проблема заключается в том, что подобные высказывания при желании можно интерпретировать как угодно, вплоть до признания любого человека неблагонадежным для государства. Объективное отображение деятельности различных органов власти объявлено в документе делом особой важности — под предлогом того, что аудитория должна получать об этом правдивую информацию из официальных информационных источников. Из этого следует, что любая дезинформация в отношении государства вредит национальным интересам. Вместе с тем неизбежен вопрос: что именно следует понимать под этой дезинформацией? Можно предположить, что изначальная неопределенность самого понятия «объективность информации» (не только применительно к данному документу, но и в целом, по отношению к функционированию СМИ) рискует привести к его волюнтаристской трактовке, от которой легко могут пострадать обычные граждане.

Таким образом, хотя Доктрина информационной безопасности не имеет формальной юридической силы, она четко обозначает вектор государственной политики в информационной сфере. Символично, что Президент РФ В. В. Путин сразу же поручил полпредам федеральных округов и губернаторам осуществлять контроль над деятельностью региональных и местных СМИ — посредством проведения регулярных совещаний по информационным вопросам. Активное стремление большинства органов региональной и муниципальной власти сохранить политический и экономический контроль над печатными СМИ, выходящими на этих территориях, и использование в этих СМИ методов манипулятивного воздействия на население также подтверждает приверженность властных структур к монопольному владению информацией и ее распространению.

Все это и является лакмусовой бумажкой для понимания того уровня и стиля управленческих решений, который сформировался в современной России, начиная с 2000 г. (с момента прихода к власти В. В. Путина). Заботясь о реализации мероприятий по обеспечению информационной политики, руководство нашей страны ориентируется преимущественно на два фактора: на технологическое развитие информационной отрасли и защиту собственных политических интересов. Общественные интересы, выражаемые в равном доступе людей к информации, их возможности контролировать посредством информации деятельность государственных структур, остаются «за бортом», а подчас и не учитываются вовсе.

Одному из авторов данной статьи довелось быть свидетелем разработки Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации,

поскольку специально созданную для этого рабочую группу президиума Госсовета РФ возглавлял губернатор Тюменской области В. В. Якушев. Все усилия членов рабочей группы были сосредоточены исключительно на технологической стороне реализации идеи информационного общества: вносились предложения по созданию национальной суперкомпьютерной индустрии; программы создания единых информационных систем, в которые были бы подключены все социальные учреждения; схемы оцифровки всех библиотечных и музейных архивов и т. д. Было бы нелепо отрицать важность решения этих задач для страны, которая становится частью единого мирового информационного пространства. Однако при этом не менее значимой становится разработка той части концепции информационной политики, которая бы рассматривала систему взаимоотношений субъектов современного информационного пространства. Однако эта составляющая в принципе не рассматривалась авторами отмеченной Стратегии. Игнорирование важности формирования системы открытых информационных отношений подтверждает ограниченность восприятия информационной политики со стороны действующей российской власти.

Отсутствие продуманной концепции государственной информационной политики как комплекса совместных действий власти, общества и СМИ в коммуникационном пространстве приводит к тому, что и в российских регионах эта политика воспринимается исключительно как *система целенаправленного воздействия* государственных структур на СМИ. Сама власть воспринимает этот процесс неотъемлемым от технических условий информатизации (отсюда необходимость их развития, как уже отмечалось, занимает весомое место в официальных документах). Между тем в регионах проблема диалога с властью выглядит как одна из наиболее острых. Содержательными приоритетами информационной политики должны выступать механизмы и технологии создания многосторонней (партиципарной) коммуникации, результатом же ее осуществления как раз и может стать паритетное взаимодействие всех участников коммуникационного процесса.

Пока же вместо такой коммуникации возникает неравное информационное взаимодействие между властью, обществом и СМИ. В результате формируется информационное пространство, при котором интересы одних субъектов усиливаются, а других ослабевают и даже игнорируются. Сегодня власть активно воздействует на СМИ, в разных формах принуждая журналистов создавать картину мира в угоду интересам государственных структур и крупных бизнес-монополий. СМИ, в свою очередь, различными способами в буквальном смысле навязывают обществу те или иные взгляды, мало заботясь о плюрализме мнений, уважении интересов различных социальных и политических групп. Общество, аккумулируя такую информацию, транслирует ее, еще более искажая изначальный «предмет обсуждения». Таким образом, одни субъекты информационной политики неизбежно попадают под манипулятивное воздействие со стороны других субъектов.

Б. Н. Лозовский отмечает некоторые ключевые приемы такого воздействия, используемые органами власти в процессе повседневного взаимодействия

со СМИ. Это: 1) *огосударствление и муниципализация СМИ*, что предполагает вхождение в состав учредителей СМИ органов власти или государственных учреждений, а также получение редакциями государственных субсидий; 2) *филтрация* нелояльных изданий, что приводит на практике к неравному транслированию в различные редакции официальной информации; 3) *создание журналистских пулов*, что позволяет надеяться на то, что предоставляемая органами власти информация будет подаваться и интерпретироваться лояльным для них образом; 4) *работа органов власти с рекламодателями*, что выражается в рекомендации, подчас ультимативной, не тратить рекламный бюджет на нелояльные СМИ; 5) *применение административно-фискальных методов* воздействия, что влечет за собой в случае неповиновения СМИ директивам «сверху» внеплановые проверки изданий налоговой инспекцией, пожарным надзором и т. д. К вышеназванным «методам» информационной политики, по мнению автора, можно добавить, покупку нелояльных медиа-активов, покупку журналистов (прямые денежные транши за выполнение определенного информационного заказа), приглашение нелояльных журналистов на работу в подконтрольные власти структуры [4, 18]. Так, в 2007 г. собственный корреспондент газеты «КоммерсантЪ» в Тюмени возглавила пресс-службу регионального отделения «Единой России», и, как следствие, из издания исчезли критические материалы о деятельности областной власти. В свою очередь, в Курганской области нет ни одного периодического издания, которое бы воспринимало существующую власть без налета подобострастия. Схожая ситуация присутствует и в СМИ Свердловской области. Здесь, правда, выходят газеты, более взвешенно, чем в соседних областях, а то и критично оценивающие деятельность региональной и местных администраций. Среди них, например, «Новая газета на Урале» (Екатеринбург), «Егоршинские вести» (г. Артемовский) и некоторые другие издания. Однако число этих печатных СМИ крайне незначительно на фоне сервильно ориентированной прессы, где содержится преимущественно позитивная информация, оценивающая деятельность органов власти различных уровней.

Таким образом, к настоящему времени в России существуют уже не только законодательные приоритеты, регулирующие информационную политику, но и сформирована система мер, определяющая практическую реализацию этой политики. И законодательные приоритеты, и система мер построены на общем «векторе развития», реализующем идею не гражданского согласия в обществе, а ценности властной иерархии, заинтересованной в первую очередь в укреплении своих интересов и оставляющей на втором плане общественные интересы.

Все это приводит к тому, что информация становится инструментом одностороннего воздействия на общество, что видно не только на уровне федерального центра, но и российских регионов. Информационная политика как усилия по созданию общественного диалога подменяется транслированием выгодной власти информации и разработкой системы влияния на СМИ.

В качестве примера рассмотрим особенности реализации информационной политики в Тюменской области. Ряд направлений реализации этой поли-

тики получили обоснование в областной целевой программе «Основные направления информационной политики региона в 2008–2010 гг.», инициатором создания которой стал департамент информационной политики Тюменской области, существующий в структуре региональной власти. В документе были обозначены две стратегические цели: реализация гарантий конституционного права жителей Тюменской области на получение полной, своевременной и объективной информации через СМИ и обеспечение доступа населения региона к качественным и современным телекоммуникационным услугам.

В рамках данной статьи более важным представляется обоснование и реализация первой цели, определяемой идеей консолидации интересов власти и общества (вторая цель касается исключительно технического аспекта информирования). Достижение этой цели, как уже отмечалось выше, — обязательное условие развития информационного общества. Следует отметить, однако, что власть как субъект информационной политики транслирует главным образом *оптимизированную информацию*, т. е. информацию, направленную на решение определенной пиар-задачи. Под пиар-действиями в данном контексте мы понимаем создание и распространение информации, внешне претендующей на то, чтобы считаться социально ориентированной, но в действительности определяемой узкими политическими интересами.

Обо всем этом можно судить по тому массиву информации, которая получает место на страницах тюменских региональных и местных печатных СМИ (например, таких газет, как «Тюменские известия», «Тюменская область сегодня» и др.). Внимательный анализ информации, транслируемой органами власти различных уровней с начала 2013 г., подтверждает стремление государственных структур создать о себе только позитивное впечатление, без попыток взвешенного восприятия различных аспектов жизни общества. Наряду с этим данная ситуация свидетельствует и о готовности медиасообщества к получению и распространению именно такой информации. С одной стороны, существующая картина определяется общенациональными законодательными приоритетами, получившими развитие в России в последние годы, а с другой стороны, она стала возможной благодаря постоянному и масштабному контролю над деятельностью медиасообщества, проводимому в регионе со стороны различных ветвей государственной власти. Этот контроль зачастую формально не регламентирован, однако он не исключает использования набора приемов манипулятивного воздействия, отмеченного выше. Все это приводит к тому, что в Тюменской области подчас существенно ограничивается реализация конституционного права на получение полной, своевременной и объективной информации.

Разработчики отмеченной программы «Основные направления информационной политики региона в 2008–2010 гг.» предлагают обеспечивать граждан объективной и полной информацией посредством решения нескольких задач. Это повышение информированности населения о жизни области и страны, создание условий для обеспечения доступа населения к социально значимой информации и обеспечение обратной связи с населением путем проведения социологических исследований и мониторинга СМИ [5, 3].

Проанализировав практику реализации намеченного, беремся утверждать, что сформулированная в документе задача повышения информированности населения решается в первую очередь посредством увеличения общего числа официальных сообщений, появляющихся в СМИ. Наше суждение базируется на том, что основным критерием эффективности работы пресс-службы губернатора является не что иное, как общий объем информации о деятельности региональной власти. В свою очередь, задача создания условий для доступа населения к социально значимой информации решается за счет реализации в СМИ государственных информационных заказов, а также увеличения льготной подписки на официальные СМИ. В данном случае критерием оценки является доля СМИ социальной направленности в процентном соотношении от общего количества зарегистрированных СМИ в регионе [5, 5].

Что же касается задачи обеспечения обратной связи путем проведения социологических исследований и мониторинга СМИ, то ее выполнение заслуживает отдельного внимания. Именно эффективное использование СМИ как посредника между госструктурами и обществом может помочь власти в обеспечении устойчивости своего положения. Однако сама власть в настоящее время воспринимает выполнение этой задачи утилитарно. Реализация обратной связи исключительно посредством социологических опросов и мониторинга СМИ представляется нам недостаточной, гораздо более эффективными формами являются открытые диалоговые площадки, такие как прямые теле- и радиоэфир и интернет-блоги. И если блоги получают развитие в интернет-пространстве, то остальные формы взаимодействия аудитории реализуются плохо по причине невнимания к ним со стороны властных структур. Если в 1990-е гг. прямые теле- и радиоэфиры были частыми, то сегодня они уступили место заранее подготовленному общению представителей власти с аудиторией. Чиновники различных уровней заранее получают вопросы и поэтому имеют возможность подготовить «приглаженные» ответы, озвучиваемые к тому же в записи. Все это нивелирует сам смысл взаимодействия с аудиторией. На сегодняшний день эффективность обеспечения этого взаимодействия оценивается в Тюменском регионе исходя из общего числа проведенных социологических исследований и телефонных опросов по значимым проблемам региона [Там же, 6].

Уместно утверждать, что информационная политика воспринимается чиновниками исключительно как управленческий инструмент в узком смысле этого слова, создаваемый на основе интересов региональной власти. Приоритетами этой политики становятся распространение релевантной информации, направленной на формирование нужных власти убеждений, и прямое воздействие на общество посредством регулярных сообщений, транслируемых пресс-службой областной власти. Схожие приоритеты в рамках проведения информационной политики осуществляются не только в Тюменской области, но и в других российских регионах. Газетные издания регионального и муниципального уровней с готовностью перепечатывают пресс-релизы областной власти без какой-либо проверки содержащейся в них информации. Эти сообщения нередко подменяют собой собственно редакционную информацию, на них

же базируются и так называемые «расследования», «разоблачения» и т. д. В итоге существенно снижается эффективность собственно журналистской работы, которая становится содержательно и организационно зависимой от информационного воздействия со стороны властных структур. В складывающихся условиях чаще всего невозможно вообще ставить вопрос о журналистике как виде массовой коммуникации, она подменяется PR, а зачастую неприкрытой пропагандой. Все это в конечном итоге снижает доверие к СМИ со стороны массовой аудитории и определяет низкие тиражи большинства печатных изданий. Снижение доходов от продаж своих СМИ побуждает редакции еще активнее прибегать к финансовой поддержке со стороны госструктур, являющихся учредителями этих медиа, и тем самым все более забывать о социальном характере своей деятельности. Получается замкнутый круг, и формируется все большая зависимость от власти имущих.

Подведем итоги сказанному. Информационная политика (реализуемая сегодня как в рамках РФ в целом, так и на уровне регионов) пока недостаточно соответствует повседневным запросам общества. Основная проблема состоит в том, что от разработки и осуществления на практике этой политики отсечено само общество. Мы полагаем также, что в соответствующей концепции больше внимания должно уделяться не техническим приоритетам этой деятельности (при всей важности их реализации), а содержательным. Последние предполагают использование различных форм взаимодействия с аудиторией, а не только прямые способы воздействия на СМИ, используемые повсеместно в нынешних условиях. Проблема реализации информационной политики заключается еще в декларативности разработанных документов. Им присущ директивный тон, унаследованный с советского времени, эти документы напоминают инструктивные решения, призванные покарать неугодных и всех сомневающихся в правоте написанного.

Создавшаяся ситуация не может измениться быстро. Вместе с тем очевидно, что в настоящее время необходим серьезный аудит эффективности департаментов информационной политики органов власти — главным образом в отношении качества распространяемой ими информации. Учитывая соответствующие сложности, встречающиеся в профессиональной деятельности пресс-служб органов госвласти, необходимо проведение различных форм учебы их сотрудников и всех тех, кто задействован в реализации информационной политики в регионах. Это нужно еще и потому, что сегодня данные должности не всегда занимают люди, знакомые со спецификой создания и распространения массовой информации, плохо представляющие технологию создания эффективных новостей и других материалов. На семинарах с сотрудниками департаментов информационной политики надо вести серьезный разговор о сущности СМИ как социального института, его духовной роли и управленческой миссии в обществе, о массмедийных жанрах и многих других вопросах. Все это, думается, приблизит участников информационного процесса к созданию системы эффективного диалога власти и общества, а значит, будет способствовать реализации социальных и профессиональных функций СМИ.

Что же касается разработки документов, связанных с проведением информационной политики в центре и на местах, то основная проблема по-прежнему заключается в кулуарности принимаемых решений. Процесс создания документов должен быть более открытым и объединять усилия не только чиновников, но и журналистов, академических экспертов и других представителей российского сообщества.

Только в этом случае информационная политика сможет стать комплексом равноценных усилий власти, общества и СМИ, направленных на создание открытых и доверительных отношений и позволяющих снизить конфликтность в российском обществе, возникающую в том числе по причине распространения неполной, недостоверной и малосодержательной информации.

1. Доктрина информационной безопасности. Цит. по: http://www.rg.ru/official/doc/min_and_vedom/mim-bezop/doctr.stm

2. Ковалева М. М. Содержание и структура понятия «государственная информационная политика» // Средства массовой информации в современном мире. СПб., 2010. С. 125–126.

3. Концепция государственной информационной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/> (дата обращения: 23.03.2013).

4. Лозовский Б. Н. Власть как субъект манипуляции средствами массовой информации // Журналистика и политика : сб. ст. Екатеринбург, 2004. С. 55–67.

5. Основные направления развития средств массовой информации Тюменской области на 2008–2010 гг. [Электронный ресурс] : портал органов гос. власти Тюм. обл. URL: www.admtyumen.ru (дата обращения: 7.04.2013).

6. Попов В. Д. Информационная политика. М., 2003.

7. Тавокин Е. П. Государственная информационная политика: концепции и перспективы. М., 2001.

Рукопись поступила в редакцию 04.12.2013 г.

УДК 070.325 + 316.77 + 659(560)

Е. С. Голоусова

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ ГЛАЗАМИ ТУРЕЦКИХ СМИ (на примере издания TODAY'S ZAMAN)

Рассматриваются особенности функционирования современных турецких СМИ на примере конкретного печатного издания. Автор подробно останавливается на основных темах публикаций, способах подачи информации, а также характеристиках турецкой медиаиндустрии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: периодическая печать; СМИ Турции; зарубежная журналистика.

Современное состояние турецкой печати

На территории Турции выходит более 30 ежедневных газет. Редакции многотиражных ежедневных газет расположены в Стамбуле, в то время как сами издания распространяются на территории всей страны, являясь по сути общенациональными. *Hürriyet* («Свобода»), самая крупная ежедневная газета, имеет тираж 850 тыс. экз. Чуть меньше тираж (от 200 тыс. до 300 тыс. экз.) у трех других крупных изданий — *Günaydın* («Доброе утро»), *Tercüman* («Переводчик») и *Milliyet* («Национальность») [1].

Менее крупное издание *Cumhuriyet* («Республика») также играет определенную роль в формировании массовой политики, поскольку в основном его читают представители экономической и политической элиты страны. В целом в Стамбуле издаются более 12 ежедневных газет, 9 — в Анкаре и 3 — в Измире. В других относительно крупных городах (Адана, Бурса, Кония, Мерсин, Диакбакир и Газиантеп) выходит по меньшей мере одна местная газета. Более того, в стране также издаются ежедневные, ежемесячные и ежеквартальные газеты и журналы [Там же].

Что касается состояния современных турецких СМИ в целом, то нам бы хотелось сослаться на мнение Тахи Озкана, крупного медиаэксперта, а также специалиста по взаимоотношениям журналистики и политики. Согласно Озкану, «споры о том, что собой представляет система СМИ в Турции, никак не утихнут. Более того, говорить о проблемах в данной области невозможно без отрыва от проблемы взаимоотношений власти и СМИ. После того как Партия правосудия и развития пришла к власти, отношения власти и СМИ перешли на новый уровень. Важно также учитывать и тот факт, что в течение долгого времени именно позиция правительства служила решающим фактором в определении медийной политики» [Там же].

По мнению еще одного турецкого журналиста — Явуза Байдара, в настоящий момент наиболее серьезная проблема для турецких СМИ — свобода слова. По данным некоторых международных организаций, Турция — это страна, где огромное количество журналистов находятся в тюрьме. По некоторым данным, в тюрьмах содержатся около 200 студентов и 72 журналиста и активиста (в основном курдского происхождения). А согласно www.engellinweb.com, примерно 9 тыс. веб-сайтов заблокированы. Но говорить о полном отсутствии свободы в стране было бы неправильно. Скорее, можно сказать о наличии в стране частичной свободе [2]. Более того, по утверждению Явуза Байдара, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган периодически подает в суд на журналистов и карикатуристов, обвиняя их в клевете и других правонарушениях. В целом печатные СМИ Турции нельзя назвать полностью независимыми и свободными. Что касается крупных медиакорпораций, то здесь присутствует и внутренняя цензура. Например, об этом говорит тот факт, что журналисты не желают (или не умеют) писать о коррупции, злоупотреблении властью и т. п.

С другой стороны, даже присутствие небольшого количества независимых СМИ на турецком рынке оказывает огромное влияние на формирование общественного мнения. По сравнению с прошедшим десятилетием в настоящее время в турецких общенациональных и региональных СМИ стало меньше запретных тем. Такие издания, как еженедельные *Taraf*, *Zaman* и еженедельное *Nokta*, способствуют развенчиванию мифов о прошлом страны, проблемах в армии, а также доносят до широкой аудитории информацию о преступлениях против человечества [3].

Хотелось бы привести еще одно мнение относительно положения журналистов в Турции. Так, корреспондент газеты «Агос» Робер Копташ считает, что журналистика — одна из самых опасных профессий в Турции. Наибольшая опасность для журналиста исходит, по мнению эксперта, от правовой системы Турции, которая не дает возможности проводить независимые журналистские расследования и ограничивает свободу слова. Стоит заметить, что 19 января 2007 г. в центре Стамбула был убит главный редактор армянской газеты «Агос» Грант Динк. *«Для журналистики в Турции существует множество “табу”, например, до сих пор очень сложно критически писать о первом президенте Турции Кемале Ататюрке и турецком национализме: ведь все еще существует статья № 301 Уголовного кодекса, которая предусматривает наказание за “оскорбление турецкой нации”»* [Там же].

Причем совершенно очевидно, что любая критика существующей политической системы или армии может быть при желании расценена как «оскорбление турецкой нации». Примечательно, что если журналист попадает под такую статью, то в глазах общественности он становится «раскольником», «антигосударственником». С точки зрения Копташа, в данном контексте сегодня наибольшую опасность для общества представляет радикализованная, националистически настроенная турецкая молодежь. Ведь именно эти люди являются наиболее внушаемыми, поэтому они легко могут стать орудием в руках «спрятанных в недрах государственной машины сил», цель которых запу-

гать или устранить «неудобного» журналиста. Таким образом, можно заключить, что от желающих состояться в профессии журналистов требуется огромная сила духа, а порой и самопожертвование [3].

***Today's Zaman* как одно из наиболее прогрессивных изданий Турции**

А теперь обратимся непосредственно к изданию *Today's Zaman* (www.todayzaman.com). Для начала необходимо заметить, что *Today's Zaman* (от тур. *zaman* — время) — это одна из трех крупнейших турецких газет, которые выходят на английском языке. Издание специализируется на международных и общенациональных новостях. Здесь также публикуются колонки, посвященные текущим новостям, событиям из мира финансов, культуры и различные интервью. Основные конкуренты *Today's Zaman* — *Hürriyet Daily News* и *Good Morning Turkey* (www.goodmorningturkey.com). *Today's Zaman* изначально представляло собой англоязычную версию старейшего печатного издания *Zaman*, тем не менее в настоящий момент у *Today's Zaman* своя независимая редколлегия. Основные рубрики издания: «Press Review» («Обзор прессы»), «National» («Общенациональные новости»), «Business» («Новости бизнеса»), «Interview» («Интервью»), «World» («В мире»), «Expatriate Zone» («Зона экспатов»), «Culture & Arts» («Культура и искусство»), «Opinion» («Мнение»), «Columns» («Колонки»), «Leisure» («Досуг»), «Today's Learning» («Изучаем сегодня»), «Sports» («Спорт»).

В качестве эмпирической базы нами было выбрано пять выпусков *Today's Zaman* за сентябрь 2013 г., включая воскресное приложение *Sunday's Zaman*. Нашей целью было проанализировать, какие темы чаще всего фигурируют на страницах данного издания, а также какие методы и подходы используют турецкие журналисты в работе с информацией. Выбор был обусловлен политическими событиями, происходившими осенью 2013 г., — переговорами, касавшимися ситуации в Сирии и имевшими международное значение, а также рядом других событий национального масштаба.

Для начала необходимо отметить, что большее количество полос отдано публикациям, в которых идет речь о событиях общенационального масштаба, однако та же ситуация в Сирии не могла остаться без внимания турецких коллег, поэтому о ней говорили достаточно часто. Так, в одном из сентябрьских выпусков *Today's Zaman* появился развернутый материал аналитического характера, посвященный переговорам, касающимся ситуации с химическим оружием (Россия и США проводят мирные переговоры относительно ситуации с химическим оружием в Сирии // *Today's Zaman*. 2013. 14 Sept.) [6]. Этой же теме посвящены колонки журналистов Абдуллы Бозкурта («Сирия без химического оружия — хороший вариант для Турции») и Тугбы Айдин («Тайна химического оружия»). Авторы рассуждают о том, как может повлиять ситуация в Сирии на политическую жизнь в Турции. Абдулла Бозкурт пишет: *«Неудивительно, что Турция положительно и в то же время с осторожностью отреагировала на предложение России относительно изъятия химического оружия.... Любое соглашение и любая договоренность должны*

способствовать поиску политического решения с целью остановить кровопролитие» [3].

Если говорить о международных новостях, то в этом же номере опубликована расширенная информационная заметка под заголовком «Dozens feared dead after fire at Russian psychiatric hospital» («Множество погибших после пожара в одной из российских психиатрических больниц»). Материал предоставлен агентствами REUTERS и Associated Press, о чем говорится в конце публикации. Здесь идет речь о трагедии в одной из психиатрических больниц в д. Луки Новгородской области. Материал сопровождается двумя фотографиями: одна на первой полосе, на ней изображены работники службы МЧС, выносящие тела погибших, и еще одна на 11-й полосе, здесь изображены пожарник и разрушенное здание самой больницы. В публикации приводятся высказывания официальных представителей власти (губернатора Новгородской области Сергея Митина), а также представителя одного из профессиональных сообществ — президента независимой психиатрической ассоциации Юрия Савенко. В частности, по мнению последнего, *«удручающее состояние психиатрических клиник служит причиной того, что растет количество погибших во время пожара. Более того, треть построек, находящихся в подобном состоянии, были признаны непригодными для дальнейшего использования еще в 2000 г.» [6].*

Особый интерес, на наш взгляд, представляет рубрика «Зона экспатов», в которой публикуются материалы различных авторов, чаще всего экспатов. В частности, в проанализированных нами выпусках изданий представлены публикации Шарлотты Макферсон, Пэт Йель и Эльз Лофтис, которые родились и выросли за рубежом, но уже на протяжении долгого времени проживают в Турции. В материалах авторы делятся своими впечатлениями о жизни в этой стране, сосредотачивая внимания на отдельных культурологических аспектах. Так, например, в одной из заметок, опубликованных под заголовком «Домогательства и подпорченное впечатление о Турции», Шарлотта Макферсон рассуждает о том, с какими трудностями может столкнуться женщина и как не попасть в неловкую ситуацию. Так, по мнению автора, женщина на территории Турции может подвергнуться разного рода харассменту (домогательствам). *«Это могут быть просто выкрики, громкие призывы, свист, а также попытка физического контакта. Это правда, что когда вы находитесь в Стамбуле, вы можете подвергнуться харассменту в определенных районах города, впрочем, как и в любых других местах. Очень часто мои знакомые, которые приехали в Турцию из других стран, делятся опытом и рассказывают о том, как они стали жертвой харассмента. Обычно это происходит на шумной рыночной улице, где очень много народу, или в переполненном общественном транспорте. Внезапно мужчина оказывается рыдом с вами или прикасается к вам, хватая вас. Безусловно, у любой представительницы прекрасного пола такое поведение вызовет негативную реакцию. В такие моменты женщина чувствует свою беспомощность».* Но выход, по мнению автора, есть. Например, можно использовать набор «убийственных» фраз, которые вызовут чувство стыда у обидчика. *«Можно и нужно звать на помощь полицию. Наконец,*

нужно сообщить окружающим, что вы стали жертвой харассмента», — завершает свой материал Шарлотта Макферсон [6].

Данная рубрика, на наш взгляд, имеет огромное социальное значение, поскольку она дает культурные и социальные ориентиры. Читая материалы данной рубрики, человек понимает, как следует себя вести в обществе, как понять негласные законы страны, в которой он живет в настоящее время и, возможно, планирует жить в будущем.

Еще одна важная тема, которой уделяется серьезное внимание на страницах данного издания, — это изменения в системе образования страны. Публикации по этой теме присутствуют в 3 выпусках издания. Так, автор публикации «Education minister explains controversial new system» («Министр образования говорит о противоречиях, касающихся новой системы образования») сообщает о пресс-конференции, состоявшейся в отеле JW Marriott, во время которой министр образования Турции Наби Авси разъяснил школьникам и их родителям специфику перехода в старшие классы и обосновал необходимость введения дополнительных экзаменов для школьников. Здесь же приводятся мнения различных представителей профессионального сообщества. На их взгляд, система, в рамках которой школьники проходили тестирование всего лишь раз в году (в конце учебного года), была наиболее оптимальной. К тому же серьезную озабоченность вызывают и новые принципы оценки результатов тестирования. Так, согласно новым правилам, на итоговую оценку будет влиять непосредственно результат тестирования (60 %), а также оценка деятельности конкретного студента преподавателем (40 %). Именно эти изменения, по мнению профессионалов, могут стать камнем преткновения в будущем. Более того, в Турции, отмечает автор, и без того слишком часто меняются правила проведения экзаменов для старшеклассников (имеются в виду реформы 1997, 2005, 2008, 2009 и 2010 гг.). В заключение журналист ссылается на мнение преподавателей, призывающих перестать использовать школьников и школьную систему в качестве площадки для новых опытов [4].

Еще одна важная особенность данного издания — серьезная увлеченность журналистов темой спорта. Как правило, ей уделяется один, а иногда и два разворота (чаще последние полосы). Здесь публикуются репортажи с футбольных и теннисных матчей, новости о достижениях футболистов «Galatasaray» (известная турецкая команда), а также результаты соревнований лыжников, пловцов и т. д. [5].

И, наконец, еще одна рубрика, заслуживающая внимания, — это «Today's Learning» («Изучаем сегодня»), занимающая целую полосу. Речь идет об изучении английского языка. В рубрике приводятся различные задания, включающие в себя грамматические и лексические тесты по английскому языку. В одном из номеров задания подразделяются на тесты для школьников 6-х и 7-х классов. Например, в номере Today's Zaman за 4 сентября 2013 г. приводится небольшой текст о здоровом образе жизни. Затем дается задание: нужно ответить на вопросы и написать мини-сочинение на тему «Как ты следишь за своим здоровьем». На этой же полосе — задание страноведческого типа: текст

о Барселоне с последующими вопросами, снабженный крупной иллюстрацией легендарного Sagrada Familia (Собор Святого семейства) [5].

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно говорить о присутствии в данном издании достаточно широкой и разнообразной информационной палитры. Журналисты Today's Zaman в своих публикациях уделяют внимание самым разным событиям, начиная от политической обстановки в стране и кончая ситуаций в сфере образования. Более того, на страницах данного издания встречаются и критические высказывания. Так, например, авторы материала о реформе в сфере образования не побоялись привести мнение противников новой системы тестирования в турецких школах.

В целом, характеризуя способы подачи информации в Today's Zaman, можно отметить, что это достаточно прогрессивное издание, повествующее о происходящем в стране в спокойной манере и не акцентирующее внимание на каких-либо отдельных аспектах общественной жизни. Цель данного издания — создать положительный образ страны и сформировать картину дня в сознании совершенно определенной читательской аудитории — главным образом иностранцев, не владеющих турецким языком, но желающих быть в курсе событий.

-
1. [Electronic resource]. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/the-media-in-turkey-.aspx?pageID=449&>.
 2. [Electronic resource]. URL: www.indexoncensorship.org/2013/07/turkeys-media-a-polluted-landscape.
 3. [Electronic resource]. URL: <http://www.turkishnews.org>.
 4. Today's Zaman. 2013. 4 Sept.
 5. Ibid. 5 Sept.
 6. Ibid. 14 Sept.

Рукопись поступила в редакцию 20.12.2013 г.

УДК 621.397 + 316.77:004 + 070.1:004.5

И. В. Зиновьев

ТЕЛЕВИДЕНИЕ XXI в.: ОТ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ К МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассмотрены основные особенности современного телевидения: многоканальность, сегментация аудитории, преобразование жанров, развлекательная направленность, виртуализация действительности, манипулятивное воздействие, обилие рекламы, интерактивность. Намечены основные направления совершенствования профессиональной подготовки будущих журналистов.

Ключевые слова: современное телевидение; СМИ; коммуникации; интерактивность; многоканальность; сегментация аудитории; жанры телевидения; инфотейнмент; виртуальность; манипуляция аудиторией; телереклама; мультимедийная журналистика.

Представление исследователей о телевидении имеет ряд особенностей, о которых любой интересующийся может узнать из пособий по телевизионной журналистике. Попытаемся разобраться в том, каково сегодняшнее состояние телевидения и насколько справедливы утверждения теоретиков недавних лет о его природе. Телевидение, утверждает в словаре В. В. Егорова, это «создание и массовое распространение аудиовизуальной информации в определенной системе взаимодействия с аудиторией. Под аудиовизуальной информацией понимается любое предоставление в распоряжение населения или отдельных лиц средствами телевизионной техники знаков, сигналов, изображений, звуков или иных сообщений, не носящих характер частной корреспонденции. В понятие “телевидение” входят трансляции, передача или прием знаков, сигналов, надписей, изображений, звуков или сведений любого рода посредством проводной связи, оптических систем, радиотехники или иных электромагнитных систем. Все это делает телевидение одним из важнейших средств массовой информации» [4].

Если в 1997 г., когда увидел свет цитируемый словарь, данное определение еще могло восприниматься как близкое к реалиям, то сегодня оно бесспорно устарело. Дело в активном развитии интернет-технологий, в том числе связанных с совершенствованием процесса передачи потребителям видеоконтента, под которым принято понимать как пересылку отдельных видеофайлов, так и потоковую видеотрансляцию. И если отвлечься от понятия «средства телевизионной техники», то все прочее в вышеприведенной словарной статье вполне может быть отнесено к Интернету. Впрочем, что такое средства телевизионной техники? Может ли в этом качестве выступать обычная веб-камера, которая не только «снимает» (захватывает движущееся изображение), но

ЗИНОВЬЕВ Илья Викторович — доктор философских наук, заведующий кафедрой телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: ziliv@mail.ru).

© Зиновьев И. В., 2014

и может передавать видео любому зрителю (пользователю Интернета), подключившемуся к определенному серверу? Нам представляется, что может.

В список не вполне отвечающих современности системных характеристик телевидения могут быть добавлены «одновременность события и его показа» и «симультанность». Как пишет А. Я. Юровский в классическом учебнике МГУ, «непосредственность телевидения (как и радиовещания) определяет принципиальную возможность предельно оперативного получения и распространения информации; это, разумеется, исключительно важно для телевидения как рода журналистики. Не менее важно, что симультанность прямой телепередачи выступает как фактор, создающий “эффект присутствия”, т. е. придающий телевизионному сообщению особую достоверность, документальность — качество, также чрезвычайно существенное для успешного решения информационных и социально-педагогических задач». В дальнейшем оговаривается, что далеко не всегда зритель видит «живой» эфир, но «телевидение не перестает быть самим собой, используя предварительно зафиксированное изображение» [26].

Позволим себе не согласиться с уважаемым исследователем отечественной журналистики, поскольку, во-первых, самую высокую оперативность обеспечивают сегодня разные интернет-сервисы, а во-вторых, основной массив «живых» телепередач был характерен только для начальной стадии становления нового вида СМИ. В дальнейшем видеозапись и идеологическая цензура сделали свое дело, и до самого последнего времени большинство телепродуктов зритель потребляет в режиме «отложенного просмотра», как говорят всегда-таки видеосайтов. То есть по телевизору показывают заранее смонтированный видеоконтент, хранимый в цифровом виде. Основное отличие от интернет-архивов заключается в том, что аудитория должна ориентироваться не в списке файлов, а в телепрограмме (которая порой меняется без ведома зрителя).

Сегодня, хотя и наблюдается уменьшение потенциальной телеаудитории [15, 67], большая часть населения России предпочитает «голубой экран» Интернету. Однако уровень доверия не столь высок, как в прежние годы. По недавнему опросу ВЦИОМ, телевидение остается в России первым по востребованности источником информации, но доверяют ему только 60 % опрошенных [19]. И это вполне объяснимо. Многие понимают, каких высот достигли в своем развитии информационные технологии (очень характерно с этой точки зрения современное слово «отфотошопить»), и умеют отличить реальную жизнь от полуправды или умело смоделированной реальности. «Достоверность материала — важное, первичное качество тележурналистики. Жертвовать им крайне опасно. Но правда еще и в том, что современное телезрелище отходит от журналистики все дальше. Зритель — не дурак. Он чувствует подмену. Вот почему нишу документальных программ в его восприятии постепенно занимают реалити-шоу и игровые сериалы, а ток-шоу воспринимается в первую очередь как постановочная иллюзия, а уж потом как разговор на какую-то тему» [10, 93]. Таким образом, ни о какой особенной достоверности многих телепередач речи быть не может.

Что же в самые последние годы происходит с традиционным телевидением в России? Почему далеко не всегда работают прежние определения и критерии

рии? Конечно, ответить исчерпывающе на данные вопросы непросто, но основные тенденции вполне можно обозначить.

Прежде всего, обратим внимание на многоканальность современного телевидения и связанную с этим сегментацию телеаудитории. Процессы эти, в свою очередь, обусловлены техническими новшествами — развитием индивидуального спутникового телевидения и кабельных телесетей. «Невозможно насильно заставить человека смотреть телевизор, тот или иной канал, данную конкретную телепрограмму. Увеличение количества программ, развитие так называемого нишевого вещания расширяет селективные возможности аудитории, ведет к ее расслоению “по интересам”» [25].

В крупных городах, где можно выбирать среди сотен спутниковых и десятков кабельных каналов, зритель составляет список любимых каналов и закладывает его в память современного телеприемника. И даже таких, предпочитаемых, телеканалов может оказаться более десяти. Одновременно смотреть их невозможно, но на помощь приходят различные системы «отложенного просмотра» — начиная от записи на собственный компьютер и заканчивая современными системами хранения на удаленных серверах. Затем сохраненный видеоконтент вновь сортируется и просматривается в порядке значимости для конкретного потребителя.

Несмотря на то, что расслоение российской аудитории по интересам еще отстает, особенно в небольших населенных пунктах, от аналогичного процесса в высокоразвитых странах, «фрагментация аудитории представляет собой устойчивую и долгосрочную тенденцию, которая по мере развития технологий и роста многообразия телевизионных услуг, особенно при переходе телевидения на цифровые технологии, будет нарастать», констатировала некоторое время назад И. А. Полуэхтова [16, 72]. И с данным выводом нельзя не согласиться.

Процесс сегментации аудитории является главнейшей тенденцией последних лет, влияющей на сущность телевидения, которое все более и более теряет свою однонаправленную вещательную характеристику и вследствие этого уже не может быть прежним средством массовой информации, тем более — идеологическим инструментом, монопольно применяемым одной политической партией или общественным движением. Транслируемые вещателями видеопотоки превращаются пользователями в индивидуальные наборы статичных видеофайлов, в своеобразную видеобиблиотеку, куда можно зайти в любое время и просматривать только то, что значимо для конкретного индивида. «В целом цифровые технологии несут в себе возможность углубления индивидуализации телепотребления и повышения активности зрителей, связанной с поиском и выбором контента, а также временем и способом его просмотра» [15, 76].

Вполне понятное в такой ситуации желание телеменеджеров удержать аудиторию приводит к снижению общего качественного уровня контента, что является еще одной характеристикой современного телевидения. Современные продюсеры стремятся повысить рейтинги телеканалов самым простым способом — идя на поводу у массового зрителя с его стремлением к малоинтеллектуальным развлечениям, основанным на простейших потребностях

и эмоциях. На наш взгляд, вполне допустимо сравнивать нынешние телепрограммы на некоторых телеканалах с номерами циркового представления. Народ требует «хлеба и зрелищ».

Симптоматично, что на разных интернет-ресурсах можно обнаружить дискуссии по поводу того, относил ли В. И. Ленин (устаревший «классик», но для некоторых по-прежнему авторитет!) к важнейшим искусствам только кино или еще и цирк, считал ли народ безграмотным и т. д. [11, 12, 24].

Однако суть проблемы не только и не столько в искажении цитаты (хотя, конечно, это недопустимо), сколько в понимании смысла беседы В. И. Ленина с А. В. Луначарским, в которой и была сказана вызывающая споры фраза. На наш взгляд, вполне четко суть этой проблемы сформулировал в «живом журнале» белгородского поэта В. Волобуева (<http://g-gumbert.livejournal.com>) пользователь В. Бабин (<http://starojlov.livejournal.com>): «На самом деле, именно это имел в виду ВИЛ — кино как средство пропаганды, поскольку народ был темен совершенно, грамоты не знал, читать не мог. Потому никак его не сагитируешь иначе. Подумай сам: почему — кино? Почему не балет, не опера, не симфоническая музыка, изобразительное искусство и т. д.? Именно кино — то же, что сегодня зомбоящик» [12].

Дальнейшее упрощение «циркового» тренда явно просматривается в так называемом мусорном или треш-телевидении, которое кратко может быть обозначено как «информационно-развлекательное телевидение, которое не несет просветительского заряда и не обогащает человека духовно» [13].

Ставка на развлечения и потребительское отношение ко всему в итоге приводит к тому, что даже «трагедия становится развлечением, потребляемым за чашкой чая перед телевизором на удобном диване». Как подчеркивает А. Н. Фортунатов, «электронные массмедиа не только превращают образцы девиантного поведения в социальные стереотипы. Показанные по общедоступным каналам сцены насилия и даже убийств превращаются из табуированных, морально запрещенных тем в “крайние проявления нормы”. Например, во время чеченской войны по центральным каналам были показаны архивы боевиков со средневековыми казнями пленных. Журналисты, “комментировавшие” эти кадры, призывали нервных зрителей не смотреть, тем самым лишь усиливая ажиотаж. Преступлением был даже не сам показ этих зверств, от которых начали погибать и зрители (писатель Лев Разгон получил сердечный приступ и умер). Еще страшнее было то, что обществу была сделана “инъекция жестокости”» [22].

Размытие границ традиционных жанров и появление новых форм представления информации можно отнести к третьей характерной черте современного телевидения. Если на раннем этапе становления и развития российского телевидения появились жанры, напрямую заимствованные у американских коллег и неприемлемые для советского вещания (политические теледебаты, развлекательные и реалити-шоу), то сегодня правильное говорить о новых формах телевизионного показа, когда в рамках одной телепередачи сочетаются самые разные жанры.

Ведущим направлением, как и раньше, остается инфотейнмент. При этом развлекательная направленность современного телевидения, поддержанная

новейшими технологиями, приводит к заметному преобладанию развлекательных передач над всеми прочими. Сами эти передачи и жанры, заметим, в отдельную группу начали выделяться не так давно [1, 7, 8, 14, 20].

Погоня за сенсационностью, упакованная в обертку развлекательности, приводит к тому, что реальный мир все более и более превращается в мир виртуальный, спроектированный на потребу публике в телевизионном «зазеркалье». *Таким образом, четвертой важной чертой нынешнего телевидения становится виртуализация реальности.* Сошлемся в данном случае на А. Н. Фортунатова, который говорит об «имитации простого и логичного мира с помощью в высшей степени искусственных телевизионных технологий. Эту нишу пытаются занять некоторые реалити-шоу и сериалы. Символом подобного моделирования реальности на отечественном телевидении может быть передача “Квартирный вопрос”, в которой на глазах у зрителей происходит превращение убогого жилища в сверкающий оазис. Но подобные передачи идут и в Германии (там программа называется “Вторжение в четыре стены”), и в Англии, где, по некоторым оценкам, и родился этот формат, и в Америке: потребность в передачах, осуществляющих *переход от “реального ТВ” к “моделирующему ТВ”*, велика везде» [22].

Телепродюсеры, увлеченные «моделирующим телевидением», ориентируют зрителя на то, что в такую реальность можно просто войти, для развлечения поиграть с ней, а затем также просто выйти. Но это далеко не так. Особенно если потребитель информации, в силу каких-либо причин (возраст, болезнь, высокая внушаемость и т. д.), «подсел» на подобные передачи. Сначала меняется психология телевосприятия, потом появляется физическая зависимость, далее трансформируется психика человека. В конечном итоге картина мира представляется «телеману» достаточно далекой от реальности, соответственно далеки от адекватных и его поступки. Как указывает С. А. Зелинский, «появление телевидения — это своего рода революция, последствия которой человечество еще не постигло до конца. Причем с появлением телевидения происходят кардинальные изменения в массовом психическом сознании. Сознание большинства индивидов утрачивает способность к аналитической (и вообще мыслительной) работе. За счет навязываемых редакторами готовых схем — шаблонов восприятия — в психике индивида вырабатываются различные стереотипы, то есть модели отреагирования на ту или иную жизненную ситуацию. Поэтому при возникновении оной, такой индивид подсознательно выполняет поступок, прежде смоделированный редакторами тех или иных телепередач» [6, 217].

Ранее мы говорили о развлечениях на телевидении или упрощенном, ориентированном на малоподготовленного зрителя, содержании телепередач. Однако не менее характерно для сегодняшнего эфира и невысокое качество изображения. В самых разных программах, вплоть до новостей, все чаще появляются видеофрагменты, снятые на смартфоны. Нередко мы видим размытую скайп-картинку. Это следствие все той же погони за рейтингами, базирующимися на мнимой оперативности и сенсационности. Более того, зрителей призывают присылать «народные» новости, снятые и смонтированные «на коленке».

Между тем конечный потребитель просматривает подобное видео, как правило, на современных телевизорах или мониторах, производители которых, также в погоне за покупателем, обещают суперкартинку.

Выходит, с учетом нынешних содержания и формы, что зрителя постепенно приучают к мысли, что на телевидении главное — не качество, а количество информации. Большинство аудитории самостоятельно «переварить» такой объем сведений не может и вынуждено ориентироваться на телевизионные стереотипы поведения. Отсюда — вполне понятные определения телевизора как вещательного устройства: зомбоящик, дебилизатор, дуроскоп, голубой унитаз, телемусоропровод. По данным определениям можно судить о том, что не все потеряно в нашем деградирующем обществе потребления. Самостоятельно мыслящие граждане видят скрытую опасность современного телевидения — применение манипулятивных технологий.

*Поэтому обозначим в качестве пятой специфической особенности сегодняшнего телевидения его **манипулятивную природу**.* Телевидение, по утверждению С. А. Зелинского, своеобразно «программирует индивида. Сразу или через время (в зависимости от предрасположенности психики и силы влияния) такой индивид будет совершать поступки, которые ранее (до поступления в его сознание, и фактически предназначавшиеся для подобного поступления) лежат в русле программы, которую впитал мозг такого индивида-зрителя» [6, 218].

О манипулятивных технологиях в целом и телевидения в частности российскими исследователями написаны самые разные работы [2, 3, 5, 9, 23]. Поэтому данный аспект мы подробно разбирать не будем. Укажем лишь на интересную работу А. В. Федорова «Критический анализ медиатекста, содержащего сцены насилия, на медиаобразовательных занятиях в студенческой аудитории». Автор формулирует основные приемы манипулятивного воздействия медиа на аудиторию, которые, как мы полагаем, могут быть отнесены и к телевизионной продукции: постоянное повторение тех или иных фактов, селекция тенденций, приклеивание ярлыков, создание позитивного имиджа, перенос качеств с одного объекта на другой, ссылка на авторитеты, упрощение информации, переключение внимания, ложь или полуправда [21].

Нынешнее отечественное телевидение «не мыслит категориями общественной пользы. Те, кто создают программы, новые проекты, задают тренды, не думают об обществе. Они думают о рейтингах, долях, рекламном бюджете. Если голую звезду снимут камерой мобильного телефона — это обязательно поставят в эфир. Пусть картинка будет нечеткой, а звезда давно “вышла в тираж”. Все равно поставят! Это тренд! И плевать, что в Пермском крае закрыли детские сады, а в Восточной Сибири в Китае незаконно машинами вывозится лес. Это не тренд! Это не рейтинг! Трендом сегодня является бездуховность, аморальность и алчность. И сегодня именно эти тренды продвигает телевидение. Оно формирует “человека потребляющего”. Шире потребление — больше рекламных денег!» [17].

***Засилье рекламного контента или, точнее, его шумовой эффект** следует назвать в качестве шестой характеристики современного телевидения.*

Причем в последнее время, наряду с привычным увеличением интенсивности звука в рекламных блоках и их объема в прайм-тайм, наблюдается «забывание» информационного канала огромными заставками, которые условно назовем телепостерами, — на яркой подложке зритель видит название передачи, время выхода в эфир, телеперсону или иное изображение. Такие телепостеры бывают статичными и динамичными. Как правило, с их помощью в ходе одной передачи осуществляется промоушн другой. Таким образом, происходит засорение и аудиальных, и визуальных информационных каналов. Следствием данных процессов является уход в Интернет наиболее мобильных и думающих зрителей, поскольку во Всемирной паутине пользователь в большей степени интерактивен, а значит, свободен в отборе контента. «Среди россиян, активно пользующихся Интернетом, получать информацию о ситуации в стране через Сеть предпочитают 48 %, а телевидение занимает второе место (40 %). Новости в Сети больше всего интересуют молодых людей с 18 до 24 лет: половина из них назвала Интернет своим главным источником новостей о событиях в стране» [19].

Правды ради следует констатировать, что отечественное телевидение демонстрирует и положительные изменения, если оценивать их с позиции активного потребителя информации. Так, развивается обратная связь со зрителями, которая благодаря интернет-сайтам и мобильной связи на некоторых каналах перерастает в интерактивность, что весьма важно для развития молодежной аудитории. Все чаще наблюдается «принципиально новое психологическое состояние: человек не просто поглощает сведения. Он выступает в качестве партнера по диалогу с телевизионными ведущими, журналистами, модераторами и в этой связи начинает все большее ценить собственное мнение. Личные пристрастия, мысли, суждения начинают восприниматься как равнозначная ценность по сравнению с телевизионной информацией» [22].

*Именно **интерактивность**, седьмая особенность современного телевидения (как традиционного, так и в симбиозе с Интернетом), по нашему мнению, определяет магистральные пути дальнейшей трансформации электронных СМИ.* К интерактивным формам традиционного телевидения можно отнести выступление и голосование в прямом эфире с помощью телефона или через сайт, когда журналистский комментарий, а иногда и построение всей передачи, напрямую зависит от активности аудитории. На некоторых каналах зритель может влиять на транслируемый контент с помощью смс-сообщений, видимых в «бегущей строке» или обобщенных в виде числа позвонивших. Яркий пример — «концерты по заявкам», когда зрители голосуют или просят модераторов эфира поставить определенный музыкальный клип. Кроме того, зрители могут отправлять сообщения другим зрителям с помощью телефона и все той же «бегущей строки», предоставленной за определенную плату в их распоряжение. В сочетании с Глобальной сетью телевидение предоставляет аудитории еще больше интерактивных возможностей, но это тема отдельного разговора. Таким образом, можно утверждать, что интерактивность в определенной мере противостоит многим негативным тенденциям развития нынешнего телевидения, формируя активного, думающего потребителя информации,

который способен выработать и, главное, регулярно использовать собственные критерии селекции телевизионного видеоконтента.

Завершая, следует сказать о том, что мы не настаиваем на корректировке прежних определений традиционного вещательного телевидения или на обновлении его системных параметров. Все они хороши и вполне могут адекватно описать телевидение дня вчерашнего. В таком качестве их и надо воспринимать сегодня.

Другое дело — симбиоз традиционного телевидения и новых информационных технологий (индивидуальное спутниковое вещание, разнообразные интернет-сервисы, новые технологии записи и хранения видеоинформации). Он выводит нас на совершенно иной уровень представлений о средствах массовой *коммуникации*, а не информации. И использовать устаревшую терминологию для изучения новых социальных и технологических явлений, по меньшей мере, нелогично и непродуктивно. Поэтому, чтобы избежать путаницы и приблизиться к адекватному пониманию процессов в сфере обмена визуальной информацией, необходимо заняться комплексной разработкой современного понятийного аппарата, как это делают, например, в США.

Так, американский телепродюсер Майкл Розенблюм еще в конце 1980-х гг. стал применять термин «видеожурналистика» [27, 706], понятийное наполнение которого постепенно уточнялось и углублялось. В настоящее время этот термин достаточно близко подходит к определению универсальной или мультимедийной журналистики. Такой деятельностью занимаются, например, российские телевизионщики, предоставляющие контент не только для вещания, но и для сайта канала. При этом, по мнению М. А. Бок, сюжеты самостоятельно работающих видеожурналистов отличаются от обычных телевизионных. Они могут быть длиннее, представлены на сайте после мультимедийной обработки, созданы с использованием разнообразных техник повествования [27, 715].

Исходя из вышесказанного, можно сделать определенные выводы в отношении обучения будущих журналистов.

1. Надо готовить мультимедийных журналистов, в полной мере владеющих современными информационными технологиями и средствами коммуникации, как индивидуальной, так и массовой. Поэтому требуют пересмотра основные учебные программы и направления обучения, связанные с устаревшим делением журналистов на «печатников» и «телевизионщиков».

2. Больше времени надо уделять изучению деятельности конкретных современных электронных СМИ (спутниковых, интернет-СМИ, конвергентных медиахолдингов) и подробным характеристикам их аудитории.

3. Одним из важных направлений подготовки должна стать информационная безопасность, в первую очередь связанная с психологической безопасностью человека в сфере массовой коммуникации. Это «свобода от попыток контроля сознания, морального давления, дискриминации; защита психического здоровья от некорректного воздействия; контроль качества информации, исключение возможностей заведомого искажения реальности, фальсификации фактов, целенаправленного введения в заблуждение» [16].

4. С информационной безопасностью во многом пересекается такое активно развивающееся сегодня направление, как медиаобразование [18, 555], которое в учебных планах должно занимать одно из первых мест по объему лекционных и практических часов. При этом студентов надо нацеливать на предстоящий диалог с общественностью для выработки общего конструктивного отношения к развитию в том числе и современного телевидения [22].

5. Необходимы новые междисциплинарные учебные пособия и методические разработки, созданные на стыке журналистики, современных информационных технологий, политологии, психологии, социологии.

1. *Акинфиев С. Н.* Развлекательное телевидение: определение, классификация жанров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2008. № 6. С. 110–124.

2. *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2013.

3. *Григорова Д. Е.* Механизм манипулятивного воздействия в медиатекстах телередач жанра реалити-шоу // Современные тенденции в развитии российского медиаобразования. М., 2010. Т. 1. С. 45–49.

4. *Егоров В. В.* Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text2/09.htm#з_18 (дата обращения: 3.10.2013).

5. *Ермаков Ю. А.* Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.

6. *Зелинский С. А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб., 2008.

7. *Ильченко С. Н.* Современные аудиовизуальные СМИ: новые жанры и формы вещания. СПб., 2006.

8. *Ильченко С. Н.* Отечественное телевидение постсоветского периода: история, проблемы, перспективы. М., 2008.

9. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2000.

10. *Кемарская И. Н.* О документальности на телевидении // Социальные коммуникации. 2011. № 1. С. 90–93.

11. Кино и цирк [Электронный ресурс]. URL: <http://liveuser.livejournal.com/62878.html> (дата обращения: 23.10.2013).

12. Ленин и кино: достоверность цитаты [Электронный ресурс]. URL: <http://gumbert.livejournal.com/157742.html> (дата обращения: 23.10.2013).

13. Мусорное телевидение [Электронный ресурс]. URL: http://universal_ru_en.academic.ru/1568586/мусорное_телевидение (дата обращения: 12.10.2013).

14. *Новикова А.* Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия. СПб., 2008.

15. *Полуэхтова И. А.* Динамика российской телеаудитории // Социол. исслед. 2010. № 1. С. 66–77.

16. *Пронина Е. Е.* Категории медиапсихологии [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/49.htm> (дата обращения: 25.10.2013).

17. *Пташкин О.* Треш-ТВ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/06/02_a_3183253.shtml (дата обращения: 23.10.2013).

18. Российская педагогическая энциклопедия. М., 1993.

19. Россияне доверяют телевидению больше, чем Интернету, показал опрос [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20130813/955996909.html> (дата обращения: 25.10.2013).

20. *Удовиченко Р. В.* Развлекательное телевидение: типология программ и потребности аудитории : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

21. Федоров А. В. Критический анализ медиатекста, содержащего сцены насилия, на медиаобразовательных занятиях в студенческой аудитории (на примере фильма «Груз 200») [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/fedorov12.htm> (дата обращения: 23.10.2013).

22. Фортунатов А. Н. Проблемы истории телевидения: философский и культурологический подход [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/90.htm> (дата обращения: 3.10.2013).

23. Хлызова Н. Ю. Медиакомпетентность личности как способ защиты от манипулятивного воздействия СМИ в условиях информационно-сетевых общества // Средства массовой информации в современном мире. СПб., 2009. С. 307–309.

24. Хорошо ли было в СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bmwclub.ru/vb/showthread.php?p=8467276> (дата обращения: 23.10.2013).

25. Цвик В. Л. Стратификация аудитории как следствие перехода на цифру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2314> (дата обращения: 12.10.2013).

26. Юровский А. Я. Место телевидения в системе средств массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Телевизионная журналистика. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/25.htm> (дата обращения: 3.10.2013).

27. Vock M. A. You really, truly, have to «Be There»: Video journalism as a social and material construction // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2011. Vol. 88, № 4. P. 705–718.

Статья поступила в редакцию 07.05.2013 г.

УДК 070.11 + 316.77:004

Д. Г. Ильиных

СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА: ПОТЕНЦИАЛ КОНВЕРГЕНТНОЙ РЕДАКЦИИ

Рассмотрены варианты различных реакций представителей интернет-аудитории при вступлении в диалог с редакцией и журналистами городских газет. Автор анализирует разнообразные формы организации диалога с читателями на сайтах сетевых версий газет городов Уральского федерального округа, изучает предпочтения аудитории в сфере общения с представителями СМИ и делает вывод относительно современных качеств этой части аудитории, а также влияния диалоговых возможностей изданий на развитие информационного потенциала региональной прессы.

Ключевые слова: диалог; информационный потенциал; поведенческие реакции.

В последнее время достаточно четко обозначилась тенденция к снижению потребительского интереса к прессе вообще и местным изданиям в частности. Это легко доказать, проанализировав показатели тиражей региональных газет. Рассмотрим тиражи некоторых изданий Уральского федерального округа. Для исследования мы выбрали газеты «Тюменский курьер», «Вечерний Екатеринбург», «Вечерний Челябинск», «Курган и курганцы». Это городские газе-

ИЛЬИНЫХ Дарья Геннадьевна – старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций Курганского государственного университета (e-mail: blaginata07@bk.ru).

© Ильиных Д. Г., 2014

ты областных центров регионов Уральского федерального округа, в них размещаются решения местных органов власти, газеты имеют как традиционную, так и сетевую версии, т. е. пытаются конвергировать за счет средств мультимедиа. У официальных городских изданий, как правило, более давняя история деятельности, кроме того, на их примере можно рассмотреть, каким образом официальные власти решают проблему налаживания отношений с общественностью через СМИ. К тому же отмечено, что издания, используемые как официальные площадки для размещения решений властей, в большей степени страдают от оттока читателей.

Итак, сравним общие тиражные показатели этих изданий. «Вечерний Екатеринбург» — единственная в городе ежедневная общественно-политическая городская газета. Издается с 1957 г. Тираж, по данным на 30.01.2013 г., составляет 20 тыс. экз. Пять лет назад тираж этой газеты составлял 39 тыс. экз. (30.01.2008 г.), в 2010 г. — 32 тыс. экз. (1.02.2010 г.). Население Екатеринбурга сегодня — 1 млн 437 тыс. 361 человек (данные на 1.07.2013 г.) [3].

«Вечерний Челябинск» — городская газета, выпускающаяся с 1968 г. Тираж газеты — 10 500 экз. (по данным на 30.01.2013 г.; приведено среднее значение, поскольку тиражи пятничного номера примерно на 30 % выше тиражей других выпусков). В 2008 г. тираж составлял 19 тыс. экз. Население Челябинска сегодня составляет 1 млн 156 тыс. 201 человек (по данным на 1.01.2013 г.) [1].

«Курган и курганцы» — единственная городская газета г. Кургана, учреждена 12.02.1991 г. Тираж издания — 7 тыс. экз. (6 тыс. экз. по подписке, 1 000 экз. в розницу). Население города составляет 325 600 человек (данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курганской области на 01.01.2013 г.) [4].

«Тюменский курьер» выходит со 2 октября 1993 г. Тираж — 5 тыс. экз. По официальным данным, с 2008 г. эта цифра не менялась. (30.01.2008 г. — 5 тыс. экз.). При этом население Тюмени, по данным на 1.01.2013 г., составляет 634 171 человек [2].

Итак, мы видим, что тиражи городских региональных газет либо катастрофически падают, либо, в лучшем случае, не растут (хотя население Тюмени достаточно активно увеличивается). Мы предполагаем, что главной причиной этого в условиях становления информационного общества является тот факт, что СМИ не занимаются развитием информационного потенциала. Дадим определение данному явлению.

Информационный потенциал СМИ — это все накопленные и активно используемые им для активизации мыслительного процесса аудитории информационные ресурсы, доступные данному средству массовой информации и составляющие его содержание, вкуче с методами, технологиями и средствами передачи этих ресурсов аудитории.

Мы полагаем, что информационный потенциал газеты состоит исключительно из информационного контента (т. е. новых данных) и элементов дизайна (которые могут быть ограничены, к примеру, уровнем развития полиграфических технологий в определенном регионе). То есть расти ценность данного издания в глазах аудитории регионального уровня может только за счет

предоставления большего по сравнению с конкурентами количества информации, а это иногда просто невозможно.

Теперь рассмотрим возможности конвергентной редакции. Текст, дополненный аудио- и видеосопровождением, а также расширенным иллюстративным рядом (даже если они идентичны по сути), обладает гораздо большим информационным потенциалом за счет дополнительной вербальной и невербальной информации (интонации диктора и интервьюируемых, дополнительные звуки с места событий, точная цвето- и звукопередача и т. д.). У конвергентного СМИ больше возможностей превзойти своих конкурентов за счет использования разных медиаплатформ. Если тексты различных СМИ по одному и тому же информационному поводу могут быть в значительной степени похожи, то видео-, аудио- и фотосопровождение такого текста сможет сделать его индивидуальным, что увеличивает его информационный потенциал в глазах аудитории.

Основная цель развития инструментов мультимедийности традиционного СМИ в Интернете состоит в том, чтобы удовлетворить возрастающие информационные потребности целевой аудитории с целью ее сохранения и приумножения. Однако одного этого сегодня становится уже недостаточно. Как бы журналист ни старался увеличить количество граней, которыми можно повернуть информацию к аудитории, суть сообщения не изменится, добавится лишь количество подробностей и деталей, доступных на разных медиаплатформах. Аудиторию же в первую очередь интересует новостная ценность сообщения. Значит, в стремлении заинтересовать аудиторию необходимо отталкиваться не столько от того, какими медиасредствами мы можем подать ей новость, сколько от информационных запросов аудитории. Получить эти сведения возможно лишь путем организации диалога. И выступать организатором такого общения должно само СМИ. Для этого сегодня разработаны и успешно внедряются многочисленные диалоговые инструменты, методы и средства, которые может предоставить платформа Интернета.

Вместе с тем многие СМИ, особенно некрупные, не имеют необходимых интерактивных инструментов либо же не понимают их значимости и не используют имеющиеся возможности по налаживанию отношений с аудиторией в полной мере. Поэтому автор обратил внимание на проявления различного отношения представителей аудитории к тем или иным средствам общения со СМИ с целью выяснить, насколько представители аудитории региональных традиционных и сетевых СМИ готовы общаться с изданиями и какими способами они предпочли бы это сделать.

В ходе исследования мы приняли решение изучать отношение к новым диалоговым формам, существующим в Интернете, поскольку традиционные формы (телефонные звонки, письма, личные визиты в редакцию и т. д.) становятся все менее популярны и используются преимущественно старшим поколением. Но эта категория читателей газет с каждым годом уменьшается естественным путем, а вот количество интернет-пользователей, читающих сетевые версии данных изданий, напротив, растет. По этой причине мы приняли решение исследовать поведенческие реакции аудитории именно сетевых СМИ Уральского федерального округа (УФО).

Проводя исследование, мы опирались на возрастные рамки опрашиваемых (от 18 до 55 лет). Отправная точка — 18-летний возраст обусловлена тем, что три из четырех рассматриваемых нами изданий («Курган и курганцы», «Вечерний Екатеринбург», «Вечерний Челябинск») в соответствии с требованиями российского законодательства указали, что их контент предназначен для читателей старше 18 лет. И хотя газета «Тюменский курьер» предпочла установить рамки возраста аудитории от 12 лет, мы полагаем, что количество ее читателей моложе восемнадцатилетнего возраста слишком мало для оказания значительного влияния на сложившуюся ситуацию. Поэтому исследование поведенческих реакций аудитории сетевых СМИ областных центров УФО мы проводили среди жителей данных городов в возрасте от 18 до 55 лет, регулярно читающих местные сетевые СМИ. Метод исследования — анкетирование читателей (по Интернету и в ходе личного опроса). При подведении итогов исследования использовались данные 35 анкет из каждого города — ответы 17 мужчин и 18 женщин в каждом городе (табл. 1). Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов (но не более трех), поэтому общая сумма составляет больше 100 %.

Таблица 1

Выборка социологического исследования поведенческих реакций аудитории

Пол	%	Анкеты
Мужской	48,5	68
Женский	51,4	72
Всего	100	140

Общие итоги опроса и критерии анкетирования мы отразили в сводной таблице (табл. 2).

Таким образом, по данным на октябрь 2013 г. общие выводы относительно поведенческих реакций аудитории сетевых СМИ областных центров УФО таковы: в данном регионе читатели не отличаются инициативой в налаживании диалоговых отношений со СМИ. При вступлении в диалог они предпочитают пассивные формы оценки публикаций (отметка «мне нравится» на сайте издания либо в социальных сетях), не требующие лишних затрат времени, либо анонимные формы (комментирование на сайте без регистрации). Мы полагаем, это связано с тем, что большинство информационных интернет-ресурсов Уральского федерального округа уделяет недостаточно внимания работе с инструментами общения с читателями. Если ситуация не изменится, показатель инициативы аудитории при вступлении в диалог с местными СМИ будет и дальше снижаться.

По этой же причине одним из основных препятствий к вступлению в диалог с редакцией для читателей городов Уральского федерального округа является необходимость дополнительной регистрации на сайте СМИ. Обязательной регистрации для комментирования материалов требует половина

Таблица 2

**Исследование поведенческих реакций аудитории сетевых СМИ
городов УФО (Курган, Тюмень, Челябинск, Екатеринбург)
при организации диалога**

Вопрос	Мужчины		Женщины		Всего	
	числовой показатель	%	числовой показатель	%	числовой показатель	%
1. По какому принципу вы выбираете для прочтения материалы в интернет-СМИ?						
По интересному заголовку	30	44	49	68	79	56
По интересующей теме	47	69	47	65	94	67
По количеству просмотров, комментариев	10	15	3	4	13	9
Пользуюсь рейтингом самого сайта (рубрики «Самое читаемое», «Топ-новость» и т. д.)	17	25	8	11	25	18
Свой вариант	—	—	1	1	1	0,7
2. Как часто у вас возникает желание вступить в диалог с журналистами/изданием, высказать свое мнение?						
Постоянно (в 80–100% случаев после прочтения публикации)	3	4	2	3	5	3
Часто (50–80 % случаев)	16	23	17	24	33	23
Время от времени (30–50 % случаев)	16	23	28	39	44	31
Редко (10–30 % случаев)	24	35	23	32	47	33
Никогда	8	12	5	7	13	9
3. В какой форме вы предпочитаете высказать свое отношение к интернет-публикации?						
Оставить комментарий под статьей на сайте издания	29	43	41	57	70	50
Отметить статью через аккаунт в какой-либо социальной сети с помощью кнопки «Мне нравится»	37	54	38	53	75	53
Написать комментарий к статье через группу или публичную страницу СМИ в социальных сетях	23	39	11	15	34	24
Высказаться на форуме сайта СМИ	8	12	2	3	10	7
Написать письмо на имя журналиста и/или редактора издания или сайта с помощью электронной почты	9	13	10	14	19	13
4. В каком случае вы откажетесь от вступления в диалог с изданием?						
Если для размещения комментария на сайте СМИ необходимо специально зарегистрироваться	37	54	43	60	80	57
Если СМИ не представлено в социальных сетях	10	15	14	19	24	17

Окончание табл. 2

Вопрос	Мужчины		Женщины		Всего	
	числовой показатель	%	числовой показатель	%	числовой показатель	%
Если комментарии на сайте проходят обязательную модерацию	2	3	10	14	12	8
Если ранее ваш комментарий на сайте этого СМИ не был размещен	17	25	5	7	22	16
Если вопросы к журналистам/изданию в комментариях остаются без ответа	26	38	32	44	58	41
Свой вариант	6	9	2	3	8	6

5. Каков был эффект от диалога с интернет-изданием?

Мне ответил журналист/администратор сайта, я удовлетворен полученной информацией	16	23	18	25	34	24
Мне ответил журналист/администратор сайта, я не удовлетворен ответом	—	—	5	7	5	3
Со мной в диалог вступили другие читатели, журналист/администратор сайта не ответили	30	44	26	36	56	40
Мне никто не ответил	7	10	18	25	25	18
Мой комментарий не опубликовали	12	18	5	7	17	12
Свой вариант	7	10	3	4	10	7

6. Оцените важность организации постоянного диалога между изданием и его аудиторией?

Это очень важно, потому что современная аудитория интернет-СМИ хочет высказывать свое мнение и получать оперативные ответы	34	50	47	65	81	58
Хорошо, когда такая возможность есть, но можно обойтись и без нее	16	23	13	18	29	20
Интернет-СМИ, которое не общается со своими читателями, не имеет сегодня право на существование	12	18	22	30	34	24
Это не важно, высказать свое мнение в Интернете можно и другими способами	9	13	4	5	13	9
Мне это безразлично, я не оставляю комментариев и не читаю чужие	5	7	1	1	6	4
Свой вариант	—	—	1	1	1	0,7

рассмотренных нами ресурсов (сетевые версии газет «Курган и курганцы» и «Вечерний Екатеринбург»). Безусловно, с помощью этого инструмента редакции легче отслеживать авторов комментариев, сокращается поток несанкционированной рекламы, информационного мусора. Однако, на наш взгляд, при обязательной сегодня предварительной модерации всех комментариев (что опять-таки обусловлено требованиями законодательства) систему специальной регистрации на сайтах СМИ можно отменить. В таком случае поток комментариев наверняка возрастет.

Однако при всех признаках низкого уровня инициативы, исходящей от аудитории при общении со СМИ, стоит отметить, что даже внешне достаточно пассивная аудитория желает получить ответ на свои запросы, поэтому отсутствие реакции со стороны СМИ на комментарии негативно сказывается на работе самих редакций. По результатам нашего анкетирования мы выяснили, что на вопросы большинства пользователей при налаживании диалога представители СМИ не ответили, в то же время преобладающая часть респондентов полагает, что современное средство массовой информации обязано общаться со своими читателями, потому что они желают высказываться и получать отклик.

Таким образом, в ходе данного исследования мы выяснили, что аудитория сетевых версий региональных СМИ Уральского федерального округа хочет общаться с изданиями, сообщать им свое мнение и получать ответы на заданные вопросы. Более того, преобладающая часть активных читателей полагает, что диалог — непереносимое условие существования современного средства массовой информации. Однако сами СМИ занимают в данной ситуации достаточно пассивную позицию. Они либо вовсе не уделяют внимания организации общения с аудиторией, либо не анализируют полученные в ходе диалога данные. В результате аудитория теряет желание выступать инициатором диалога, а СМИ упускают возможность привлечь аудиторию интересными информационными поводами, т. е. не расширяют свой информационный потенциал. Результатом этого становятся финансовые проблемы, потеря популярности у аудитории, снижение доверия к бренду издания в целом (как в сетевой, так и в традиционной версии).

1. Города России [Электронный ресурс]. URL: http://города-россия.рф/sity_id.php?id=9 (дата обращения: 01.07.2013).

2. Города России [Электронный ресурс]. URL: http://города-россия.рф/sity_id.php?id=25 (дата обращения: 1.07.2013).

3. Муниципальный регистр населения [Электронный ресурс]. URL: <http://passport66.ru/mrn/numb.php> (дата обращения: 01.07.2013).

4. Население Курганской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurganstat.ru/munstat/Rayons/%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD.htm> (дата обращения: 01.05.2013).

УДК 070.23(1-37)(09)

С. А. Козлов

УЕЗДНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «НОВГОРОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1860–1870-е гг.)

Статья посвящена публикациям уездных корреспондентов в «Новгородских губернских ведомостях», в период Великих реформ 1860–1870-х гг. Рассматриваются основные темы и жанрово-стилистическое своеобразие текстов, их место в официальной программе анализируемого издания.

Ключевые слова: «Новгородские губернские ведомости»; корреспонденция; реформы; жанры; уезды.

Губернские ведомости как тип официальной периодической печати (30-е гг. XIX в. — начало XX в.) обнаружили ряд особенностей, потребовавших рассмотреть издание с учетом региональных аспектов. Этим обусловлено появление большого количества исследований губернских ведомостей, посвященных функционированию издания в конкретном регионе. Они уточняют и дополняют общие исследования по истории провинциальной печати в дореволюционной России.

Некоторые исследователи анализируют официальный орган печати в качестве одного из элементов системы местной периодики (Г. В. Антюхин [1], Х. С. Булацев [2], Л. П. Бурмистрова [3], А. А. Вахрушев [4], Е. В. Курбакова [6], Л. С. Любимов [8]). Другие же рассматривают различные аспекты функционирования губернских ведомостей (О. И. Лепилкина [7], Ю. Л. Мандрика [9]). При этом большой научный интерес представляет анализ жанрово-стилистических аспектов публикуемых на страницах губернского официального издания материалов.

На протяжении 1840-х — первой половины 1870-х гг. «Новгородские губернские ведомости» являлись единственным местным печатным органом. В течение многих лет политика редакции заключалась в освещении достаточно узкого круга тем, определяемых официальной программой, правительственными указами и личностью самого редактора. В разные периоды могла преобладать та или иная тема. Так, в 1840-е гг. были популярны статьи на исторические темы, в 1850–1860-е гг. заметно преобладали рецензии на театральные постановки и размышления редактора об общественной жизни Новгорода.

Авторами большинства текстов (за исключением перепечаток из других изданий) были редактор, сотрудники Статистического комитета или историки, этнографы. Редко «Новгородские губернские ведомости» размещали статьи уездных помещиков, которые по преимуществу касались тем сельского хозяйства. Связано это было с различными причинами. Во-первых, с жестким

КОЗЛОВ Сергей Александрович — соискатель степени кандидата филологических наук кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: blackgrifon@bk.ru).

цензурным контролем, которому подлежали провинциальные издания [5]; во-вторых, низкой активностью потенциальных корреспондентов, что подтверждают неоднократные обращения от редакции с призывом присылать статьи для публикации. Практически каждый редактор, сделавший заметный вклад в развитие издания, считал своим долгом выступить с подобным обращением к читателям [10, 9 нояб.; 11, 19 дек.; 12, 7 дек.; 13, 26 дек.; 14, 19 февр.; 22, 1 янв.].

Благодаря официальной системе губернских ведомостей и возможности подписаться на любое локализованное издание, редактор мог составлять местные выпуски из перепечаток. Так, Н. Ф. Павлинский (редактор, 1865–1867) использовал публикации из ведомостей других губерний и официальных изданий, где так или иначе упоминались Новгород и уезды Новгородской губернии.

Эту ситуацию изменила эпоха Великих реформ Александра II, которая во многом определила новый тип общественной сознательности, активизировала общественные силы, открыла новые пути для печатного слова. Губернские ведомости послужили площадкой для публикации официальных документов о работе различных обществ. Земская реформа дала изданию возможность печатать обширные отчеты о деятельности губернских земств. По указу от 20 ноября 1864 г. губернским ведомостям разрешалось публиковать стенограммы судебных заседаний (ничего не изменяя в приговоре), подробные отчеты с публичных заседаний [23, 64–65].

Несмотря на то, что реформы стимулировали осмысление новых общественных процессов, редакция «Новгородских губернских ведомостей» продолжала поддерживать сформировавшийся за десятилетия круг тем. В 1866 г. Н. Ф. Павлинский писал: «Редакция неофициальной части Новгородских губернских ведомостей покорнейше просит всех более или менее образованных лиц в губернии, светских и духовных, сообщением редакции сведений, входящих в объем указанной программы, содействовать изучению родного края, возможное ознакомление с которым, могущее иметь значение и для науки, составляет, конечно, одну из главных целей при издании Губернских ведомостей» [14, 19 февр.].

Как отклик на обращение редакции приведем заголовки некоторых статей, свидетельствующие о тематическом разнообразии «Новгородских губернских ведомостей» во второй половине 1860-х — начале 1870-х гг.: «Несколько слов о монастырской жизни» [16, 27 июля], «Заметки из деревни о народном пьянстве и мерах против него» [Там же, 2 нояб.], «Медицинские заметки, необходимые для нашего простонародья относительно воспитания детей» [17, 11 янв., 18 янв.], «Святочный вечер в Оглобине, Тихвинского уезда (Очерк деревенских нравов)» [Там же, 8 марта], «О мерах к улучшению сельского хозяйства и распространения грамотности в среде крестьян Новгородской губернии, Устюжского уезда» [20, 30 нояб.]. В крупных уездах в это время появились корреспонденты, которые сообщали в редакцию различные сведения: кто-то поднимал вопросы народного образования и гигиены, кто-то старался зафиксировать местные обычаи.

Предпочтения редакции высказывались открыто. М. А. Селигерский (редактор, 1866–1886) предложил расширить пункты программы: «Насколько нравственны отношения молодых людей обоого пола, причины. Как смотрят на брак, какую роль играет непорочность невесты, и наоборот, — как смотрят на это родители брачующихся; нет ли каких суеверных обрядностей при свадьбах и искоренимы ли они», «нет ли где противных православию сект, если есть, то какие и в чем состоит уклонение их от православия. <...> В некоторых Губернских ведомостях начинают пописывать о староверах, не мешало бы у нас кому следует заняться для пользы Церкви и Государства этим предметом; к сожалению имея такой обильный материал под рукой» [15, 25 нояб.] и прочее, касающееся быта местного населения.

Ответ на это обращение можно обнаружить в сообщении из Валдайского уезда. Обращаясь к быту и обычаям кореляков (малая народность переселенцев из нынешней Карелии), проживающих в этой местности, Ар. Георгиевский доносил до начальства, что «понятия религиозные также очень слабы. В церковь кореляки хотя и ходят по праздникам, но, не имея понятия о службе, ведут себя в ней не так, как следует». Редактор сохранил в этой корреспонденции некоторые пикантные подробности: «В обращении молодых особ обоого пола невидно строгой нравственности. Молодые парни без всякого стеснения обращаются с девицами, — распоряжаются ими как своими собственными вещами, — не стесняются в присутствии их употреблять неприличные, оскорбительные для нравственности слова, — ходят вместе в баню [не пускаясь в ханжество, Селигерский в сноске подтвердил: «Что во многих деревнях ходят, как мужчины, так и женщины вместе в баню, это истина. *Ред.*». — С. К.] и, как говорят, друг друга моют» [17, 15 февр.].

Из Старой Руссы корреспондент С-в докладывал: «В нашем Староусском уезде находится весьма много раскольников и почти исключительно беспоповцев, следующих так называемому “федосьевскому толку”. В ином приходе более чем на половину пред православными» [Там же, 21 июня]. Позднее, когда в 1875 г. возникли «Новгородские епархиальные ведомости», религиозную тему полностью разрабатывало это официальное церковное издание. Но уже на примере губернских ведомостей заметно, что эта тематика волновала и местную интеллигенцию, которая писала подобные корреспонденции в официальное губернское издание. Правда, цель таких корреспонденций не до конца прояснена: с одной стороны, возможно, предполагалось искоренять на территории губернии иноверие, с другой — подобные статьи складывались в «копилку» этнографических очерков и заменяли для читателей литературные произведения, фельетоны.

К концу 1860-х гг. уездная интеллигенция Новгородской губернии имела достаточный потенциал, чтобы быстро и полноценно отзываться на призывы редакции. Губернские ведомости постепенно насыщались широким проблемным содержанием.

Наряду с городским патерналистским отношением к нуждам крестьянства, укорами в общественной инертности, свойственными политике редакции, появилось особое мнение, свойственное уездной журналистике, которая

заговорила о проблемах и заботах людей, проживающих в местах, далеко расположенных от губернского центра. Корреспонденты выявляли болевые точки земляков и спешили сообщить об этом в редакцию. Часто это облекалось в эмоциональные формы жалобы или гневного обличения. Авторы считали своим долгом встать на защиту общественно полезного дела и изменить ситуацию к лучшему.

Ив. Альбов безоценочно, с позиций этнографа, описывал полунищенский быт устюжских крестьян и представителей внесловных маргинальных образований [17, 8 *февр.*], а Иван Лавров сообщал: «Не от того ли эта бедность, предполагаете вы, что Устюжна и ее окрестности не имеют ничего такого, что могло бы дать мещанам безобидный кусок хлеба? Нет, читатель, этого нельзя сказать. Кто хоть сколько-нибудь знаком с Устюжной, тот вполне согласится с нами, что для устюжских мещан есть очень немало средств к безбедному существованию» [Там же, 18 *января*]. Корреспондент подробно описывал возможные средства заработка, имевшиеся в то время в Устюжне.

Публицистический пафос был уже хорошо известен читателям «Новгородских губернских ведомостей». Риторические вопросы и прямое обращение к читателю, юмористические интонации были присущи редактору И. В. Вишневному, активно писавшему в начале 1860-х гг. Подобные приемы подхватили и уездные корреспонденты: «А что, читатель, приятна или нет вам такая картина нашего хозяйничанья и распоряженья лесными материалами? Но видим, что вы уже хмуритесь и сморщили свое чело, прежде чем дать ответ на это скромный вопрос, — ответим же за вас: не совсем приятна, — впечатление от ней не выгодное и грустное» [Там же, 19 *июля*].

Вдохновленный «гласностью», объявленной на уровне государства, автор статьи А. К-ский представил себя столичным газетным фельетонистом и пытался подобрать самые сильные, на его взгляд, средства выразительности: «Многие помещики, лишившись в своих крестьянах даровых рабочих рук, усердно принялись за истощение своих лесных дач, и вот пошел хрустеть и валиться с треском под жилистой рукой свободного уже мужичка заповедный лес боярский; слышали звери этот треск и шум и стали куда-то скрываться; прилетели птички на места обсиженных гнездышек, увы, гнездышки погибли вместе с вековыми деревьями, на которых они были свиты и вот ныне редко где у нас услышишь того певца Авроры,

Что на тысячи ладов тянул, переливался» [Там же].

Сказово-песенные присказки, цитирование поэзии — все это признаки сатирического фельетона. В приведенном отрывке из статьи обнаруживается и критика крестьянской реформы. При этом она выражена достаточно сложно и витиевато. С одной стороны, автор выказал сочувствие крестьянам, с другой — красочно описал, как они вырубают проданный им помещиками «заповедный лес боярский». То есть эта проблема является следствием не столько политического или экономического, сколько нравственного характера.

Представление о публицистике как творчестве с личностной гражданской позицией составляло основу уездной журналистики этого периода, получая в текстах несколько наивное и бойкое выражение. Авторы призывали к актив-

ным действиям тех, от кого зависело исправление общественных зол. Оставшийся неизвестным корреспондент писал: «Есть у нас множество различных обществ, для уничтожения и предупреждения различных зол; отчего бы не составиться товариществу для предупреждения такого зла, как бессмысленное уничтожение лесов, и следующих за тем бедствий небогатого люда?..

А не ближе ли всего позаботиться об этом земской управе?» [18, 27 *февр.*]. Одной из самых популярных тем становится тема, связанная с народным образованием. С-в из Старой Руссы представил проблему в виде очерка-диалога «Толки о грамотности в одном селе Старорусского уезда». Мужики решают, стоит ли открывать народное училище и отдавать учиться детей. «Училище в том селе так тогда и не было открыто», — резюмирует автор [19, 30 *дек.*].

Напротив, в селе Медведь неизвестный корреспондент отметил более благоприятную ситуацию. Там «после двухлетнего существования земской школы открылось двуклассное училище». Автор выражает «полную благодарность местному купечеству. Не прими оно этого дела близко к сердцу, училище никогда не осуществилось бы» [20, 2 *марта*]. В отличие от старорусского собрата по перу, корреспондент из Медведя не упражняется в литературных приемах, а прямо высказывается о проблеме: «Крестьяне, за все берущиеся не вдруг и смотрящие на все, устраивающееся для них, подозрительно, когда увидят пользу училища, то в полной уверенности вознаградят вдруг свою холодность к школе и ухватятся за нее обеими руками. А время это, надо полагать, близко! Дай Бог, чтобы оно настало скорее!» [Там же].

Пореформенная эпоха вскрыла ряд противоречий, мешавших росту благосостояния крестьянского сословия. В этом контексте восклицания о недоверчивости крестьян к устройению учебных заведений представляются не более чем риторическими фигурами и обнаруживают в определенной степени незрелость журналистики этого времени. Корреспонденты, выражавшие свои сожаления в письмах в редакцию, сами принадлежали к той части интеллигенции, которая в духе примитивно понятого народничества пыталась с отеческим благодушием навязать чуждые крестьянству духовные и образовательные идеалы, не принимая во внимание условия жизни опекаемого сословия.

Заботу о сельском населении в рамках гласности выражал и корреспондент П. А. Дамаскин. Принадлежность его к какому-либо конкретному уезду определить сложно, так как его статьи рассказывают о местах, достаточно удаленных друг от друга. Например, он оставил образное, эмоциональное описание одного из бедствий на Валдае — нападения волчьих стай. Для сообщения автор подобрал эффектные сцены: буквально напугав читателей «волчьими концертами», составленными из «даже нескольких десятков голов», он представил себя в качестве очевидца, а также сослался на слова пострадавших жителей. Местные жители в этой статье такие же, как и в большинстве публикаций уездных корреспондентов, т. е. инертные и беспомощные: «Так как наше сельское население еще не привыкло заботиться о себе и своих интересах, а, напротив, привыкло пользоваться готовым, т. е. тем, что предоставляет ему благодетельное правительство, то и в этом случае одна надежда на него» [21, 14 *января*]. Достаточно

объемная статья содержит в основном популяризованные статистические сведения о природе губернии, но в итоге преследует цель обратить внимание властей на проблему и оказать помощь сельскому населению.

Уничижительно-патерналистские интонации Дамаскина проявились несколькими годами раньше, в 1873 г., когда автор высказался об образовании крестьян в Устюжнском уезде. «Неужели нам везде и всегда нужны указы и приказания; или мы уже так привыкли искать приемов на дальнем западе, что без них не смеем сделать и шагу. Не все брать в пример Францию и Германию, есть на свете и в других государствах много хорошего, что можно перенять и нам, если уж мы не можем обойтись без перениманья», — пишет он об организации передвижных школ [20, 30 нояб.]. Ранее такой широкий размах публицистического высказывания, граничащего с политикой, не получил бы одобрения редактора. Но учитывая лояльность автора к начальству и правительству, к которому он обращается за помощью, подобная публикация кажется сознательным шагом, свидетельствующим о склонности корреспондента к анализу общественных проблем. Возможность высказаться, сообщить в губернскую газету о важных и проблемных с точки зрения корреспондента явлениях предполагала и право быть услышанным. Это должно было изменить неблагоприятную ситуацию.

Пример совершенно иного мышления можно обнаружить в № 26 за 1869 г. Некто А. Г. (возможно, также один из постоянных корреспондентов того времени Ар. Георгиевский) в этнографическом очерке описывает картину сбора податей. Несмотря на преобладание литературного стиля, место действия определено конкретно — Боровичский уезд, Рядовская волость. Стиль и глубокая ознакомленность А. Г. с особенностями крестьянского трудового быта позволяют видеть в авторе человека высокообразованного, вероятнее всего, из бывших помещиков. А суть и пафос статьи совершенно резко отличаются от настроения других публикаций издания. «Каждому, думается, сколько-нибудь знакомому с жизнью нашего простого народа, известно, какой переворот произошел в быте крестьян по выходе из крепостной зависимости», — начинает корреспондент. И далее с сочувствием рассказывает о жителях, которые со страхом ждут приезда сборщика податей, отмечая, что «при малом наделе земли, особенно где земля не очень удобна к производству хороших урожаев и где она требует от крестьянина особенных трудов, явилась значительная бедность». «При таком оскудении материальных средств к жизни крестьяне должны платить различные подати, — подводит итог А. Г., — обязаны давать деньги на содержание сельских правлений и служащих при них писцов, сельских голов и на содержание училища. Кроме того, при круговой поруке, платить подати за соседей» [17, 28 июня]. В основном авторы видели причины неблагополучия крестьян в недостатке образованности или нравственности. А в этом частном случае косвенным образом подвергалась сомнению продуманность реформ. Автор статьи на примере одной волости хотел показать неблагополучие «простого народа», вызванное несовершенством новых законов. Однако прямой критике правительство он не подвергал. В статье нет ключевых слов «закон», «правительство», «начальство» и пр.

Как подобный текст мог попасть на страницы официального издания? Учитывая отсутствие полемичности, обличающего пафоса и мягкость интонаций автора, статья действительно могла быть воспринята редактором как этнографический очерк. К тому же текст мог вполне затеряться среди озорных, но безобидных сообщений других уездных корреспондентов, присылаемых в редакцию, так как на 1869 г. приходился пик публикаций этнографических очерков из уездов. Статья А. Г. является частным случаем, но может служить иллюстрацией того, что журналистские исследования в Новгородской губернии отличались разнообразием и в определенной степени свидетельствовали о высокой сознательности образованных жителей губернии.

Но уже вторая половина 1870-х гг. была отмечена постепенным снижением количества публикаций с критикой общественно-экономической ситуации в уездах. Критика бездействия или недостаточной деятельности земских учреждений создавала ощущение массового неблагополучия в регионе, она обнажала не только проблемы, связанные с нравственным, духовным, бытовым, экономическим и т. п. положением крестьян и обывателей уездных городов, но и явные злоупотребления помещиков и промышленников. В то же время именно помещики и промышленники выделяли большие средства на благотворительность и являлись финансовой опорой губернии.

Это нарушало традиции издания представлять губернию как благополучную местность, с великим историческим прошлым, местным культурным потенциалом и развивающимся сельским хозяйством. А потому критичность в текстах уездных корреспондентов стала снижаться. Михаил Селигерский, находясь на посту редактора «Новгородских губернских ведомостей», не отступал от намерений привести издание в соответствие с изначальными принципами и способствовать формированию благоприятного образа губернии.

Уездная корреспонденция «Новгородских губернских ведомостей» 1860–1870-х гг. возникла как закономерное явление. Предыдущий опыт деятельности издания, в частности регулярные призывы редакции к сотрудничеству, подготовил авторов из среды подписчиков.

Выгодное расположение Новгорода между Санкт-Петербургом и Москвой позволяло получать новинки столичной периодики, что также формировало вкусы и слог корреспондентов местных ведомостей. Сами реформы этих лет стали катализатором, побудившим провинциальную интеллигенцию фиксировать и анализировать общественную ситуацию, видеть в публикациях возможность влияния на нее и исправления негативных тенденций. Уездные корреспонденции в «Новгородских губернских ведомостях» стали примером развития публицистичности на страницах официального издания [24, 344–352].

1. Антохин Г. В. Печатное слово России: История журналистики Черноземного центра страны XIX в. Воронеж, 1993. 224 с.

2. *Булацев Х. С.* Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981. 142 с.
3. *Бурмистрова Л. П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей. Казань, 1985. 140 с.
4. *Вахрушев А. А.* Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начала XX в.). Ижевск, 1994. 109 с.
5. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.
6. *Курбакова Е. В.* История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н. Новгород, 2008. 375 с.
7. *Лепилкина О. И.* Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестн. Ставропольск. гос. ун-та. 2005. № 41. С. 175–183.
8. *Любимов Л. С.* История сибирской печати. Иркутск, 1982. 79 с.
9. *Мандрика Ю. Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 159 с.
10. Новгородские губернские ведомости. 1840.
11. Там же. 1853.
12. Там же. 1863.
13. Там же. 1864.
14. Там же. 1866.
15. Там же. 1867.
16. Там же. 1868.
17. Там же. 1869.
18. Там же. 1871.
19. Там же. 1872.
20. Там же. 1873.
21. Там же. 1875.
22. Там же. 1895.
23. Свод законов Российской империи / [Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг]; под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 1.
24. *Семенова А. Л.* Официальность и публицистичность на страницах новгородской дореволюционной периодики // 1150 лет российской государственности и культуры : материалы к общ. собр. РАН, посвящ. Году рос. истории, Москва, 18 дек. 2012 г. / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков ; сост. В. Б. Перхавко ; ОИФН РАН. М., 2012.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013 г.

УДК 008 + 316.25 + 621.397

М. А. Мясникова

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

В статье выясняется суть понятия «культурная политика». Предлагаются методы научного анализа культурной политики российских телеканалов (типологический и морфологический). Показаны возможности более глубокого и основательного изучения культурной политики телеканалов на основе данных методов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурная политика; метод типологического анализа; метод морфологического анализа; морфология культуры; функциональные блоки дифференциации культуры.

Сегодня в российском телеэфире почти повсеместно коммерческие факторы господствуют над культурными. Данный факт подтверждают и сами телеменеджеры: «За исключением канала “Культура” в России... некоммерческих телевизионных каналов нет... все... являются коммерческими, развлекательными, — еще в 2008 г. рассуждал тогдашний президент компании «СТС Медиа» А. Роднянский, — все борются за внимание аудитории.. прежде всего в тех зонах, которые доказали свою способность приносить самый легкий и быстрый результат. Да, это трэш: маньяки, бандиты, грязное белье и прочее... Это, конечно, таблоид, “желтуха”, поверхностный взгляд на действительность» [4, 13–14]. Тогда же главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Дондурей с горечью констатировал, что телебоссы «почти не представляют телевидение как мощнейшую и универсальную систему, которая, скажем, способна развивать людей, двигать их сознание в том или ином направлении... Они уверены: надо просто попасть в свою — нужную — аудиторию... И действуют тут специальные потребительские технологии, связанные с эффективностью продаж, с попаданием к своему покупателю» [3, 104–105]. А некоторое время спустя сложившееся положение дел публично подтвердил сопредседатель совета директоров упомянутой выше компании «СТС Медиа» П. Авен: «Для нас это бизнес, по-другому не может быть» [10, 17], оправдываясь тем, что на достижение иных, связанных с общественными интересами целей никто, в том числе и государство, им денег не дает. На призывы же участников дискуссии К. Собчак и К. Серебренникова вспомнить о воспитательной функции СМИ и о социальной ответственности бизнеса: «Вы не боитесь, что в какой-то момент вам будет страшно и неуютно жить в этой стране? Не боитесь, что придут люди с вилами и будут угрожать вашему идеальному укладу» [10, 21], П. Авен отвечал, что у бизнеса «нет такой функции», т. е. воспитательной [Там же, 19].

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

© Мясникова М. А., 2014

Во время этой дискуссии Д. Дондурей также подтверждал, что государство действительно «практически не вкладывается в программирование нации... не воспринимает телевидение как нечто большее, чем бизнес или информацию... не осознает себя деятельным участником широких контент-процессов» [Там же, 20]. И это на самом деле так, поскольку наше государство, будучи владельцем ряда мощнейших телеканалов, одновременно является и одним «из главных игроков на рекламном рынке» [6, 53], т. е. делает ставку именно на прибыль, а не на культурные ценности.

Надо сказать, что в последние десятилетия и мировые электронные СМИ все активнее преследуют те же коммерческие интересы, хотя во многих странах существует не только частное и государственное, но и общественное телевидение. Из знаменитой формулы Би-би-си «информировать, просвещать, развлекать» все чаще пропадает ее немаловажная середина. Вместе с тем можно вспомнить, что советское телевидение, всегда оставаясь коллективным пропагандистом, агитатором и организатором, нацеленным на воспитание людей в духе коммунистической идеологии, никогда не забывало и о своем *культурном* предназначении. Первые передачи регулярного вещания из Москвы имели прямое отношение к культуре. Это были литературные чтения, эстрадные концерты и фрагменты театральных спектаклей. Как пишут историки телевидения, люди, пришедшие туда работать в 30-е гг. прошлого века, видели в нем не только аттракцион, средство развлечения или агитатора, но и «культпросветчика». Журналист и многолетний редактор телевидения Э. Г. Громова вспоминала, что, к примеру, ленинградское телевидение, возникшее почти одновременно с московским, «с самого начала было задумано... “культурным каналом”. На его экране зрители увидели тысячи концертов, спектаклей, фильмов, телеигр, “шоу”. Здесь получили свои “звездные билеты” и стали всенародно известными десятки талантливых людей» [2, 182]. Заметим, что шоу поставлены в один ряд со спектаклями и фильмами. И это верно, поскольку все они имеют отношение к культуре. Хотя и к разным ее типам. Одно их объединяет: они принадлежат к культуре *зрелищной*, частью которой является и само телевидение.

Понятие «зрелище» лежит в основе культурологического подхода к определению сущности телевидения, который известен наряду с иными научными подходами, такими как искусствоцентристский, журналистиковедческий, коммуникативный или комплексный, системный, морфологический. Большое значение для обоснования культурологического подхода к осмыслению сущности и общественной роли телевидения имеют труды А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Р. Барта, В. И. Михалковича. Из «специфики телевидения как коммуникативной системы культуры» [11, 33] вытекают, по словам Б. М. Сапунова, и особенности новой области знания — «культурологии телевидения», которая, в частности, касается выяснения соотношения технической и творческой сторон телевидения как отраслей «единой телевизионной культуры» [Там же]. Телевидение вырастает не только из недр техники, но и тесным образом связано с народной, фольклорной, мифологической культурами человечества, которые, как известно, стояли у истоков современной гуманитарной культуры.

Исследователь Н. А. Хренов так же, как и вышеперечисленные ученые, в отличие от таких сторонников искусствоцентристской концепции телевидения, как В. С. Сапак, В. М. Вильчек, Л. В. Петров, Э. М. Ефимов, Н. М. Зоркая, Л. К. Козлов, А. И. Липков и др., рассматривает последнее именно как явление культуры, а не вид искусства [16, 382]. Данный автор предлагает изучать телевидение в рамках общей теории эстетического *зрелища*, по его словам, на какое-то время «забытого» объекта научного анализа. Осмысля различные зрелищные формы культуры, исследователи обнаруживали в едином поле рассмотрения и эстетические, или художественные, формы (кино, театр, телевидение), и формы нехудожественные (спорт, массовые гуляния и т. д.). Тот же Н. А. Хренов подчеркивает их генетическое родство. Он даже полагает, что само понятие «зрелище» во многом определяется именно вторжением нехудожественных элементов в сферу художественного восприятия. А сходство телевидения с иными зрелищными формами культуры, в частности с цирком, ученый видит в чисто телевизионном принципе программности.

Как известно, телевидение функционирует именно как программа, в совершенно иной по сравнению с традиционными искусствами коммуникативной ситуации, в виде совокупности аудиовизуальных текстов, четко выстроенных в определенной пространственно-временной последовательности. При этом изучением телепрограммы всегда традиционно занимались исследователи тележурналистики, применявшие методы классификации, типологизации и систематизации. Н. А. Хренов же напрямую связывает программность именно со зрелищностью, а в принципе программности обнаруживает элемент культурной оппозиции принципу сюжетности, присущему более поздним формам культуры — традиционным искусствам. В свою очередь, исследователь соединяет программность с самыми ранними способами мышления, обнаруживая следом за другими авторами близость телевидения к древнейшим фольклорно-мифологическим воплощениям культуры, таким как карнавал, цирк и балаган. Для нас зрелищная концепция телевидения, связанная с его программностью, выглядит достаточно привлекательной. Однако заметим, что в узком смысле слова зрелищность может отождествляться с отдельными, рекреативно-развлекательными элементами телепрограммы, что вполне закономерно, хотя и несколько ограничивает общее поле исследования телевидения.

Если же обратить специальное внимание на столь популярные сегодня, но дискредитировавшие себя развлекательные телеформаты, то при советской власти они начали по-настоящему активно проникать в эфир лишь в начале 60-х гг., скромно проходя тогда либо под маркой молодежного творчества, либо научно-познавательного вещания. Развлечение долго оставалось в нашей стране «вне закона». Его просто не замечали, предпочитая не особенно обсуждать и в научной литературе. Хотя на Западе подобные исследования велись уже с начала 1960-х гг. Сегодня же наши отечественные ученые определяют место игровых, клиповых, «реальных», одним словом — развлекательных передач где-то *между* журналистикой, искусством и аттракционом, не находя им в телевещании какой-либо иной свободной ниши. Однако стоит ли путать все эти столь разные виды деятельности? Развлечение является неотъемлемой частью

как самой жизни, так и вещательной политики телевидения. Ведь «...программа, построенная на... “номерах-ударах”, “кадрах-сенсациях”, удовлетворяет потребность в разрядке...», справедливо констатируют петербургские авторы [1, 234]. Массовая коммуникация даже способна заменять собой исчезающие из жизни традиционные зрелищные формы. Такие, например, как балаган, ярмарка, праздничные представления.

И, между прочим, именно благодаря первым массовым развлекательным программам тогда, в начале 60-х гг., телевидение осуществило для себя настоящий качественный скачок, перейдя от монолога к импровизации, общению и артизации в таких программах, как «Голубой огонек», «КВН», «Кабачок “13 стульев”», «А ну-ка, девушки!»; а в 70-е гг. — в цикловых передачах «А ну-ка, парни!», «От всей души», «Алло, мы ищем таланты!», «Что? Где? Когда?»; в 80-е — в столь же оригинальных авторских программах «Веселые ребята», «Музыкальный ринг», «До и после полуночи». В 90-е же гг. игровые и театрализованные программы буквально лавиной хлынули на наши экраны. Тогда и родились «Поле чудес», «Умники и умницы», «Счастливый случай», «Догшоу», «L-клуб», «Смак», «Сам себе режиссер», «Брейн-ринг», «Времечко», «Моя семья», «Своя игра», «Я — сама», «Угадай мелодию», «Человек в маске», «Один на один», «Старая квартира», «Колесо истории», «Акулы пера», «Сто к одному», «Империя страсти», «Антропология», «Про это», «Два рояля», «Суд идет», «Ищу тебя (Жди меня)», «О, счастливчик!», «Процесс» и др. Кстати, в перестроечные и постперестроечные годы, признав, что наш человек, оказывается, не так уж и счастлив, как настойчиво убеждали нас еще недавно, с экрана заговорили о призвании телевидения не только информировать, убеждать и развлекать зрителя, но и утешать,

Сегодня же нам каждодневно рассказывают о нарушениях закона, происшествиях и авариях. Привычными стали экранные преступления и ужасы. Теперь электронное СМИ пугает и развлекает нас одновременно, что давно уже перестало кого-либо удивлять. Телевидение не утешает, не воспитывает и не просвещает, решив, что свободный человек в новой, демократической стране в этом вовсе не нуждается. Вместе с функцией просвещения домашний экран почти забыл о работе и с детской аудиторией, прекратил всякую социальную деятельность в эфире. Общественные задачи телевидения, по сути, уступили место интересам бизнеса, соображениям извлечения прибыли с помощью рекламы, которую трудно внедрить в культурологические и детские передачи. Образовательное, учебное и научно-популярное телевидение оказалось вне доступа массовой аудитории. И в результате, по словам Я. Н. Засурского, «...мы из страны, которая гордилась своим образовательным и учебным телевидением, превратились в страну, где нет образовательного вещания. Произошла культурная катастрофа... *Это самая серьезная потеря* нашего телевидения, которая ничем не восполнена. По этому важнейшему для XXI в. показателю российское телевидение относится к числу наиболее отсталых в мире. Именно здесь необходимо принять срочные меры, чтобы восстановить образовательное вещание, которое имеет в России богатейшие традиции» [9, 11]. Однако, как видим, воз и ныне там.

Между тем телевидение по самой своей природе есть «главный инструмент производства национальной культуры, создания образцов поведения. Институт объединения живущих на одной территории людей в нечто целое» [10, 5]. Причем если понимать культуру в широком смысле, то к ней «имеет отношение всякая телепередача» [12, 43]. Другое дело, что каждый телеканал в процессе программирования осуществляет политику, связанную с тем или иным типом культуры в узком смысле (с массовой или элитарной, обыденной или специализированной, бытовой или повседневной, физической или духовной). В этом каналы и разнятся, а чаще всего — сходятся.

Так или иначе, определенную *культурную политику* осуществляет любой из них. Важно понять, к *какому* типу культуры имеет отношение его вещательная политика? *Чем* она мотивируется и *как* осуществляется? Попробуем разобраться. И прежде всего уясним, что означает сам термин? По определению исследователя А. Я. Флиера, если говорить о социуме, то культурная политика — это комплекс мер «по искусственному регулированию тенденций развития духовно-ценностных аспектов общественного бытия» [15, 409]. Она реализуется культурными институтами, среди которых свое место занимают и СМИ. Анализируя культурную политику телеканала, мы неизбежно сталкиваемся с известным набором типологических и морфологических характеристик телевизионной деятельности. Следовательно, и эти понятия необходимо определить.

Важнейшей задачей типологического анализа является изучение *признакового* пространства. Е. Е. Корнилова, опираясь на известные исследования А. В. Западова, Е. А. Корнилова, А. И. Акопова, предложила собственную схему типологического анализа телеканалов: «Применительно к телевидению... типформирующими факторами... будут... следующие: учредитель, телеканал, зритель. Все три фактора находятся в неразрывной связи и взаимном влиянии, характеристика любого из них дает известное представление о других факторах. Так, именно учредитель определяет концепцию телевизионного вещания, которое, в свою очередь, влияет на выбор аудиторной группы и также, в значительной степени, определяется ею... Для анализа телеканалов... важнейшими являются особенности содержания, сфера отображаемой действительности, программирование, жанры, авторский состав» [7, 150].

Типология как метод научного познания требует классификации, т. е. разбиения «изучаемой совокупности объектов на группы» [13, 8]. Именно классификация лежит в основе всякого типологического анализа. Между тем В. В. Тулупов [14, 52] сближает классификацию с систематизацией. А вот исследователь М. С. Каган, ссылаясь на Ионаса Кона, настаивал на четком различении этих двух понятий. Их сопоставление он начинал с утверждения о том, что, во-первых, классификация носит *индуктивный* характер, поскольку опирается на эмпирические данные; но «систематизация исходит из анализа способности данной сущности к дифференциации и имеет поэтому *дедуктивный* характер; во-вторых, системный подход требует выявления *необходимости* тех различий, которые классификация *просто фиксирует*; в-третьих, моделирование некоей системы требует *сопряжения нескольких классификационных*

плоскостей, поскольку эта многомерность обуславливается сложностью изучаемых объектов, многоплановостью их связей и взаимоотношений; наконец, это сопряжение должно предстать как *координация и субординация* различных направлений классификаций» [5, 164]. Как видим, указанные понятия здесь строго разграничены, их соотношения четко определены, а цели и обозначаемые ими пути исследований явно разнятся.

Нами же разработан метод морфологического анализа [8], который в отличие от типологического предполагает систематизацию явлений, установление соотношений между уровнями и отдельными категориями морфологии изучаемого объекта как единой и сложной системы форм, в основе которой лежат определенные структурные закономерности. А для этого необходимо как выявление самих этих уровней, так и выработка критериев для их различения. Морфология изучает внутреннее строение телевидения как совокупность родовых, видовых, жанровых, форматных, проектных и программных составляющих, существующих и функционирующих в системе многопрограммного вещания в определенных координационных и субординационных связях. Речь идет о таких *родовых* категориях телеморфологии, как «монолог», «диалог» и «синтез, соответствующих трем основным способам контакта с аудиторией; категориях *видовых*, соответствующих основным «направлениям вещания» (массово-коммуникационному, куда входят журналистика, пропаганда, реклама, PR; развлекательно-рекреативному, художественному и познавательно-адаптивному); категориях жанровых; стилевых («формат»); проблемно-тематических («проект») и программных («передача»). Основаниями же для дифференциации этих уровней служат коммуникативные, функционально-деятельностные, предметные, методико-целевые и аудиторно-технологические факторы.

Пользуясь методом морфологического анализа для изучения *программной политики* каналов, обуславливающей появление тех или иных *программных форматов*, мы обзреваем весь набор единиц вещания за определенный отрезок времени, группируем их по общности признаков, выявляем процентные соотношения между собой, а затем рассматриваем с точки зрения основных параметров и характера их взаимодействия. После выявления всех перечисленных составляющих программы производится подсчет их времени в эфире, а затем — анализ соотношений друг с другом и с рекламными, промоутерскими вставками. Параллельно с этим проводятся сопоставления выявленной картины с декларациями официальных сайтов и отдельных лиц, телекритиков и телезрителей.

Если метод типологического анализа позволяет определить тип телеканала со всей совокупностью его признаков, а метод морфологического анализа дает возможность изучить программную политику этого канала в целом, то для уяснения культурной политики того же канала необходимо обратиться к морфологии культуры, т. е. кучению о внутренней структуре культуры и ее организационно-функциональном строении, которое поможет нам рассмотреть программную сетку конкретного телеканала уже с точки зрения составляющих ее специфических «культурных текстов», т. е. тех ее элементов, которые имеют прямое отношение к явлениям культуры в узком смысле слова. В сво-

ем рассуждении о морфологии культуры исследователь А. Я. Флиер выделил четыре основных функциональных блока дифференциации культуры, представленных разными сферами социальной практики, исходя при этом из разработанной еще философами-эволюционистами прошлого века концепции структурирования культуры на две области — обыденную и специализированную и развернутой на этой основе уже в наше время теории Э. Орловой, проследившей каналы трансляции социально значимой информации между двумя вышеназванными областями культуры [15, 134–137].

Первая сфера обозначена как *культура социальной организации и регуляции*, куда входят (на специализированном и обыденном уровне) хозяйственная и домашняя культура, включая, с одной стороны, экономику, торговлю и финансы, с другой — культуру ведения домашнего хозяйства и, вероятно, культуру жилища, одежды, внешнего облика человека и т. д.; правовая культура, где специализированная область представлена юриспруденцией, а обыденность — моралью, нравственностью, общественным мнением (как они работают в обществе); политическая культура существует в формах государственной политики и идеологии, с одной стороны, и межличностных отношений — с другой. Вторая сфера, названная сферой *культуры познания и рефлексии мира, человека и межличностных отношений*, вобрала в себя философскую культуру и культуру здравого смысла; научную культуру и повседневные знания вкупе с бытовой логикой; религиозную культуру с ее религиозными учениями, конфессиями и разрозненными верованиями; наконец, художественную культуру, высокую и низовую с развлекательными и игровыми формами и проявлениями последней. Третья сфера, поименованная как сфера *культуры социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации*, включает в себя культуру межличностных социальных контактов; культуру массовой информации (от профессиональных СМИ до слухов и сплетен); информационно-кумулятивную культуру (от системы музеев и библиотек до свитка преданий и легенд); культуру межпоколенной трансляции социального опыта, культурной компетенции и знаний (от системы образования всех уровней до системы домашнего воспитания, семейных отношений, совокупности связанных с воспитанием традиций, обычаев и нравов; здесь же, вероятно, размещается и культура детства). Наконец, четвертая сфера социальной практики обозначена как *культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека*. Туда вошли и сексуальная культура, и культура физического развития (от профессионального спорта до массового туризма), и культура поддержания и восстановления здоровья (от медицины до знахарства), и культура восстановления энергобаланса человека (кулинария, система и структура питания), и культура отдыха, психической рекреации и реабилитации человека (организованный и неорганизованный досуг, сон, вредные привычки).

Уже поверхностного взгляда достаточно, чтобы увидеть, как задействованы те или иные функциональные блоки дифференциации культуры в телепрограмме любого телеканала, причем среди них, безусловно, следует различать каналы универсальные и специализированные. Подсчет же единиц вещания с точки зрения наличия или отсутствия вышеперечисленных структурных

элементов морфологии культуры в вещательной сетке и последующий анализ полученных цифр обнаружат очевидные крены и предпочтения в ту или иную сторону. Так, проясняется вопрос о характере культурной политики телеканалов и о ее влиянии на процессы их программирования. Любопытно, что завершая свой перечень и учитывая необходимость развития и дополнения компонентов морфологической структуры культуры, исследователь пишет, что изучение последней продвигает наши представления о ее сущности, развенчивая «некоторые мифы о сугубой духовности всего, что манифестируется термином “культура”» [15, 137]. Однако, как показывает опыт, телевидение в первую очередь, освещает именно эти, отнюдь не связанные с высокой духовностью разделы морфологии культуры, в том числе и низовую, бытовую, развлекательную культуру, привлекая к ним особое внимание аудитории. Эти разделы эксплуатируются подавляющим большинством телеканалов, в то время как высокой культуре внимания уделяется значительно меньше.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что применение типологического и морфологического методов анализа телевидения вкупе с отысканием в телепрограмме элементов морфологии культуры дает возможность изучить культурную политику телеканалов более глубоко и основательно, нежели с помощью традиционных методов, связанных с выборочным рецензированием и анализом отдельных эфирных элементов программы или с более или менее подробным описанием определенного их набора.

-
1. *Васильева Т. В., Осинский В. Г., Петров Г. Н.* Курс радиотелевизионной журналистики. СПб., 2004. 288 с.
 2. *Громова Э. Г.* Явление журналистики и феномен мировой культуры // *Говорит и показывает кафедра радио и телевидения.* СПб., 2004. Вып. 2. С. 181–188.
 3. *Дондурей Д., Зверева В.* «Почти безгрешны...»: О том, как руководители телеканалов оценивают итоги года // *Искусство кино.* 2008. № 10. С. 95–105.
 4. *Дондурей Д., Радзиховский Л., Роднянский А.* Инновации. Телевизор. Идеология // Там же. № 6. С. 5–19.
 5. *Каган М. С.* Морфология искусства. Л., 1972. 440 с.
 6. *Качкаева А. Г.* Новейшая история российского телевидения (1985–2004) // *Телерадиоэфир: история и современность.* М., 2005. С. 36–54.
 7. *Корнилова Е. Е.* Методика исследования телевизионных каналов // *Информационное поле современной России: практики и эффекты.* Казань, 2009. С. 148–152.
 8. *Мясникова М. А.* Морфологический анализ современного российского телевидения. Екатеринбург, 2010. 320 с.
 9. Нужно ли обществу телевидение? // *Телерадиоэфир: история и современность.* С. 8–23.
 10. Почему я не смотрю телевизор // *Искусство кино.* 2011. № 2. С. 5–23.
 11. *Сапунов Б. М.* Культурология телевидения. М., 1999. 46 с.
 12. *Телевизионная журналистика.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 304 с.
 13. *Типология и классификация в социологических исследованиях.* М., 1982. 296 с.
 14. *Тулунов В. В.* Газета: маркетинг, дизайн, реклама. Воронеж, 2001. 313 с.
 15. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов. Москва ; Екатеринбург, 2002. 492 с.
 16. *Хренов Н. А.* Место зрелищных искусств в художественной культуре (к постановке проблемы) // *Театр как социологический феномен.* СПб., 2009. С. 377–392.

Статья поступила в редакцию 16.12.2013 г.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СТРУКТУРЫ МЕДИАХОЛДИНГА В ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЯХ

Статья посвящена актуальной для современной религиозной журналистики теме — формированию новой для епархиальных СМИ системы медиахолдинга. Анализируется статус религиозной журналистики в современной России, приводится краткий исторический обзор православных СМИ. Также рассматривается структура медиахолдинга и на конкретных примерах показаны предпосылки создания медиахолдинга в православных епархиях.

Ключевые слова: церковная журналистика; православные СМИ; медиахолдинг; медиаринок; епархия; Русская православная церковь.

Русская православная церковь несет свою веру людям не только с церковного амвона, но и другими способами, в том числе и через средства массовой информации. В настоящее время в связи с изменениями в общественно-политической жизни страны происходит процесс видоизменения структуры СМИ, в том числе и церковных. Самым оптимальным способом организации СМИ в последние годы становится медиахолдинг. К такой форме работы стремятся и церковная журналистика, в том числе епархиальная.

За последние 20 лет православная журналистика сформировала свою систему СМИ, которая занимает видное место среди российских медиа. Православные СМИ — как епархиальные, так и независимые — нашли читателей не только среди православных верующих, но и в светской аудитории. Об этом говорят, в частности, возрастающие тиражи церковных изданий. Например, православный дайджест «Душа. Встреча с Господом», распространяющийся во многих епархиях Сибири и Центральной России, за пять лет своего существования увеличил тираж с 999 экз. до 66 тыс. экз. Растут и тиражи официальных епархиальных изданий. Еще 5–10 лет назад у многих епархиальных газет тираж не превышал 999 экз. Сейчас же почти все подобные издания прошли официальную регистрацию в Роскомнадзоре и значительно увеличили свои тиражи.

Церкви коснулась и информационная революция, сейчас церковная журналистика широко использует современные технологии и методики в области распространения информации и продвижения своих проектов. Об этом говорит большое количество православных сайтов в сети Интернет. Суммарная аудитория одного из самых популярных православных сайтов «Православие и мир» (www.pravmir.ru) составляет около 400 тыс. посетителей в месяц, посещаемость портала — 20 тыс. хостов в день. Свои сайты имеют и многие православные печатные издания, в Интернете также транслируются теле- и радиoprogramмы.

ТКАЧЕНКО Лилия Анатольевна — соискатель кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, редактор газеты «Вестник Новосибирской митрополии», г. Новосибирск (e-mail: iya2003@mail.ru).

Следует сказать и о месте православной журналистики в образовательных программах российских вузов. Более 20 лет (с 1991 г.) на факультете журналистики Московского государственного университета осуществляется подготовка специалистов по программе «Журналистика и религия» [8]. Исследованию современного состояния церковной журналистики, ее влияния на общественную жизнь посвятили свои труды многие ученые и преподаватели: Л. В. Кашинская, М. М. Лукина, В. М. Хруль и др.

Православная журналистика имеет богатые традиции, поэтому возрождение православных СМИ в наше время закономерно. Несмотря на то что в XX в. эта традиция прервалась, современная православная журналистика во многом опирается на дореволюционный опыт. Для того чтобы лучше понять сегодняшние задачи церковной журналистики, необходимо обратиться к ее истокам.

Периодические издания на Руси появились в XVIII в., а вскоре, в первой четверти XIX в., стала выходить и церковная периодика. Начало было положено Санкт-Петербургской духовной академией, которая с 1821 г. стала издавать журнал «Христианское чтение», а с 1837 г. начал выходить популярный еженедельник «Воскресное чтение», который выпускался Киевской духовной академией [9]. Таким образом, именно духовные школы стали инициаторами развития православной периодики на Руси, а первые журналы послужили образцом для всех последующих церковных изданий. С тех пор периодическая печать стала одним из значимых факторов взаимодействия Церкви с населением.

Вслед за духовными школами периодические издания стали появляться и в отдельных епархиях. Следует отметить, что епархиальная периодическая печать по времени возникновения опередила центральную (синодальную), которая ведет свой отсчет с 1875 г., с начала выхода «Церковного вестника». А первым епархиальным печатным органом стал журнал «Епархиальные ведомости», с 1860 г. выходивший сначала в Ярославле и Херсоне, а затем и в других городах России. Необходимо отметить, что концепция «Епархиальных ведомостей» была разработана еще в 1853 г. архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым), но утверждена только в 1859 г., уже после смерти святителя [10]. Журнал был разделен на две части: официальную, предназначенную для публикаций указов Священного синода, распоряжений епархиальной власти и другой документальной информации, и неофициальную, в которой печатались статьи назидательного характера, отрывки из проповедей и местные материалы из церковной жизни. Уже в 1860-е гг. более половины епархий имели свои местные печатные органы, как правило, представленные «Епархиальными ведомостями» [7]. В последующие годы «Епархиальные ведомости» выходили уже во всех епархиях Русской православной церкви (РПЦ).

Окончательное формирование системы церковной периодической печати произошло в последней четверти XIX в., а к началу XX в. она достигла своего расцвета. К 1917 г. дореволюционная церковная периодика состояла из более 360 наименований, значительную часть которых составляли епархиальные и приходские издания, однако все они прекратили свое существование в тече-

ние первых пяти послереволюционных лет. Вплоть до 1989 г. единственным периодическим печатным органом Русской православной церкви оставался «Журнал Московской патриархии».

Возрождение религиозной печати в России начинается с 1990 г., после принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях». Новые тенденции в государственно-церковных отношениях позволяют РПЦ активно участвовать в социально-культурной жизни российского общества, в том числе и через средства массовой информации, которые становятся основным связующим звеном между церковью и обществом. За последнее десятилетие XX в. произошло не только полное восстановление православной периодической печати в ее традиционных формах (газеты и журналы), но и активное освоение новых форм такой деятельности (радио, телевидение и электронные СМИ), в том числе и на епархиальном уровне. Опираясь на дореволюционный опыт церковной журналистики, современная православная периодика ставит перед собой и новые цели, делая акцент на катехизаторской, миссионерской и духовно-просветительской деятельности.

Необходимо отметить, что именно возобновление епархиальных изданий во многом способствовало возрождению православной журналистики в 90-е гг. прошлого века. В настоящее время практически все епархии имеют свои церковные СМИ, учредителями которых являются епархиальные управления. Правда, они различаются, и иногда значительно, как по объему, так и по качеству, что обусловлено множеством причин, в том числе и экономических. Официальные епархиальные СМИ информируют читателей о главных церковных новостях: служении Патриарха и работе синодальных отделов, миссионерских и социальных проектах и т. д. Но в первую очередь задача местных СМИ — освещать деятельность правящего архиерея епархии и епархиальных отделов, рассказывать о строительстве и освящении новых храмов, публиковать материалы православных семинаров и конференций, давать объявления о церковных мероприятиях и значимых событиях.

На первом месте по распространенности среди епархиальных изданий находится газета, которая содержит основную информацию о жизни епархии. Ее размер может варьировать от листка до многополосного издания, обычно она содержит несколько рубрик, отражающих епархиальную жизнь с разных сторон. Как правило, официальным епархиальным газетам присущи типологические признаки региональных СМИ, так как границы епархий зачастую совпадают с государственными административными границами. Кроме официальных ведомостей, многие епархии издают и другие газеты, тем самым удовлетворяя разнообразные запросы читательской аудитории: как уже воцерковленных прихожан, так и тех, кто только приближается к церковному порогу.

Значительный пласт церковной прессы составляют журналы, позволяющие более углубленно освещать все стороны жизни Церкви. Многие епархии выпускают журналы различной тематической направленности: исторические и краеведческие, миссионерские, детские, женские, молодежные, для семейного чтения. Как отмечает исследователь Л. В. Кашинская, «среди епархиальной периодики преобладают газеты. Однако в митрополиях и крупных епархиях

издаются журналы, что дает возможность более эффективно и широко вести информационную, просветительскую и катехизаторскую работу. Такое сочетание целевых задач характерно практически для всех епархиальных журналов и определяет их типологическую группу официальных многопрофильных изданий... Ориентируясь в основном на священнослужителей и воцерковленных читателей, эти издания адресуются и широкой аудитории, публикуя материалы из истории религии и Церкви, рассматривая общечеловеческие проблемы в христианском православном контексте» [5, 105].

Издательскую деятельность в епархиях курирует специальный отдел — информационный или издательский. Например, в Новосибирской митрополии все печатные СМИ входят в структуру издательского совета, руководителю которого подчиняются главные редакторы епархиальных изданий. Они должны предоставлять оригинал-макеты выпусков на сверку, а в конце каждого квартала — отчеты о деятельности редакции. В издательском совете хранится фотоархив и другие важные документы, которыми могут воспользоваться все печатные СМИ епархии.

Многие епархии имеют свои радио- и телепрограммы. Такие программы обычно создаются на базе епархии (если есть студия для записи программ, оборудование и квалифицированные сотрудники). Зачастую передачи снимаются в помещении телеканала, на котором транслируется передача, или записываются в студии радиоканала. В Новосибирской митрополии есть студии для производства телевизионных и радиопрограмм, но аудиовизуальные СМИ, а также интернет-ресурсы не объединены в общую структуру и не подчиняются издательскому совету. Несколько по-другому организована система СМИ в Кузбасской митрополии. Печатные, телевизионные, радио- и интернет-СМИ объединены в информационно-просветительском отделе, руководителем которого является священник.

Таким образом, на примере нескольких епархий Сибирского региона можно утверждать, что в настоящее время намечается тенденция объединения епархиальных СМИ в одну общую структуру, чаще всего, как уже было сказано выше, она носит статус епархиального отдела. В последние годы все чаще объединение епархиальных СМИ именуют медиахолдингом или медиацентром. Прежде чем дать определение этому процессу, необходимо рассмотреть само понятие медиахолдинга.

Глобализация информационного пространства, явившаяся следствием общего процесса глобализации, привела к формированию принципиально нового уровня информационного воздействия на общество. С развитием сети Интернет зарубежный и российский бизнес стал активно вкладывать свои средства в медиасферу, произошла трансформация всех основ медиаиндустрии, в результате медиаинформационная среда стала одной из наиболее бурно развивающихся отраслей современной экономики [1]. Повсеместное слияние, взаимодействие и взаимопроникновение массмедиа стало причиной возникновения полицентричной информационной среды, включающей в себя национальные и транснациональные корпорации СМИ в качестве своего основного компонента.

В современном экономическом пространстве отдельные издательства, теле- и радиокomпании оказались в менее выгодном положении по сравнению с мощными медиакорпорациями, что стало причиной либо их банкротства, либо поглощения более крупной медиаструктурой. Конкуренция на информационном рынке привела к структурным и содержательным переменам в медиасфере, а монополизация стала одной из основных тенденций развития массмедиа. Количество независимых периодических изданий стало стремительно уменьшаться. В сфере журналистики глобализация проявилась, с одной стороны, концентрацией капитала в национальном масштабе, а с другой — созданием международных медиаконцернов [11]. Следствием коммерциализации журналистики становится отношение к СМИ как к медиаиндустрии, а результаты труда журналистов все чаще именуется медиапродуктами. В конечном итоге наиболее конкурентоспособными оказываются СМИ, которые могут обеспечить высокий рейтинг и стабильный доход, что достигается прежде всего за счет публикаций, вызывающих наибольший спрос, и размещения рекламы.

Наиболее эффективны на сегодняшний день в информационном пространстве те медиаструктуры, которые объединяют в себе различные издания в разных сегментах медиарынка, такие как медиагруппы, тресты, издательские дома, медиахолдинги и информационные империи. Медиахолдинг — это компания или объединение нескольких компаний в области медиасферы, связанные единым капиталом и управляемые из единого центра. Медиахолдинги включают в себя разные виды информационного продукта: прессу, радио- и телевидение, электронные СМИ, парки развлечений. К медиахолдингам также относятся крупные информационно-издательские объединения и телекоммуникационные корпорации, которые создавались с целью диверсификации экономических рисков и усиления политического влияния.

Холдинг, как правило, возглавляется управляющим центром, которому подчиняется управляющая компания, занимающаяся экономическими, организационными и правовыми вопросами. Ей, в свою очередь, подчиняются дочерние компании, входящие в структуру холдинга, которые могут располагаться как по горизонтали (объединение однородных организаций), так и по вертикали [4]. Холдинги различаются между собой по своему составу и по типу включенных в них СМИ.

На сегодняшний день медиахолдинги — одна из самых эффективных форм существования медиапредприятий. Наряду с оптимизацией сбора и распространения информации эффективность медиахолдингов обусловлена также значительной экономической выгодой. Благодаря своей конкурентоспособности холдинги завоевали лидирующее положение на медиарынке по популярности, количеству рекламы и тиражам своих изданий. Новые технологии, применяемые холдингами, и мощная материально-техническая база позволяют им обеспечить выпуск высококачественного информационного продукта. В свою очередь, благодаря кооперации и специализации журналистского труда, а также повышению качества и содержания журналистских исследований, появляется возможность для реализации масштабных и дорогостоящих медиапроектов.

Монополистические объединения в сфере издательской деятельности и радиовещания появились на Западе еще на рубеже XIX–XX вв. Американские телекоммуникационные, радиовещательные, печатные и телеграфные корпорации стали одними из первых медиахолдингов. В середине XX в. возникают уже медиаконцерны, включавшие в себя и внемедийные подразделения, что обеспечивало их большую конкурентоспособность. Во второй половине XX в. медийные корпорации на Западе активно объединяются с крупными немедийными компаниями, что приводит к образованию многоотраслевых медиаконцернов, многие из которых выходят на транснациональный уровень. В начале XXI в. продолжилось углубление коммерциализации печатной и электронной прессы и возросла концентрация медийной собственности, которая оказалась в руках нескольких гигантских концернов. В настоящее время ведущие позиции на мировом информационном рынке занимают шесть американских медиакорпораций: General Electric, News Corp, Time Warner, Viacom, Disney, CBS [12].

Интерес российского бизнеса к медиасфере начал проявляться с середины 90-х гг. с появлением в России глобальной сети Интернет. В это же время возникло множество региональных спутниковых, кабельных, дециметровых и 6-метровых телеканалов, новых радиостанций. Результатом концентрации СМИ стало создание первых издательско-производственных объединений (ИПО), в состав которых входили редакция, собственное издательство и типография. Следующим этапом процесса концентрации СМИ стало появление издательских домов, объединявших в себе несколько редакций. Вслед за издательскими домами появились такие формы концентрации СМИ, как информационно-издательские компании, медиахолдинги и концерны.

Первые российские медиахолдинги начали создаваться в конце 90-х гг. XX в. Тогда же возникли и независимые информационные компании, объединявшие в себе радиостанции, печатные издания, веб-порталы и телеканалы, что дало творческим коллективам возможность формирования независимого печатного, онлайн-ового программного продукта [13]. Так, первым российским радиохолдингом стала медиагруппа «Европа-Плюс», образованная в феврале 1996 г. Постепенно финансовые магнаты подчинили себе почти все крупнейшие печатные, аудиовизуальные, а затем и электронные СМИ. В начале XXI в. российский медиарынок становится одним из самых динамично развивающихся рынков в мире.

Российская медиаиндустрия, структура которой представлена четырьмя крупными сегментами: пресса, радио, телевидение, Интернет, старается соответствовать требованиям рынка и стандартам эффективного менеджмента. Так, один из крупнейших холдингов в России — «Газпром-Медиахолдинг» объединяет прессу, радио, телевидение, Интернет, рекламу, кинопроизводство и кинопрокат. Ведущие позиции в российской медиаиндустрии принадлежат таким крупнейшим концернам, как «СТС Медиа», «Газпром-Медиахолдинг», «Москва Медиа», ВГТРК, РИА «ФедералПресс» и др. Информационные империи осуществляют концентрацию капитала с целью реализации масштабных медиапроектов и рационализации журналистской деятельности. Масшта-

бы роста и увеличение сферы влияния крупнейших медиаконцернов позволяют им стать одними из ведущих акторов внутренней и мировой политики и во многом определять особенности политической структуры современного мира [14].

Для российского информационного пространства характерны, во-первых, симбиоз бизнеса и политики, а во-вторых, ориентация медиамагнатов на продвижение своих политических и деловых интересов даже в ущерб экономическим. Крупнейшие российские и зарубежные финансовые группы формируют медиахолдинги, чтобы иметь возможность влиять на экономические и общественно-политические процессы, так как именно учредитель издания владеет целями и средствами манипуляции в журналистике. В качестве примера можно привести медиахолдинг Ю. Лужкова, благодаря которому бывший мэр Москвы создал лояльную информационную среду с целью продвижения своей кандидатуры на предстоящих президентских выборах [2].

В настоящее время ситуация в мировой коммуникации характеризуется постепенным переходом от доминирующего влияния государств к влиянию крупных корпораций. В то же время государство постаралось сохранить свои позиции в области коммуникаций и СМИ. Так, в 1998 г. государственные телерадиокомпании объединились на базе ВГТРК в государственный медиахолдинг, куда впоследствии вошло агентство РИА «Новости». Процесс усиления государственных СМИ продолжился с принятием в 2000 г. Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, в которой говорилось о необходимости «укреплять государственные средства массовой информации, расширять их возможности по своевременному доведению достоверной информации до российских и иностранных граждан» [6, 10–11].

В последние годы с целью более выгодного капиталовложения и увеличения информационного влияния происходит консолидация медиаактивов в руках мощных финансово-промышленных групп, которые являются собственниками крупнейших медиахолдингов. Так, в основе российских холдингов лежит, как правило, не массмедийный компонент, а мощные финансово-банковские и сырьевые конгломераты, такие как Газпром, ЛогоВАЗ, «Альфа-групп» и др. Взаимная связь медиабизнеса с другими секторами экономики стала важным фактором повышения конкурентоспособности медиакорпораций, в результате чего рынок периодических изданий в России оказался поделенным между несколькими мощными медиаконцернами.

Современная тенденция в развитии медиаиндустрии — это консолидация рынка и образование мультимедийных холдингов. Идет активный процесс конвергенции медиаконцернов, что позволяет им становиться владельцами нескольких видов средств распространения информации — мультимедиа, что, в свою очередь, приводит к соответствующим изменениям их бизнес-моделей и их адаптации к информационным запросам потребителей. Происходит интеграция пакета новостей через такие средства, как печатные СМИ, радио, телевидение, телетекст, сайт, электронная почта, SMS и MMS [15]. Появились даже новые специализации журналистской профессии: мультимедийные журналисты и редакторы. Первым российским мультимедийным холдингом стал

созданный в 1996 г. «Медиа-Мост». Впоследствии его производящие и вещательные составляющие перешли к новому владельцу — «Газпром-Медиа» [3].

В последнее время на отечественном медиарынке все более прочные позиции завоевывает западная модель функционирования массмедиа. Возрастает и присутствие иностранного капитала в деятельности российских СМИ, однако в связи с особенностями российского законодательства о СМИ зарубежным инвесторам приходится использовать обходные пути проникновения на отечественный информационный рынок, такие как основание совместных периодических изданий, выпуск русскоязычных вариантов зарубежных изданий, создание совместных медиаструктур. Появляется все больше транснациональных медиаструктур с так называемым «рассеянным» капиталом, национальную принадлежность которых определить не представляется возможным [16]. Так, например, российская газета «Ведомости» выпускается совместно с «Financial Times», «The Wall Street Journal» и «Independent Media» [17]. Именно транснациональные корпорации, связанные с информационной индустрией, в настоящее время развиваются наиболее активно и являются основным сегментом мирового информационного пространства.

Сейчас на российском медиарынке достаточно значимую роль стали играть региональные СМИ, которые оказались в состоянии конкурировать с общефедеральными. Новый этап в развитии региональной прессы наступил с появлением на региональном уровне издательских домов и холдингов, что обеспечило более эффективный процесс сбора и распространения информации, а также наилучшие возможности для концентрации и перераспределения финансовых средств и проведения единой информационной политики. Региональным информационным холдингам приходится выдерживать конкуренцию с общефедеральными, которые, проникая в регионы, стремятся подчинить себе местные СМИ и основать новые. Конкурентоспособность региональных холдингов обеспечивается в основном за счет прибыли, получаемой от рекламы и подписных кампаний.

В качестве примера можно рассмотреть процесс создания медиахолдинга в Новосибирской области. В июле 2013 г. региональное правительство приняло решение об объединении областных СМИ в медиахолдинг. Планировалось присоединить «Областной депутатский канал» к «Дирекции Новосибирской областной телерадиовещательной сети — ОТС». В ходе реорганизации намечено объединение хозяйственного, управленческого и финансового секторов при сохранении редакций обоих СМИ и порядка назначений руководителей. В результате ожидается улучшение качества подготовки программного контента, появление новых проектов, повышение рейтингов и оптимизация хозяйственно-финансовой деятельности. Планируется увеличение общего объема эфира, посвященного работе депутатского корпуса, и существенное расширение аудитории [18].

Второе направление создания медиахолдинга — присоединение редакций районных газет к издательскому дому «Советская Сибирь». На первом этапе будут присоединены пять «районок», а к концу первого квартала 2014 г. — все тридцать две районные газеты. Параллельно будет проходить реорганизация

объединяемых печатных органов, увеличение их тиража и улучшение качества подготовки материалов. Кроме того, в состав медиахолдинга будет включен сайт *psonews*, который приобретет статус информационного агентства. Программа стартовала с начала сентября 2013 г., завершение ее первого этапа намечено на первый квартал 2014 г. [19].

В настоящее время процесс формирования медиахолдингов нельзя считать завершенным. С одной стороны, продолжается процесс включения отдельных медиаструктур в более крупные компании, с другой стороны — на перспективных направлениях возникают новые быстрорастущие холдинги. Относительно организации системы медиахолдинга в епархиях Русской православной церкви необходимо отметить, что процесс этот происходит очень быстро, на наших глазах, и в дальнейшем будет интересно исследовать это явление в момент его становления.

1. Андреев Н. С. Единое информационное пространство Российского государства: взаимодействие печатных и электронных СМИ : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005. 18 с.

2. Байчик А. В. Транснационализация СМИ Европы // Средства массовой информации в современном мире : Петербургские чтения. СПб., 2005. С. 17–18.

3. Болотова Л. Д. Отечественное радиовещание в начале XXI века: новые реалии и старые проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2004. № 2.

4. Давтян С. Л. Правовые основы функционирования редакции. М., 2000.

5. Кашинская Л. В. Христианская печать России: структура, типология // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2003. № 2. С. 105.

6. Мишин Д. А. Управление корпоративной культурой как социальным процессом российского медиахолдинга: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.

7. Нетуужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX — начала XX веков: историко-типологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 34 с.

8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.religare.ru/article56.htm> (дата обращения: 3.11.2013).

9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sobytia/cpp/smirpc.htm> (дата обращения: 9.09.2013).

10. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2011/3/> (дата обращения: 9.09.2013).

11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/222639/> (дата обращения: 20.09.2013).

12. [Электронный ресурс]. URL: <http://trickit.livejournal.com/17948.html> (дата обращения: 14.09.2013).

13. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/94.htm> (дата обращения: 4.10.2013).

14. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/148/> (дата обращения: 9.09.2013).

15. [Электронный ресурс]. URL: http://www.marketing.rbc.ru/download/research/demofile_562949984664527 (дата обращения: 25.09.2013).

16. [Электронный ресурс] <http://evartist.narod.ru/text3/94.htm> (дата обращения: 4.10.2013).

17. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2041&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 27.10.2013).

18. [Электронный ресурс] <http://www.regnum.ru/news/1702984.html> (дата обращения: 27.10.2013)

19. [Электронный ресурс]. URL: <http://ksonline.ru/news/-/id/13759/> (дата обращения: 27.10.2013).

Статья поступила в редакцию 14.11.2013 г.

УДК 070(054) + 811.161.1'42

Ю. А. Ястремская

БИНАРНОСТЬ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920) НА ПРИМЕРЕ ПРЕССЫ ГОРОДА ШАДРИНСКА

Рассматривается концепт «война», сформированный в период Гражданской войны в прессе г. Шадринска (социалистической и большевистской). Анализируются следующие признаки: «действие», «результат» и «адресность». Основное внимание уделено компонентам «фронт», «Родина», «рабоче-крестьянская правда», «армия», «враг».

Ключевые слова: концепт «война»; большевистская пресса; социалистическая пресса.

Заимствованный еще в начале XX в. из математической логики термин «концепт» впервые был использован С. А. Аскольдовым как понятие с главенствующей функцией заместительства [3]. К настоящему времени этому понятию посвящено много работ. В современной лингвистике выделяется множество подходов к изучению концептов, которые можно свести к двум основным — лингвокогнитивному и лингвокультурологическому [13, 362].

Основоположниками лингвокультурологического подхода в изучении концепта считаются Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев. Характерной чертой лингвокультурологического подхода является рассмотрение концепта не только как ментального образования (что свойственно лингвокогнитивному подходу), но и как «понятия жизненной философии» [2, 3], «результата, “осадка” культурной жизни разных эпох» (то, посредством чего человек сам входит в культуру и может влиять на нее) [24].

Согласно мнению Ю. С. Степанова, который трактует структуру концепта с точки зрения культурного развития, концепт состоит из трех различных уровней, «слоев»:

1) основного, актуального признака (концепт существует для всех пользователей языка данной культуры, выраженный вербально, он является сред-

ЯСТРЕМСКАЯ Юлия Александровна — аспирант кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, ассистент кафедры литературы и журналистики Шадринского государственного педагогического института (e-mail: ja22-4@bk.ru).

ством коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности);

2) дополнительного (нескольких дополнительных), «пассивного» признака, являющегося уже неактуальным, историческим (концепт актуален не для всего этноса, а лишь для некоторых социальных групп, для конкретного микросоциума);

3) внутренней формы, обычно неосознаваемой, запечатленной во внешней словестной форме (этимологический признак, актуален для исследователей истории жизни слова) [24].

В своей статье мы обращаемся к периоду Гражданской войны в России (1918–1920). Исходя из того, что текст есть результат коммуникативного поведения, выступления на страницах газет можно трактовать как тот самый «осадок культуры», сформированный в 1917–1920 гг. по отношению к Гражданской войне как историко-культурологического феномену. В свете вышеизложенного рассмотрим концепт «война», бинарность которого заключается во внутреннем противостоянии семантической формы компонентов и признаков, что вызвано идеологическим противостоянием партии Советов и Сибирского временного правительства.

Концепт «война» выступает наиболее распространенным средством формирования общественно-политического дискурса в период Гражданской войны. В это время в провинциальной журналистике основной темой являлось противостояние большевистской власти Советов колчаковскому правительству, тем более в городах, которые находились вблизи линии фронта. Город Шадринск, как и многие города страны, в 1918–1920 гг. поочередно занимали Красная и Белая армии. Такая смена власти напрямую отражена в местной периодике. В это время в городе выходили: социалистическая газета «Народная мысль» (1917–1918), первая большевистская газета «Крестьянин и рабочий» (1918), газета Сибирского временного правительства «Народная газета» (1918–1919), большевистские издания «Рабоче-крестьянская правда» (1919–1920), «Деревенский коммунист» (1920–1921). Газеты не просто заметно меняли свою политическую направленность — менялись редакции газет.

Концепт «война», формировавшийся под влиянием двух противоборствующих сил, явился воплощением самой идеи гражданской войны. Этот концепт, сформированный в прессе города Шадринска, обладает тремя основными признаками:

— «действие» — актуальный признак, выраженный словами «сражение», «борьба», «противостояние» и двойственным компонентом «фронт»;

— «результат» — представлен двумя компонентами: для социалистической прессы — словом «Родина», для большевистской прессы — «рабоче-крестьянская правда». В этом случае компоненты противопоставлены друг другу;

— «адресность» — состоит из двух компонентов: «армия» и «враг». Наличие и того и другого компонента свойственно и «белой», и «красной» прессе, но их семантическая форма различна внутри каждого компонента.

Актуальным признаком концепта «война» является признак «действие», который передается в первую очередь словами «сражение», «борьба», реже

«противостояние». Причем если под «сражением» и «борьбой» понимается действие физическое — столкновение двух армий в определенном хронотопе, то «противостояние» воспринимается в основном как явление идеологическое, включающее в себя целый ряд действий. В материалах газет местом сражения выступает фронт, который обладает рядом отличительных черт, формирующих бинарный компонент «фронт». Социалистическая пресса воспринимает фронт как явление стихийное, «бушующее море, рвущееся из берегов» [21], которое очень сложно подчинить. Однако суть борьбы видится в строительстве «плотины, чтобы бушующее море не могло нас залить и погубить все, что так дорого» [Там же]. Плотиной в этом случае должна выступить хорошо дисциплинированная армия, в то время как армия противника воспринимается как «бушующая вода», «толпа, которую можно взять голыми руками» [Там же]. Главная опасность заключается в «слабости, разрозненности». Большевицкая пресса воспринимает фронт как «сына трудового народа» [22] и делает акцент на том, что на фронте сражаются выходцы из народа, и в первую очередь из провинций. Кроме того, большевицкая пресса сопровождает само понятие «фронт» сильным эпитетом — красный (кровавый) цвет. «Два года льется кровь наших сынов», «...чем краснее тыл, тем отзывчивее он [народ] на нужды фронта» [Там же]. Примечательно, что красный цвет воспринимается как символ большевизма, символ правильности, положительный символ. Но внутри компонента «фронт» красный становится символом «кровавого» цвета и приобретает негативный смысл. Однако такую трактовку дает только большевицкая пресса.

Признак **«результат»** реализуется путем идеологического формирования главных целей ведения военных действий. Задаваясь вопросом «За что воюем?», социалистическая пресса дает однозначный ответ: ради «желанного для России мира» [1], «для освобождения наших родных полей от большевиков и их союзников-германцев...» [20]. Главная цель — защита Родины, «дорогой Родины» [1]. Основными невербальными средствами выражения компонента «Родина» выступают поля, хлеба, родные (которыми являются все жители страны, а солдаты называют друг друга братьями). Война «губит Родину», очень часто социалистическая пресса призывает прекратить «братоубийственную бойню» [16]. Кроме того, по мнению социалистической печати, «Родину» губят «тьма, самолюбие и самогонка» [23] — то, что приписывается большевизму. Компонент «Родина» употребляется только социалистической прессой.

Большевицкие газеты результатом войны видят достижение «рабоче-крестьянской правды»: «правда честного святого труда, правда, которая рассеивает тьму и светит как яркое солнце, правда, вскрывающая их плутни, объясняющая трудовому народу все мошенничества и обман угнетателей» [4]. Можно сделать вывод, что важно не только установить «рабоче-крестьянскую правду», но и истребить «вражескую правду», содержание которой более чем объемно. Это и «кулацкая правда», и «правда буржуа, который не хотел расставаться со своими капиталами и легкой наживой», и «правда помещика, не хотевшего расставаться со своей легкой жизнью и с поместьями», и «правда

фабриканта, не желавшего расставаться с дешевым трудом рабочего», и «правда капиталиста и кулака, спекулянта, наживающегося на труде крестьянина» [Там же]. Примечательно, что отрицательным и не соответствующим «рабоче-крестьянской правде» является понятие «легко»: все, что дается не тяжелым трудом, не может относиться к «рабоче-крестьянской правде».

Наиболее полно представлен признак **«адресность»**, который выражен компонентами «армия» и «враг». Эти компоненты обладают наибольшей визуальной проработанностью, четко формируют у аудитории представления об основных участниках военных событий.

Представления аудитории об армии раскрывает компонент «армия», связанный с темой борьбы за идеологические догмы. Социалистическая пресса разграничивает армию на две части — армия на фронте и армия в тылу. Если «фронтная» армия — явление положительное («воин, принявший на себя святую обязанность защиты Родины и славянства», «не зараженные ядом большевизма» [16]), армия в тылу — явление сугубо отрицательное, ее солдаты эмоционально приближены к «вредителям» («сборище вооруженных людей, не занимающихся своим непосредственным делом, ничем не занятых и ничего не знающих» [6]).

Более четко сформированы представления об армии большевистской прессы. Главным признаком Красной армии является ее связь с простым народом, все красноармейцы — выходцы из пролетариата и трудового народа: «классовая армия пролетариата представляет из себя грозную силу» [25], имеющую общие цели с офицерским составом. Признак стихийности, трактуемый социалистической прессой в компоненте «фронт» как отрицательный, в большевистских газетах приобретает по отношению к Красной армии иную окраску — формируются положительные представления о силе грозной, стихийной, беспощадной: «всякая рука, протянутая к Красному знамени, узнает силу красного штыка вооруженного пролетариата», «созданным на страх его врагам» [Там же], «зорко следить за соглашателями, крепко держать винтовку в руках. При первой авантюре этих изменников, раздавить голову этой гнусной, ядовитой гадюке своим красноармейским сапогом» [8], «трудовик пробудился и двинулся своей грудью и всей мощью на своих паразитов буржуа» [18].

Компонент «враг» отражает представления о вражеских силах. Социалистическая печать видит своего врага лишь в образе «большевика» как главного идеологического противника. Здесь значимо упоминание красного цвета, трансформируемого в черный. «Большевизм» — имя собирательное. «Под его знаменами сбежались все, кто озлоблен, кто ненавидит, кто верит в чудо, кто творит погромы, кто не хочет работать, кто идет с закрытыми глазами, как слепой и кто ловит рыбу в темной воде...» [7]. Газеты пытаются убедить, что большевизм — это сила, желающая наживы любым путем: «кто хочет немедленно всю землю — к нам!» [Там же]. Встречаются религиозные мотивы — «черный Христос» [Там же].

Большевистская пресса более изобретательна, она не сосредоточена на чем-то конкретном, в перечень противников попадают целые классовые категории: «для них трудовой народ — это дойная коровушка» [19]. Отличительными

признаками формирования большевистской прессой компонента «враг» является использование гиперболизации, эмоционально-экспрессивной лексики и сравнений: «мелкий паразит, с помощью которого высасывается кровь народа крупными паразитами» [19], «белые царские разбойники, как помещики и жандармы, как палачи и грабители» [10], «гнилое и вредное деспотическое существо» [11]. Именно этот компонент больше всего характеризуется высказываниями в виде лозунгов, призывающих к определенным действиям (чаще всего — «долой»): «Долой буржуев, кулаков и саботажников — лакеев капитала!» [14].

Большевистская пресса уделяет внимание женщине, а именно роли пролетарки в строительстве нового государственного строя: «Советская власть! Власть из работниц и крестьянок вместе с братьями пролетариями» [27]. Активной, борющейся пролетарке противопоставлены апатичные (но в то же время лживые и подлые) «купчихи и их дочки», не желающие, не умеющие и не привыкшие работать, для которых советская власть «не очень-то сладка»: «их берет злость, что к власти стала та темная и угнетенная женщина, которая их (барышень-белоручек) заставляет работать» [Там же]. Получается, что главным оружием всех врагов советской власти является ложь и обман, главным средством борьбы с врагами — труд, честный и самоотверженный.

Большевистская пресса использует в большом количестве эмоционально окрашенные единицы языка, наполненные, в первую очередь, негативным значением. Газеты ориентированы на низшие, слабообразованные слои общества, поэтому предлагают аудитории готовые, уже достаточно известные образы, практически не формируя новые. Между тем издания Сибирского временного правительства максимально ориентированы на разумную аргументацию своих доводов.

Таким образом, можно говорить, что бинарность концепта «война» заключается не только в формировании различных для социалистических и большевистских изданий компонентов (такие, как «Родина» и «рабоче-крестьянская правда» для признака «результат»), но и создании внутренней, смысловой двойственности компонентов. И это свойственно как изданиям Советов, так и прессе Сибирского временного правительства. Основные признаки и компоненты концепта «война» показывают, насколько разными были враждующие силы.

-
1. А. С. Большевики и война // Народная мысль. 1918. № 6. С. 3.
 2. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С. 3–6.
 3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология. М., 1997. С. 267–287.
 4. Баян. Советская или кулацкая правда? // Рабоче-крестьянская правда. 1919. № 2. С. 3–4.
 5. Бритвин. Нищие духом // Крестьянин и рабочий. 1918. № 58. С. 2.
 6. В. Н. Жгучие вопросы // Народная мысль. 1917. № 16. С. 1–2.
 7. В. Н. Разнузданная стихия // Там же. № 23. С. 1–2.

8. Горшков. Резолюция красноармейцев // Трудовая правда. 1922. № 24. С. 2.
9. Евстигнеев В. Идите в вуз // Там же. 1920. № 6. С. 1.
10. Ефимов А. Как белогвардейцы дурачат крестьян // Деревенский коммунист. 1920. № 5. С. 2.
11. Игнатьев П. Письма в редакцию // Крестьянин и рабочий. 1918. № 38. С. 4.
12. Калашников Ф. Большевицские газеты и их влияние на солдат // Народная мысль. 1917. № 19. С. 3–4.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
14. Ковригин В. Шадринский Совет рабочих и крестьянских депутатов // Крестьянин и рабочий. 1918. № 4. С. 1.
15. Козлов. Голод в армии // Народная мысль. 1917. № 47. С. 2.
16. Конев Н. Письмо в редакцию // Народная газета. 1918. № 15. С. 6.
17. Пичугов Г. Неужели уже забыли // Трудовая правда. 1920. № 8. С. 2.
18. Попов З. Письма в редакцию // Крестьянин и рабочий. 1918. № 18. С. 4.
19. Попов И. Трудовой народ и интеллигенция // Там же. № 8. С. 1.
20. Попов П. Письма в редакцию // Народная газета. 1918. № 18. С. 6.
21. Прапорщик Ч. Из письма с фронта // Народная мысль. 1917. № 8. С. 2–3.
22. Самсонов Г. Внимай красный тыл // Рабоче-крестьянская правда. 1920. № 4. С. 2.
23. Спицын П. И. Открытое письмо к бывшим военнопленным // Народная газета. 1919. № 42. С. 4.
24. Степанов Ю. С. Концепт [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> (дата обращения: 24.09.2013).
25. Фадеев. ЧОН // Трудовая правда. 1920. № 11. С. 1.
26. Фролов В. Пьяный угар и интеллигенция // Народная газета. 1919. № 3. С. 2.
27. Яковлева А. Пролетарка, пора проснуться! // Рабоче-крестьянская правда. 1919. № 1. С. 4.

Статья поступила в редакцию 05.12.2013 г.

ЖУРНАЛИСТИКА ПО-КИТАЙСКИ

Делегация департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета, состоявшая из двух преподавателей — доцентов кафедры периодической печати Елизаветы Голоусовой и Валерия Амирова, магистрантки-«международницы» Анны Маринович и студентки отделения «Международная журналистика» Ольги Гизатуллиной в течение десяти дней изучала практику организации журналистского образования в Пекинском университете массовых коммуникаций (CUC). CUC — самый большой вуз КНР такого профиля и обучает в своих стенах одновременно 22 тыс. китайских и иностранных студентов.

Визит стал возможным в рамках Соглашения, которое подписано между нашими вузами и предполагает возможность ежегодного обмена преподавательскими и студенческими группами.

Программа стажировки оказалась очень насыщенной. Преподаватели прочитали лекции англоязычным группам университета, приняли участие в дискуссиях о тенденциях развития средств массовой информации России и КНР, студенты организовали для своих сверстников специальное занятие, которое вызвало большой интерес. Разумеется, преподаватели посетили и лекции сво-

их коллег — китайских профессоров, познакомились с методикой преподавания и организацией учебного материала.

Нужно сразу отметить, что эта методика принципиально отличается от принятой на российских факультетах журналистики. Так, например, уральская школа журналистики подразумевает непрерывное контактное общение преподавателя и студента, где наставник, как правило, имеющий значительный практический стаж работы в средствах массовой информации, не только учит, но и передает свой опыт, подсказывая детали, которые вряд ли можно почерпнуть в учебниках, тогда как между китайским профессором и его учеником существует дистанция, и большинство навыков приобретается студентом в ходе самостоятельной работы. Кроме того, обучение в Пекинском университете массовых коммуникаций не предусматривает совершенно обязательной в российском вузе практики, когда студент после сдачи летней сессии на 4–6 недель направляется в реальное средство массовой информации. В ходе такой практики студенты не только учатся, но и обязаны публиковать свои работы, причем с каждым годом задача усложняется — начинают студенты с информационных материалов и заканчивают художественно-публицистическими. Ничего подобного, в том числе и преддипломной практики, в Пекинском университете массовых коммуникаций нет. Имеется и еще одно качественное отличие. Все средства массовой информации в КНР являются госу-

дарственными, что предопределяет методику подготовки молодых специалистов — от обучения приемам получения информации в весьма закрытом китайском обществе до освоения методов ее анализа и интерпретации, а также языковых тактик. Даже в государственной телекомпании Китая (ССТV), где профессиональный уровень сотрудников весьма высок, окончательное решение о выходе того или иного материала, а также о трактовке той или иной темы принимают эксперты «лаоши». И это решение принципиально зависит от информационной политики, проводимой государством. Новостные передачи на китайском телевидении ведет не журналист в нашем понимании этого слова, а диктор, который озвучивает подготовленную, выверенную информацию. В основе новостей и аналитических передач — материалы, получаемые из пресструктур правительства, и информационные сообщения официального рупора Китайской Народной Республики (КНР) — информационного агентства Синьхуа. Поскольку иная информация китайскому читателю, зрителю или слушателю практически недоступна (в стране запрещены популярные в России YouTube, Facebook и крайне трудно воспользоваться Google), то, по сути, речь может идти о подготовке высококвалифицированных журналистов-пропагандистов, нежели журналистов в современном российском понимании этой профессии.

Вместе с тем подготовка преподавательского состава осуществляется в Пекинском университете массовых коммуникаций вполне по-западному. Среди профессорско-преподавательского состава есть специалисты, защищавшие диссертации в различных странах мира, в том числе в России, Германии, Франции. Руководство университета выражало в беседах намерение продолжить

эту традицию и в дальнейшем направлять в Россию, и в том числе в Уральский федеральный университет, аспирантов и докторантов для подготовки и защиты диссертаций. Не раз звучало пожелание отправлять по обмену и студентов-старшекурсников.

Стажировка уральцев при Пекинском университете массовых коммуникаций предусматривала и посещение нескольких средств массовой информации для формирования понимания механизмов работы СМИ КНР.

Преподаватели и студенты побывали на Пекинской городской радиостанции — самой крупной в Китайской Народной Республике, встретились с менеджерами и редакторами государственной телекомпании Китая (русская редакция), были приняты в редакции русскоязычной версии сайта крупнейшей газеты нашего великого соседа «Жэньминь жибао».

Самое большое впечатление произвела учебная база, предназначенная для обучения китайских студентов и магистрантов. Для гостей принимающая сторона организовала специальную экскурсию в центр учебного телевидения (CUCTV), где продемонстрировала значительные возможности студий и редакций. Не менее впечатляющим оказалось и посещение расположенного в студенческом кампусе Медиа-музея, где представлена история развития печатных СМИ, радио и телевидения Китая, и библиотеки. Университетская библиотека имеет в фондах более миллиона материалов, там находятся 500 тыс. носителей с видео- и аудиозаписями, 3 тыс. видов журналов, 8 тыс. наименований электронных газет и журналов. Университет спонсирует такие журналы, как «Современная коммуникация» (Modern Communication), «Журнал Китайского университета коммуникаций» (Journal of Communication University)

of China), издания по науке и технике (Science and Technology Edition), «Медиа» (Media), «Маркет» (Market), «Современный фильм» (Contemporary Film), «Искусство телевидения» (Art of Television). Здесь выпускаются «Yearbook of China's Radio and Television», «IAI China's Advertising Works Yearbook», «IMI Consumer Behavior & Life Styles Yearbook».

Приятное удивление вызвало хорошее знание большинством китайских студентов английского языка, служившего рабочим языком стажировки, но поразило почти полное отсутствие в общении русского, когда-то бывшего самым популярным иностранным языком в КНР.

Отметим еще один интересный опыт, который можно использовать в организации обучения иностранных студентов. Пекинский университет массовых коммуникаций эту задачу решает весьма успешно. Нам была представлена довольно многочисленная англоязычная группа иностранных студентов в основном из стран Африки и Азии. Для них преподавание ведется на английском языке, но обязательным является постепенное освоение китайского. А всего в СУС ежегодно приезжают поступать более 1000 иностранцев.

Знания, приобретенные в ходе поездки, несомненно, помогут в организации занятий на журфаке.

В. Амиров, Е. Голоусова

На снимках: фрагменты стажировки

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ»

В нашем журнале по инициативе кафедры педагогики и социологии воспитания департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета появилась новая традиция: публикация материалов круглого стола. Первый круглый стол был посвящен обсуждению проблем воспитания в высшей школе (см.: Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. 2011. № 3 (92)).

Тема этого круглого стола — «**Проблемы реализации современной образовательной парадигмы**». Ведущая круглого стола — **Маргарита Николаевна Дудина**, доктор педагогических наук, профессор; участники: заведующий кафедрой педагогики и социологии воспитания **Лариса Леонидовна Рыбцова**, доктор социологических наук, профессор; **Татьяна Ивановна Гречухина**, кандидат педагогических наук, доцент; **Алена Вячеславовна Усачева**, кандидат исторических наук, доцент; **Татьяна Вячеславовна Вершинина**, кандидат филологических наук, доцент; **Виктория Владимировна Полякова**, кандидат социологических наук, доцент; **Наталья Борисовна Хазова**, кандидат социологических наук, доцент; **Ирина Юрьевна Вороткова**, ассистент; **Светлана Михайловна Горбушова**, аспирант; **Даниил Владимирович Сурков**, магистрант второго года обучения.

М. Н. Дудина: Образование является важнейшим общественным благом глобального масштаба. Оно вносит вклад в развитие человеческого фактора, является эффективным средством повышения качества жизни, преодоления бедности и нетолерантности, достижения устойчивого развития личности и общества на основе увеличивающейся ответственности человека за жизнь. Но при условии, что его субъекты — менеджеры, преподаватели и студенты — компетентны в соответствии с критериями современности.

Реализация новой образовательной парадигмы позволяет каждому преподавателю — начинающему или имеющему немалый опыт работы в высшей школе — становиться профессионально компетентным. Освоение новой образовательной парадигмы предполагает реализацию различных подходов в обучении и воспитании: аксиологического, компетентного, личностно-

ориентированного, синергетического, технологического и др. Предлагаю в нашей беседе не стремиться объять необъятное, а подробнее рассмотреть несколько подходов. Если не возражаете, начнем с компетентностного, наиболее исследуемого в педагогической науке и используемого в практике вузовского образования.

Он реализуется в соответствии с Концепцией–2020 по развитию российского образования и Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) третьего поколения. С ним связывается задача повышения качества «образовательных услуг, обеспечивающих расширение осваиваемых обучающимися компетентностей». В высшем образовании это предполагает приобретение студентом базовых теоретических и практико-ориентированных знаний, способствующих развитию социально и профессионально важных качеств личности. Их реализация будет содействовать успешности в жизни и конкурентоспособности в профессии.

Т. И. Гречухина: При обсуждении этого вопроса целесообразно остановиться на определении ключевых понятий компетентностного подхода, их соотношении.

М. Н. Дудина: Происхождение этих ключевых понятий связано с одним многозначным английским словом — «compentence». На основе анализа возможен вывод: понятия «компетентность» и «компетенция» имеют общее содержание (совокупность знаний, умений и способностей), но отличаются функциональным характером коммуникации. Понятие «компетенция» предполагает исполнение конкретной деятельности, а понятие «компетентность» характеризует личностный ресурс, позволяющий эффективно взаимодействовать с социумом в той или иной области, требующей набор определенных компетенций. Можно быть компетентным, но бездействующим, и наоборот, обладать компетенцией, не будучи компетентным.

Л. Л. Рыбцова: Но некоторые специалисты негативно относятся к компетентностному подходу в образовании. С чем это связано?

М. Н. Дудина: Прежде всего, с тотальной рациональностью — стремлением зафиксировать все содержание образования в перечне компетенций, что неизбежно ведет к реализации адаптивной модели на основе ограничения свободы и творчества на всех ступенях. Это сдерживает процесс самоорганизации, саморазвития системы. Сторонники же компетентностного подхода связывают успех его реализации с творческим осмыслением состава компетенций, их неизбежным расширением и углублением, достижением голографической достаточности. Ключевые компетенции многофункциональны, многомерны, метапредметны, именно поэтому, полагаем мы, в различных источниках называются разные компетенции — политические, социальные, коммуникационные, информационные и т. д. Среди наиболее обобщенных компетенций Дж. Равен, В. И. Байденко, И. А. Зимняя, Э. Ф. Зеер, Г. К. Селевко, А. В. Хуторской выделяют: когнитивную (теоретические и практические знания); функциональную (умения и способы деятельности); личностную (поведенческие умения в конкретной ситуации); этическую (наличие личностных, социальных и профессиональных ценностей); коммуникативную (способность вербальными и

невербальными средствами осуществлять деятельность в соответствии с целями, задачами и ситуацией общения).

А. В. Усачева: Значит, результат образования, измеряемый составом компетенций и степенью овладения каждой из них, зависит от мотивации студента, его потребности и достигнутого умения учиться?

М. Н. Дудина: Да, и тогда речь идет о деятельностном подходе. Его суть состоит в обучении деятельности. Поскольку каждое отдельное действие (практическое, материальное, умственное) является актом деятельности, постольку преподаватель призван помогать, поддерживать, сопровождать процесс формирования у студента умения контролировать и оценивать. Наибольший результат, согласно П. Я. Гальперину, достигается с помощью ориентировочной основы в учебной, а затем и внеучебной деятельности. Что касается умений, то ими также обучаемый овладевает на основе реализации своей способности освоения «технологической», операциональной стороны деятельности. Конкретнее, это смысловые (смыслообразования), познавательные, регулятивные (контроля, соотнесения способов действия и результатов) действия, планирование, целеполагание и преобразование. При этом каждое из них характеризуется осознанностью, обобщенностью, критичностью, освоенностью.

И. Ю. Вороткова: И каждое из названных свойств может формироваться стихийно, приобретаться методом «проб и ошибок»?

М. Н. Дудина: Да, но эффективнее, если преподаватель это делает целенаправленно, используя технологический подход.

Т. И. Гречухина: Действительно, о технологическом подходе и о его функциях сегодня много говорят и пишут. Хотелось бы их уточнить.

Л. Л. Рыбцова: Технологический подход ориентирован на проектирование и применение технологий обучения для решения образовательных задач. Его основными функциями в образовательном процессе являются гностическая (познание отличительных свойств и признаков образовательных технологий); концептуальная (раскрытие сущности и определение специфики образовательных технологий); конструктивная (конструирование и создание новых технологий для образовательной практики); прогностическая (различные стратегии, направления, способы и методы применения технологий в образовательной практике). Таким образом, технологический подход в образовании связан с понятием «технология».

А. В. Усачева: Вы упомянули понятие «технология». Оно активно обсуждается специалистами и исследователями, даются различные определения этого понятия. А какова ваша позиция по этому вопросу?

Л. Л. Рыбцова: Мне близка позиция Н. В. Бордовской, которая определяет технологию обучения как законосообразную педагогическую деятельность, реализующую научно обоснованный проект дидактического процесса и обладающую более высокой степенью эффективности, надежности и гарантированности результата, чем это имеет место при традиционных моделях обучения. Такое толкование технологии обучения наиболее полно отражает его специфику, на мой взгляд.

Т. И. Гречухина: Я согласна, что это определение наиболее полно отражает суть технологии обучения, но каково же ее содержание?

Л. Л. Рыбцова: Содержание технологии обучения многогранно. Оно проявляется, во-первых, в создании конкретного проекта учебного процесса с его последующим внедрением в педагогическую практику; во-вторых, в специально организованном контроле качества обучения; в-третьих, в выборе и использовании оптимальных методов, форм и средств, требуемых данной технологией; в-четвертых, в присутствии постоянной обратной связи для оперативной коррекции процесса обучения.

При рассмотрении технологии обучения необходимо дать характеристику ее структурным элементам. К ним относятся дидактические цели и задачи; содержание обучения; средства педагогического взаимодействия (методы обучения), организация образовательного процесса (формы обучения); средства обучения студентов и преподавателей, а также результат их совместной деятельности.

Есть еще один аспект рассмотрения технологии обучения — ее дуализм. Дело в том, что технология обучения может выступать и как процесс, и как результат. Обращаясь к этой проблеме, исследователи отмечают, что технология обучения как процесс проявляется в последовательности педагогических процедур, операций и приемов, составляющих в совокупности целостную дидактическую систему. Ее реализация в педагогической практике приводит к достижению гарантированных целей обучения и способствует целостному развитию личности обучающегося.

При этом процедуры, операции и приемы, из которых она складывается, нельзя интерпретировать как звенья алгоритма, детально описывающего путь достижения того или иного педагогического результата. Это опорные дидактические средства, обеспечивающие в совокупности движение субъекта обучения к заданным целям.

Что же касается технологии обучения как результата, то здесь речь идет о научном проекте дидактического процесса, воспроизведение которого гарантирует успех педагогических действий.

И. Ю. Вороткова: В контексте нашей преподавательской деятельности в вузе хотелось бы уточнить основные функции и признаки технологии обучения, применяемой в высшей школе.

Л. Л. Рыбцова: Технология обучения в вузе реализует три основные функции: описательную, объяснительную и проектировочную.

Описательная функция раскрывает важные аспекты практической реализации образовательного процесса, поэтому различные специалисты должны давать одинаковое описание этого процесса. Объяснительная функция позволяет выяснить эффективность различных компонентов обучения (например, эффективность различных методов) и определить их комбинации. Проектировочная функция осуществляется при описании учебного процесса на всех уровнях, включая уровень педагогической реализации.

Что касается признаков технологии обучения, то наиболее существенными, на мой взгляд, являются: диагностическое целеобразование; результативность;

алгоритмичность; проектируемость; управляемость; корректируемость; визуализация. Диагностическое целеобразование и результативность предполагают гарантированное достижение целей и эффективность учебного процесса; алгоритмичность, проектируемость, управляемость нацелены на воспроизводимость технологии в педагогической практике; корректируемость дает возможность осуществления постоянной оперативной обратной связи; визуализация связана с применением в рамках технологии обучения аудиовизуальной, информационной техники, а также конструирования и использования различных дидактических материалов и оригинальных наглядных пособий.

Т. С. Вершинина: Мне представляется уместным при обсуждении технологий обучения остановиться на применении в образовательном процессе в высшей школе технологий профессиональной коммуникации на родном и иностранных языках. Сложившаяся ситуация диктует необходимость использования новых технологий и методов обучения родному и иностранным языкам в профессиональной подготовке будущего специалиста. Особое место в технологии профессиональной коммуникации занимает метод контрастивной лингвистики. Он используется в таких ситуациях, когда надо найти аналогии, облегчающие усвоение, или, наоборот, выявить различия, чтобы избежать уподобления или интерференции.

В. В. Полякова: А какие именно компетенции формирует метод контрастивной лингвистики?

Т. С. Вершинина: Применение контрастивного метода способствует формированию компенсаторной компетенции, с помощью которой обучающийся способен привлекать в условиях недостаточного знания нового языка имеющиеся у него знания, умения и навыки пользования родным языком. Важную компенсаторную функцию при восприятии иноязычного текста выполняют различные виды догадок (языковая, логическая, контекстуальная и межъязыковая), которым, к сожалению, в лингводидактике уделяется мало внимания, несмотря на их значимый потенциал. Базовой для формирования догадки выступает лингвистическая диффузия, состоящая из заимствований, интернациональных слов и выражений, их дериватов, интернациональных аффиксов. Как правило, они узнаваемы без специальной тренировки и способствуют расширению лексического словаря обучаемого. Использование в данных целях материала близкородственных языков расширяет список таких слов.

С. М. Горбушова: Это очень интересно. Не могли бы вы на конкретном примере продемонстрировать этот метод?

Т. С. Вершинина: Пожалуйста, например, метод ключей. Он ориентирован на работу со словами, повышает эффективность обучения, усиливает внимание обучающихся путем их активного включения в процесс познания. А также формирует навыки исследовательской деятельности на основе параллельного использования материала двух, а возможно и более, языков при высоком темпе работы. Известно, что знания, «добытые» в процессе эвристического «озарения», дольше сохраняются в памяти и эффективнее применяются для решения коммуникативных задач. Это действенный элемент межъязыковой догадки, дающий хороший учебный эффект в обучении иностранному и род-

ному языку. В целом контрастивный анализ ориентирует на объяснение причин ошибок, выявление степени трудности материала и мер, которые следует предпринять, чтобы избежать их в будущем.

В. В. Полякова: Как, по вашему мнению, соотносятся метод контрастивной лингвистики и профессиональная компетентность преподавателя вуза?

Т. С. Вершинина: Прикладная контрастивная лингвистика помогает преподавателю в раскрытии сущности объясняемого явления, поэтому выполнение исследовательских заданий в рамках учебного курса способствует раскрытию творческого потенциала обучаемых. Она выступает своего рода интеллектуальным тренингом для участников образовательного процесса. Преподаватель, владеющий представлением о контрастивной грамматике, готов к предвидению, объяснению, исправлению и устранению ошибки, вызванной интерференцией между родным и иностранным языками.

А. В. Усачева: В нашем разговоре подняты многие серьезные проблемы реализации современной образовательной парадигмы. Мы довольно подробно рассмотрели различные подходы, технологии современной образовательной парадигмы. И хотелось бы отметить, что в них широко используется технология проектного обучения, задуманная в свое время как альтернатива классно-урочной системе. Позвольте, я остановлюсь на этом подробнее.

Технология проектного обучения реализует главную идею — не давать обучаемым знания в готовом виде для их последующего воспроизведения, а учить их добывать и защищать с помощью индивидуальных и групповых проектов. Наибольшую ценность в данном случае представляет и результат, и процесс.

Проектное обучение позволяет создать условия, при которых учащиеся самостоятельно и охотно приобретают недостающие знания из разных источников; учатся пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных и практических задач; приобретают коммуникативные умения, работая в различных группах; развивают у себя исследовательские умения (выявление проблем, сбор информации, наблюдение, проведение эксперимента, анализ, построение гипотез, обобщение); наконец, развивают системное мышление.

И. Ю. Вороткова: Не могли бы вы пояснить, насколько проектная технология отвечает требованиям, предъявляемым современными стандартами образования для основной и высшей школы?

А. В. Усачева: Дело в том, что в процессе проектной деятельности создаются условия для формирования компетенций, определенных потребностями развития современного общества, и возможности проектного обучения расширяются при условии целенаправленного отбора вида предлагаемого проекта и его презентации в зависимости от ожидаемых результатов.

В. В. Полякова: Какие профессиональные компетенции наиболее актуальны для современного педагога?

А. В. Усачева: Это медиакомпетентность как профессиональная педагогическая компетенция, связанная с овладением знаниями, умениями и опытом, необходимым для того, чтобы ориентироваться в медиаобществе. Остановлюсь подробнее. Современное общество, характеризуемое развитием рынка информационных услуг, требует от пользователя определенной суммы знаний,

навыков, умений. Современный образовательный процесс, в котором уже давно немалую роль играют медиа (средства коммуникации), в числе прочего ориентирован на решение таких задач, как обучение пользователя осознавать свои информационные потребности, уметь их трансформировать в запросы на информационном языке, формировать навыки пользователя в системе коммуникаций рынка информационных услуг. Актуальность приобретает способность педагога грамотно оперировать медиаинформацией, осуществлять медиатизированное взаимодействие. Таким образом, список современных профессионально-педагогических компетенций пополняется еще одной — медиакомпетентностью. При этом в научных исследованиях на тему медиакомпетентности можно отметить широкий разброс в терминологии. В качестве синонимов используются такие понятия, как «медиакультура», «аудиовизуальная культура», «медиаграмотность», «компьютерная грамотность», «информационная компетентность», «информационная компетенция», «медиакомпетентность» и др.

Понятие «медиакомпетентность» часто рассматривается односторонне — в медиатехнологическом аспекте, вырывается из педагогического контекста.

Медиакомпетентность описывает общее умение, которое принципиально связано со всеми видами медиа, поэтому она определяется основными умениями — как ориентироваться и действовать в медиамире. Под этим понимается, что медиакомпетентность не связана только с новыми информационными технологиями, а предполагает использование ранее известных. Работа с различными медиа организуется по-разному. Кроме того, медиакомпетентность зависит от возраста обучаемого.

Значит, можно определить профессиональную медиакомпетентность педагога как совокупность его мотивов, знаний, умений, способностей, реализуемых в процессе медиаобразовательной деятельности в аудитории различного возраста. На мой взгляд, А. В. Федоров составил заслуживающую внимания классификацию показателей медиакомпетентности личности:

1) мотивационный: разносторонние мотивы медиаобразовательной деятельности: эмоциональные, гносеологические, гедонистические, нравственные, эстетические и др.; стремление к совершенствованию своих знаний и умений в области медиаобразования;

2) информационный: систематическая информированность, обширные теоретико-педагогические знания в области медиаобразования;

3) методический: развитые методические умения в области медиаобразования (например, умение дать установку на медиавосприятие, объяснить причины, условия и характер возникновения явления; умение развивать восприятие учащихся, выявлять уровни их развития в области медиакультуры, выбирать оптимальные методы, средства и формы проведения занятий, исследовательские умения и т. д.) и ярко выраженный педагогический артистизм (общая педагогическая культура, внешний облик, самопрезентация, самоконтроль, наличие обратной связи с аудиторией и т. д.);

4) практико-операционный (деятельностный): систематическая медиаобразовательная деятельность в процессе учебных занятий разных типов, активная исследовательская медиапедагогическая деятельность;

5) креативный: ярко выраженный уровень творческого начала в медиаобразовательной деятельности (т. е. проявление гибкости, мобильности, ассоциативности, оригинальности, антистереотипности мышления; развитость воображения, фантазии и т. д.).

С. М. Горбушова: Тогда как можно охарактеризовать деятельность медиаграмотного педагога?

А. В. Усачева: Его действия носят фасилитирующий характер, он стремится:

- поощрять и развивать у учащихся желание задавать обоснованные проблемные вопросы, связанные с медиа;
- использовать в преподавании исследовательскую методику;
- организовать проведение дискуссий;
- поддерживать открытые обсуждения;
- поощрять учащихся размышлять над их собственными медийными опытами и действовать на основе найденного понимания.

В. В. Полякова: Обсуждение проблем освоения современной образовательной парадигмы, реализации в ней различных подходов заставляет обратиться к контексту происходящих институциональных изменений, которые, к сожалению, изначально не были в достаточной мере подготовлены. В связи с этим в рамках взаимодействия субъектов образовательного процесса возникают противоречия. Их необходимо разрешать посредством изменений внутри образовательной системы. Поэтому хочу обратить ваше внимание на тот факт, что профессиональная компетентность преподавателя высшей школы ориентируется на ФГОС третьего поколения. Согласно им, компетентностный подход предполагает принципиально иное понимание традиционной для российской системы образования категориальной цепочки «знания — умения — навыки» и, соответственно, иную оценку результатов образования, уровней успешности/неуспешности сформированных компетенций для того или иного специалиста. В стандарте выделяется два блока компетенций для каждого уровня подготовки (бакалавры и магистры) — общекультурные и профессиональные.

Н. Б. Хазова: Нет ли противоречия в реализации стандартов третьего поколения, поскольку можно по-разному трактовать одну и ту же компетенцию в зависимости от направления подготовки?

В. В. Полякова: Ваши опасения не напрасны. Например, компетенция бакалавра «умеет использовать нормативные правовые документы в своей деятельности» по одним направлениям подготовки является общекультурной, по другим — профессиональной, в третьих — отсутствует.

Эта неопределенность, в свою очередь, создает проблему при формировании той или иной группы компетенций у студентов вузов. На фоне названных сложностей не вызывает сомнения, что изменение требований к результатам и процессу подготовки студентов заставляет меняться и самих преподавателей. В частности, стимулирует педагогов на поиск и развитие «новых» профессиональных компетенций, которые будут способствовать более эффективному формированию результатов обучения. Таким образом, изменения, заложенные

в нормативных документах (ФГОС), естественным образом провоцируют изменения со стороны всех субъектов образовательного процесса.

Д. В. Сурков: Вы можете привести примеры изменений?

В. В. Полякова: Например, введение ЕГЭ формирует в системе высшего профессионального образования новый тип обучающегося: это студент, нацеленный на работу по подобию, по образцу (чему, например, способствует тестовая система оценки знаний). Это вызывает определенные сложности в усвоении нового материала, в частности, непонимание, невозможность освоить непривычную информацию или конструкцию снижает интерес к обучению в целом, что в сочетании с инфантильностью современной «мобильно продвинутой» молодежи порождает лень и нежелание учиться. Согласно данным исследования 2013 г. среди студентов УрФУ первого и четвертого курсов, только 5 % опрошенных сознательно выбирали вуз и специальность, все остальные при выборе направления дальнейшего образования либо «вообще ничего не знали» о будущей специальности и выбрали ее под влиянием «сложившихся обстоятельств» (35 %), либо имели общие представления о получаемой профессии. Чтобы стимулировать интерес у современного студента, особенно у той части студенчества, которая недостаточно мотивирована на получение конкретного вида знания, необходимо использовать новые формы предъявления и освоения материала, а также новые формы оценки результативности образования. Хочу отметить, что в целом современные студенты скорее не мотивированы на образование, нежели мотивированы. В связи с этим крайне актуальна профессиональная компетентность педагога в сфере поиска новых форм взаимодействия со студентами.

Результаты сравнительного исследования в течение последних пяти лет представлений студентов старших курсов УрФУ о предпочитаемых формах отчетности показывают все большую ориентацию обучающихся на неклассические формы демонстрации результатов освоения той или иной дисциплины. Форма традиционного экзамена, предполагающая воспроизведение информации, услышанной на лекциях или полученной во время самоподготовки, является малопривлекательной и не стимулирует интерес студентов к процессу обучения. Оценка результатов образования в рамках, например, проектной деятельности студентов, как индивидуальной, так и групповой, с одной стороны, стимулирует творческие способности студента и мотивирует его к более глубокому и широкому освоению материала с анализом вариантов практического применения полученного знания. С другой стороны, проектная форма оценки результатов требует от педагога высшей школы более детального подхода к оценке представленного материала.

Д. В. Сурков. Какие, на ваш взгляд, эффективные формы оценки результатов образования можно использовать при подготовке социологов?

В. В. Полякова: Например, в рамках курса «Социология семьи» в качестве формы отчетного мероприятия уместно использовать разработку программы социальной помощи разным типам семьи. В ходе выполнения подобного задания студенты должны охарактеризовать специфику того или иного типа семьи, показать степень представленности указанного типа семьи в современ-

ном обществе, т. е. дать статистическую оценку распространенности явления на основе анализа теоретического и эмпирического материала. Кроме того, они самостоятельно должны разработать меры поддержки/помощи для конкретных типов семей и оценить степень их реализуемости в текущих условиях, т. е. проявить практико-ориентированные компетенции в конкретной сфере знания.

Таким образом, необходимость развития профессионального потенциала педагога высшей школы — это не только нормативное требование, заданное Федеральными государственными стандартами третьего поколения, но и необходимость, обусловленная всей системой социального взаимодействия в сфере высшего профессионального образования.

Н. Б. Хазова: Раз уж мы коснулись проблемы социализации семьи, то позвольте остановиться на этом подробнее. Полагаю, что было бы ошибкой в реализации лично-ориентированного подхода противопоставлять семью и общество. Семья остается значимой ценностью. Но современный человек, ребенок или взрослый, испытывает на себе негативные последствия постиндустриального общества: возрастающую неопределенность, противоречивость и множественность информации, социальную незащищенность. В семье же можно приобрести уверенность, гармонию и спокойствие. Но родители продолжают воспроизводить педагогический опыт предшествующих поколений, воспитывая детей в большинстве случаев спонтанно. Соответственно, процесс воспитания носит зачастую неуправляемый и неконтролируемый характер. Проблема заключается в непонимании родителями того, что именно надо воспитывать в условиях неопределенности будущего, они «готовят детей к жизни», к которой сами не подготовлены.

В. В. Полякова: И что вы предлагаете?

Н. Б. Хазова: Использовать современные технологии. Необходим мониторинг развития ребенка, который удовлетворит потребность в получении информации об особенностях его воспитания. Просвещение родителей способно восстановить соответствие между содержанием, качеством воспитания и потребностями личности, общества и государства. Тогда встает вопрос о подготовке педагога, способного содействовать формированию педагогической культуры родителей, которые будут ответственно и эффективно выполнять свои функции по воспитанию детей.

Т. И. Гречухина: Как, по вашему мнению, можно повысить педагогическую культуру родителей?

Н. Б. Хазова: Решение данной проблемы видится в сотрудничестве педагога и семьи. Такое партнерство, где деятельность одной стороны вызывает ответную активность другой, может быть реализовано путем создания единой воспитательной среды и как результат — единого представления о процессе воспитания, взаимной ответственности педагогов и родителей.

Преодоление отчуждения семьи и образовательного учреждения, низкой информированности педагогов о жизни ребенка в семье и родителей о его самочувствии в образовательном учреждении — задача, которую поможет решить проект формирования единой воспитательной среды. Только педагог,

занимающийся проектной и экспертно-аналитической деятельностью, сможет координировать такую форму организации сотрудничества семьи и образовательного учреждения.

М. Н. Дудина: Настораживает понятие «проект единой воспитательной среды».

Н. Б. Хазова: Проект единой воспитательной среды предполагает систематичность планируемой деятельности и поэтапность ее осуществления. В рамках этого проекта можно осуществлять профилактическую работу, основанную на прогнозировании, ситуационную и корректирующую работу с семьей.

На этапе сбора и анализа информации проходит знакомство с родителями, установление партнерских отношений и профессиональных коммуникаций, выявление проблем и противоречий в рамках конкретного образовательного учреждения. Затем анализируется предметно-пространственное, поведенческое, событийное, информационное и культурное окружение. Следующий шаг — постановка общей цели и задач проекта в соответствии с изученными потребностями. После этого определяются возможные результаты, социально-культурные последствия и риски. При этом планирование самой деятельности, управление ресурсами по ее осуществлению и реализация — самая «энергоемкая» часть проекта. Сюда можно включить анализ педагогических ситуаций, интерактивные формы взаимодействия с родителями: проведение семинаров, тренингов, лекций, круглых столов, решение проблемных педагогических задач, управляемое игровое взаимодействие родителей и детей, анализ различных семейных ситуаций и экспертную оценку их педагогами, приглашение на консультацию по теме семинара семей, нуждающихся в решении проблемы, подбор рекомендаций.

Итоги проекта подводятся через определенный временной интервал — обычно учебный год. Кроме этого проводятся текущая оценка и анализ реализации проекта в течение этого года, что позволяет определить эффективность используемой системы мероприятий.

Такое представление воспитательного процесса, знания о закономерностях и стимулах развития ребенка в современных социальных условиях будут способствовать оптимизации семейного воспитания. Педагоги, со своей стороны, приобретут опыт управления проектами, саморазвития на основе познания педагогической теории и практики. Дети, находясь в единой воспитательной среде, получают больше возможностей для раскрытия своего потенциала.

Л. Л. Рыбцова: О раскрытии потенциала наших студентов, развитии их мотивации на получение новых знаний мы недавно говорили с Даниилом Сурковым, который завершил прохождение научно-педагогической практики. Поделитесь с нами вашими впечатлениями о новой для вас социальной роли — роли преподавателя.

Д. В. Сурков: Эти полгода в роли преподавателя мне запомнятся на всю жизнь. Пришлось самому читать лекции и проводить семинары, трудностей возникало немало. Главное, на мой взгляд, чтобы студент захотел учиться, погрузиться в предмет. В этом, полагаю, заключается сложность работы преподавателя. Не помню, кто сказал фразу: «Бороться надо не за всех, а за каж-

дого». Я перефразирую: «Преподаватель должен учить не всех, а каждого». Опираясь на этот тезис, пытался использовать в своей педагогической практике лично-ориентированный подход. Он эффективен, но требует больших временных затрат при работе в академической группе до 30 человек.

К тому же встает вопрос об источнике знаний о каждом студенте, его индивидуальных особенностях: возрастных, физиологических, психологических, интеллектуальных, образовательных потребностях и т. д. Таким источником чаще всего является наблюдение преподавателя и его общение со студентом. Но возникает вопрос, насколько достоверна получаемая таким образом информация? В решении этой проблемы может помочь такой источник, как социальные сети интернет-пространства, в частности ВКонтакте, где имеется индивидуальная учетная запись студента о своих интересах, ценностях и предпочтениях. Он выставляет фотографии, видеозаписи, аудиофайлы, размещает контактную информацию, дает отсылки на интернет-сообщества, которые ему интересны, и т. д. Данная информация может использоваться преподавателем для построения стратегии и тактики лично-ориентированного подхода. Технологичность состоит в этапности сбора информации: создание учетной записи и ее последующая корректировка (анализируются поля: основная информация, контакты, интересы, образование, карьера, жизненная позиция); ее наполнение (анализируются поля: друзья, видеозаписи, аудиозаписи, интересные страницы, фотоальбомы); ситуационная информация (анализируются поля: статус, «Что нового у вас?» (записи), «перепосты», размещение на своей странице информации других пользователей). Наконец, сбор информации, указанной другими пользователями (комментарии, «лайки», знаки обозначения одобрения публикуемой информации). Таким образом преподаватели значительно экономят временные ресурсы и получают информацию из «первых уст».

С. М. Горбушова: А как вы использовали эту технологию?

Д. В. Сурков: Приведу конкретный пример из моей практики. В ходе изучения темы «Институты социализации личности» я стремился мотивировать всех студентов. Однако с двумя из них не удалось наладить личный контакт, при разговоре об их интересах они постоянно отшучивались или уходили от темы. Тогда я обратился к сети Интернет, просмотрел их учетные записи и обнаружил, что до поступления в университет они обучались в Суворовском военном училище. Я предложил им подготовить совместный доклад: провести сравнительный анализ военного училища и вуза как институтов социализации. Доклад студентов, сопровождаемый большим количеством иллюстративного материала, вызвал внимание всей академической группы.

Считаю, что преподаватель может использовать современные информационные ресурсы, технологические новшества. Поэтому остаюсь сторонником лично-ориентированного подхода в высшей школе.

С. М. Горбушова: Я тоже являюсь сторонницей лично-ориентированного подхода и считаю, что он может успешно осуществляться не только в учебном процессе, но и в волонтерской деятельности через технологию педагогического взаимодействия. Волонтерская деятельность направлена на оказание помощи, поддержки людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, и

в ней студенты находят новый смысл жизни, приобретая новые знания и навыки, получая возможность чувствовать себя полезными, делиться приобретенными знаниями и опытом. Волонтерское движение способствует формированию таких базовых компетенций, как когнитивная, деятельностная, рефлексивная, а также компетентности в ценностно-смысловых ориентациях и в сфере гражданско-общественной деятельности. Каждая из названных компетенций реализуется в технологии педагогического взаимодействия. Овладеть данной технологией можно поэтапно на специальных занятиях, тренингах и, конечно, в процессе волонтерской работы.

Поскольку волонтерская деятельность — это совместная деятельность тех, кто помогает нуждающимся в помощи, постольку взаимодействие включает в себя влияние на других, и оно не идентично понятиям «педагогическое воздействие», «педагогическое влияние», «педагогическое отношение». Его основными параметрами являются взаимоотношение, взаимопритяжение, поддержка, доверие и др., главными — понимание, взаимопонимание, принятие. Поэтому студенту-волонтеру, тем более потенциальному волонтеру, нужна профессиональная помощь преподавателей. Она реализуется поэтапно. Сначала преподаватель выявляет мотивационную сферу — определяет ценностные ориентации студента. Затем знакомит с особенностями педагогического взаимодействия волонтеров (проектирование или проигрывание коммуникативных ситуаций). Это основной обучающий компонент, дающий новые знания и опыт. Описывая формы взаимодействия, преподаватели проводят первичную диагностику компетентности волонтеров в ходе их участия в добровольческой акции.

В волонтерском движении технология педагогического взаимодействия предполагает наличие двух сторон: функционально-ролевой и личностной. Функционально-ролевая сторона взаимодействия обусловлена объективными факторами: волонтер выполняет определенную роль, организуя и направляя деятельность тех, кому помогает, отслеживает результаты. В таком случае те, кому оказывается помощь, воспринимают волонтера менее всего как личность, а как того, кто помогает, возможно, к нему предъявляют особые требования (он волонтер, поэтому «должен»). Эта сторона педагогического взаимодействия направлена на преобразование когнитивной и эмоциональной сфер тех, кому помогают.

Личностная же сторона педагогического взаимодействия связана с действием по оказанию помощи — «я и другой». Данная сторона взаимодействия в наибольшей степени затрагивает ценностно-мотивационную сферу и волонтера, и тех, с кем он связан деятельностью. Оптимальным вариантом является педагогическое взаимодействие, в котором функционально-ролевое и личностное взаимодействие осуществляются в комплексе. Подобное сочетание обеспечивает позитивные результаты взаимодействия при необходимых условиях успешного осуществления данной технологии. Это ответственное поведение студентов, участвующих в волонтерской деятельности, кураторское наблюдение и помощь, а также информированность на протяжении всего периода обучения и приобретения практического опыта в целевых аудиториях. Студент,

прошедший обучение, становится более организован, у него появляется желание профессионально совершенствоваться.

И. Ю. Вороткова: Я тоже, как и мои коллеги, хочу обратить ваше внимание на использование личностно-ориентированного подхода, но с целью здоровьесбережения. Здоровьесберегающие образовательные технологии понимаются как система, создающая максимально возможные условия для сохранения, укрепления и развития духовного, эмоционального, интеллектуального, личностного и физического здоровья всех субъектов образовательного процесса.

Эта система включает следующие типы технологий: *здоровьесберегающие*, предполагающие проведение профилактических прививок, обеспечение двигательной активности, витаминизацию, организацию здорового питания; *оздоровительные*, основанием которых является физическая подготовка, физиотерапия, ароматерапия, закаливание, гимнастика, массаж, фитотерапия, арттерапия; *технологии обучения здоровью*, базирующиеся на включении соответствующих тем в предметы общеобразовательного цикла, что обеспечивает трансляцию опыта ведения здорового образа жизни, преемственность традиций, ценностных ориентаций, формирующих бережное отношение к индивидуальному здоровью, ценности каждой человеческой жизни; *воспитание культуры здоровья*, эта технология представлена факультативными занятиями по развитию личности учащихся, внеучебными мероприятиями, фестивалями, конкурсами, направленными на здравотворчество, оптимизацию состояния собственного организма и повышение устойчивости к различного рода стрессогенным факторам природной и социальной среды, что, в свою очередь, обеспечивает адаптацию студентов к социально значимой деятельности.

Но в условиях реализации современной образовательной парадигмы в вузе особенно актуальными из вышеперечисленных являются *технологии обучения здоровью* и *воспитания культуры здоровья*, так как их применение позволит сформировать ценностную ориентацию студентов на здоровье, снизить уровень поведенческих факторов риска (курение, стресс, низкая двигательная активность).

Здоровьесберегающие технологии реализуются на основе личностно-ориентированного подхода, что предполагает активное участие самого обучающегося в освоении культуры человеческих отношений, в формировании опыта здоровьесбережения, который приобретается через постепенное расширение сферы общения и деятельности студента, развитие его саморегуляции (от внешнего контроля к внутреннему самоконтролю), становление самосознания и активной жизненной позиции на основе воспитания и самовоспитания, формирования ответственности за свое здоровье, жизнь и здоровье других людей.

Здоровьесберегающие педагогические технологии обеспечивают развитие природных способностей человека: его ума, нравственных и эстетических чувств, потребности в деятельности, овладении первоначальным опытом общения с людьми, природой, искусством.

Л. Л. Рыбцова: Все сказанное подтверждает мысль о необходимости обучения студентов как социально активных будущих специалистов. Это предъявляет новые требования к преподавателям вузов, их профессионализму.

Т. И. Гречухина: Действительно, современная образовательная парадигма закрепляет требования к качеству образования, учитывающие компетенции. Здесь стоит заметить, что направления и способы оценки качества образовательных результатов преимущественно связываются с обучающимися, а деятельность педагога, обеспечивающего качество образования, рассматривается как одно из условий. Но А. И. Субетто, определяя педагогическую квалиметрию как науку о качестве образования, отмечает многообразие показателей качества: качество функционирования и развития образовательных систем; учебно-воспитательного процесса, обучающихся, преподавательского корпуса и т. д. Поэтому процесс развития профессионально-педагогических компетенций необходимо рассматривать как составляющую качества образования и как подлинный образовательный результат преподавателя, индивидуальный и уникальный.

Л. Л. Рыбцова: Но трудности квалиметрического сопровождения педагогической деятельности с точки зрения обеспечения качества образования связаны, прежде всего, с отсутствием соответствующих экспертно-оценочных технологий. Не так ли?

Т. И. Гречухина: Вы правы. И будет уместно сказать, что в рамках решаемой проблемы преподавателями нашей кафедры разработана и апробирована экспертно-оценочная технология «Профессионал», направленная на развитие и программирование профессионально-педагогических компетенций педагогов общеобразовательных учреждений. Она может быть адаптирована и к процессу подготовки магистрантов, в том числе в условиях научно-педагогической практики.

Более того, в программе «Профессионал» предусмотрен как механизм традиционного педагогического взаимодействия с сохранением субъект-объектных отношений и функциональных позиций, так и механизм выделения содержательных позиций дидакта, методиста, антрополога. Это позволяет работать с пониманием, мышлением, рефлексией, целеполаганием преподавателя. Кроме того, база данных, полученная в результате работы с программой «Профессионал», может быть использована в процессе профессиональной аттестации, которая в этом случае является итогом непрерывной работы педагога и представителей управления, а не разовой, показательной процедурой.

Н. Б. Хазова: Поясните, пожалуйста, технологический аспект программы «Профессионал».

Т. И. Гречухина: Это сбор данных о состоянии управляемого объекта, переработка, систематизация и выдача командной информации для принятия управленческого решения. Главной целью содержательной части компьютерной программы «Профессионал» является обеспечение «сшиваемости» и объективизации информации об учебно-воспитательном процессе, получаемой из множества фокусов: от педагога, ведущего занятие, от его коллег, присутствующих на занятии. Так, автоматизируется выполнение следующих задач: сбор нормативно-справочной информации; сбор результатов проведения занятий по строго определенным формам; формирование аналитических и статистических отчетных форм, позволяющих характеризовать педагога как субъект и объект оценки, а также успеваемость групп, в которых преподает педагог.

Для обоснования программы «Профессионал» в обработке информации использованы системный подход к анализу занятия; единая методика анализа занятия; единый алгоритм представления результатов анализа; методика сбора большого числа разнополюсных единичных информационных; алгоритм для программирования машинной обработки значительного объема информации; алгоритм объективизации единичной информации; структура профессиональной программы педагога; структура формирования рейтинга педагога.

Л. Л. Рыбцова: Я хочу уточнить, что автор программы «Профессионал» — доцент Т. И. Гречухина, и эта программа реализуется в ОУ «Лицей № 173», которое является экспериментальной площадкой нашей кафедры. Кроме того, коллективом кафедры подготовлено и сдано в издательство УрФУ учебное пособие «Современные образовательные технологии», его выход планируется в первом полугодии 2014 г.

М. Н. Дудина: Позвольте завершить нашу беседу о проблемах реализации современной образовательной парадигмы, о педагогических подходах, технологиях обучения и профессиональной компетентности преподавателей высшей школы.

Нарастание ценности образования для личности и общества в глобальном масштабе предъявляет новые требования к менеджерам, преподавателям и студентам, связанные с современными критериями компетентности, овладением соответствующими компетенциями. Полагаю, что беседа была плодотворной и интересной не только для преподавателей кафедры педагогики и социологии воспитания, но и для наших коллег, работающих на других кафедрах. Отрадно, что в работе круглого стола принимали участие и наши молодые коллеги — аспирантка и магистрант. Это дает надежду на то, что такие встречи будут не только традиционными, но и профессионально привлекательными для университетского сообщества.

УДК 81'342.3 + 378.016(07)

А. О. Ильнер
Л. И. Корнеева**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ
РЕЧЕВОГО СЛУХА У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Рассматриваются основные вопросы методики развития речевого слуха, его структура и роль в обучении иностранным языкам студентов неязыковых специальностей на начальном этапе обучения. Значительное внимание уделено сопоставлению немецкой и русской фонетических систем, представлены основные упражнения и способы контроля усвоения изученного материала.

Ключевые слова: речевой слух; фонетический слух; фонематический слух; фонетические навыки; слухопроизносительные навыки; иностранный язык; второй иностранный язык; обучение иностранным языкам; обучение немецкому языку.

В настоящее время активно формируется теоретическая база современной лингводидактики, происходит ее интеграция с другими дисциплинами. Одним из основных элементов восприятия речи, как на родном, так и на иностранном языке, является речевой слух, однако трактовки этого понятия в психологии, физиологии, педагогике и других дисциплинах несколько отличаются. Кроме того, при наличии значительного потенциала современных научных теорий и подходов в области восприятия и порождения речи их использование в теории и практике обучения иностранным языкам крайне ограничено.

Характерной особенностью преподавания иностранного языка на современном этапе является практическая направленность учебного процесса на профессионально-ориентированное общение. Таким образом, главная методическая задача преподавателя иностранного языка, обучающего студентов неязыковых специальностей, — не столько передача лингвистических знаний, сколько формирование умений иноязычной речевой деятельности, коммуникативных умений обучаемого, которые станут залогом успеха в его профессиональной деятельности.

Говоря о формировании слухопроизносительных навыков, следует отметить тот факт, что студенты неязыковых специальностей обладают значительно меньшими теоретическими знаниями по фонетике по сравнению с грамматикой, что вызвано особенностью школьного курса русского и иностранного языков. Выпускники школ имеют общее представление о лексико-грамматическом

ИЛЬНЕР Александр Олегович — старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: a.illner@mail.ru).

КОРНЕЕВА Лариса Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: Lorakorn@list.ru).

© Ильнер А. О., Корнеева Л. И., 2014

составе языка, представление же о фонетическом составе у них практически полностью отсутствует.

Таким образом, мы считаем, что главным в формировании слухопроизводительных навыков на иностранном языке является целенаправленное развитие **речевого слуха** учащихся.

В рамках данной статьи мы предлагаем ряд методических рекомендаций, направленных на формирование и развитие речевого слуха у студентов неязыковых специальностей на начальном этапе обучения иностранному языку. В качестве примера был выбран немецкий язык, фонетика которого для русскоязычных учащихся представляет значительные трудности как в продуктивном, так и в перцептивном аспектах.

Сам термин «речевой слух» был введен в широкий оборот Н. Н. Трауготт, ученицей выдающегося русского физиолога И. П. Павлова. Имея два высших образования, медицинское и педагогическое, она занималась исследованиями в области изучения физиологии высшей нервной деятельности людей с нарушениями речи. Н. Н. Трауготт впервые изучает работу слухового анализатора при детской тугоухости, алалии и афазии [4, 90]. В дальнейшем этот термин широко используется в трудах русских нейрофизиологов и психолингвистов (А. Р. Лурия, Л. С. Выготский и др.).

Речевой слух — это способность слышать и анализировать звуки речи (родного или другого языка). Речевой слух противопоставляется *неречевому слуху* — способности ориентироваться в неречевых звуках, т. е. в музыкальных тонах и шумах [6, 180]. Именно это объясняет отсутствие прямой связи между музыкальными способностями человека (наличием *абсолютного музыкального слуха*) и способностью к изучению иностранных языков, ибо если бы таковая зависимость существовала, то все люди, обладающие развитым музыкальным слухом, обладали бы идеальным, безакцентным произношением на иностранном языке, а носители тональных, музыкальных языков, например китайского, — абсолютным музыкальным слухом.

В речевом слухе выделяют *фонетический* и *фонематический слух*. *Фонематический слух* — это способность различать *фонемы* языка. Напомним, что фонема, как ее определял основоположник фонологии Н. С. Трубецкой, представляет собой совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию [5, 43]. Таким образом, «фонемный состав языка является по существу лишь коррелятом системы фонологических оппозиций» [Там же, 72].

Фонематический слух формируется у ребенка в процессе его обучения пониманию устной речи как первичная форма речевой деятельности. Овладение фонематическим строем языка предшествует другим формам речевой деятельности — устной речи, письму, чтению, поэтому фонематический слух является основой всей сложной речевой системы и потеря слуха ведет у детей к недоразвитию речевой системы (глухонемоте). Таков нормальный ход формирования родного языка. Овладение иностранным языком подчиняется иным законам, т. е. по мере овладения иностранным языком человек учится его слышать и у него формируется фонематический слух по отношению к данному языку.

Благодаря *фонетическому слуху* осуществляется слежение за непрерывным потоком речи. Поскольку фонемы реализуются в произносительных вариантах — звуках (аллофонах), важно, чтобы эти звуки произносились нормированно, т. е. в общепринятых, привычных реализациях, иначе их трудно опознавать слушающим. Непривычное для данного языка произношение оценивается фонетическим слухом как неправильное. Некоторые специалисты не выделяют собственно фонетический слух, таким образом, понятия фонологического и речевого слуха используются как синонимичные [3, 28]. На наш взгляд, это не является правильным, ибо фонематический слух имеет значение для формирования языка как «системы фонологических оппозиций», а фонетический слух важен для правильного оформления звучащей речи и ее восприятия на уровне «верно — неверно» по отношению к перцептивному эталону.

С помощью фонематического и фонетического слуха, как составляющих речевого слуха, осуществляются не только прием и оценка чужой речи, но и контроль над собственной речью [2, 88].

Однако для адекватного восприятия и производства речи важны не только сегментные единицы, коими являются звуки речи, но и суперсегментные — ударение и интонация, за них отвечают так называемые *интонационные компоненты речевого слуха*, они имеют много общего с музыкальным слухом и не зависят от фонематических особенностей речи [6, 181]. Интонационные компоненты важны также для «эмоционального слуха» — способности различать интонации речи, отражающие различные эмоциональные состояния [Там же, 189].

Говоря о роли речевого слуха и отдельных его составляющих в изучении иностранных языков, следует подчеркнуть, что при обучении иностранному языку взрослого человека механизмы восприятия и внутреннего анализа звучащей речи несколько отличаются от тех, что существуют при овладении родным языком. Так, А. А. Леонтьев, ссылаясь на Е. Д. Поливанова, говорит о том, что «безусловно установлено, что восприятие чужого языка происходит, так сказать, через призму родного: иными словами, мы “категоризируем” воспринимаемую нами речь, приписываем ей определенную структурность постольку, поскольку такая категоризация свойственна нашему родному языку. Так, звуковые различия, которых нет в фонологической системе, скажем, русского языка, не будут восприняты русским в иноязычной речи без специальной тренировки» [1, 44].

На то же указывает и Л. В. Щерба: «...когда два каких-нибудь языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций, что приводит к появлению третьей системы, то есть промежуточной системы соответствий» [7, 313]. Фонетическое оформление иноязычной речи и ее восприятие на этом языке осуществляется «по “правилам” промежуточной системы, парадигматические единицы которой не тождественны фонемам как первичной, так и вторичной системы». А для овладения фонологическим и фонационным аспектом иностранного языка недостаточно простого подражания звуковому образцу иноязычной речи, необходим активный анализ, базирующийся на сравнении систем родного и изучаемого языков при сознательном «отталкивании», по образному выражению Л. В. Щербы, от родного языка [Там же, 317].

Комплексное развитие речевого слуха позволит эффективно, без излишнего привлечения «лингвистического» материала, сформировать необходимые слухопроизносительные навыки, т. е. способность правильно ассоциировать слышимый звук с соответствующим ему значением и, в свою очередь, продуцировать звуки, соответствующие определенным значениям на иностранном языке.

Апробация методики развития речевого слуха проводилась в 2008–2011 гг. на базе Уральского федерального университета среди студентов 2–5-х курсов специальностей «Мировая экономика» и «Социальный сервис и туризм» в рамках вводного фонетического курса по дисциплинам «Второй иностранный язык» и «Иностранный язык (второй профессиональный)».

Как показала практика, особую трудность для студентов, как в продуктивном, так и в перцептивном аспекте, представляют немецкие гласные, смысло-различительные характеристики которых (долгота—краткость, открытость—закрытость, наличие—отсутствие лабиализации) чужды русскому языку, в результате чего студенты воспринимают слова типа [ʃta:t] – [ʃtat] (Staat – Stadt), [ˈɛ:rə] – [ˈe:rə] (Ähre – Ehre) как омонимы.

Данный факт связан с тем, что русский язык – это язык согласного типа, в нем всего шесть гласных фонем, противопоставленных по ряду и подъему (лабиализация выступает в качестве дополнительной характеристики), тогда как в немецком 16 гласных фонем, противопоставленных по ряду, подъему, лабиализации, долготе. Такая ситуация приводит к формированию в сознании русскоязычных, изучающих немецкий язык, специфической системы гласных, в которой немецкие звуки группируются вокруг русских фонем, что можно представить следующим образом:

[i:] [ɪ] <И>	<Ы>	[u:] [ʊ] [y:] [ʏ]
[ɛ:] [ɛ] [e:] [ə] <Э>		[o:] [ɔ] [ø:] [œ]
	[a:] [a] <А>	

Немецкие фонемы представляются русскоговорящим *аллофонами* русских фонем. Такого рода ошибки восприятия порождают ошибки произношения, отсутствие базовых слухопроизносительных навыков ведет в дальнейшем к проблемам с орфографией (написание слов по памяти и наугад, невозможность записать новое слово на слух и т. д.).

Мы обозначили основную проблему: кажущееся сходство немецких и русских звуков ведет к ошибкам восприятия из-за формирования той самой «промежуточной системы», о которой говорил Л. В. Щерба. Наша задача – путем развития речевого слуха студентов по отношению к немецкому языку в рамках вводного фонетического курса добиться адекватного восприятия основных смысло-различительных характеристик немецких звуков и закрепления их

в сознании обучающихся, что позволит в дальнейшем перейти к формированию продуктивных навыков (говорению, чтению и письму).

Таким образом, развитие речевого слуха должно строиться на двух базовых аспектах — продуктивном (порождение по образцу отдельных звуков, слогов, слов и предложений и т. д.) и перцептивном (восприятие и отнесение звуков, слогов, слов и т. д. к определенным графическим символам).

Однако необходимо отметить, что выделяются два уровня восприятия и соотнесения звукового состава речи: *уровень имитации звуков*, не требующий отнесения к определенным категориям, и *фонематический уровень*, когда такое отнесение требуется (например, определение того или иного звука как буквы) [6, 229]. Этот факт необходимо учитывать при разработке упражнений, так как одного лишь успешного повторения звуков за диктором недостаточно для закрепления этого звука в сознании обучаемого.

Для записи изолированных звуков и слогов целесообразным будет использование знаков международного фонетического алфавита (МФА), поскольку немецкие фонемы имеют зачастую несколько вариантов орфографического написания. Новые слова необходимо записывать в стандартной орфографии, по мере необходимости (например, на начальном этапе) снабжая также и транскрипцией, это позволяет закрепить графический образ слова в памяти.

Доводы о том, что изучение символов МФА создает дополнительные трудности, не кажутся нам убедительными, поскольку символы МФА базируются на стандартом латинском алфавите, который в том или ином виде уже знаком учащимся, особенно если учащиеся изучают немецкий язык после английского или французского и уже знакомы с МФА и принципами фонетической транскрипции. Новые знаки соответствуют новым для учащихся звукам, что способствует закреплению этих звуков в сознании.

Немецкие звуки традиционно следует отрабатывать парами: гласные — по долготе — краткости, открытости — закрытости, наличию — отсутствию лабиализации; согласные — по звонкости — глухости.

Каждый урок должен разбиваться на три основных этапа: вводный этап, на котором происходит знакомство с новым звуковым материалом; этап закрепления и самоконтроля и завершающий этап — этап контроля. Каждый из этапов на уроке реализуется сначала на уровне отдельных звуков и их сочетаний, а потом на уровне слов. Этапы состоят из одного или нескольких упражнений, которые будут описаны ниже.

В основе каждого урока должна лежать пара или несколько пар гласных звуков, которые сначала звучат изолированно, и учащиеся пытаются повторить их вслед за диктором/преподавателем, потом звучат сочетания гласных с различными согласными звуками, при этом долгие гласные звучат в открытых слогах, а краткие — в закрытом слоге (сначала в неприкрытом, потом и в прикрытом), которые учащиеся также повторяют вслед за диктором. Важно отметить, что следует рассмотреть все возможные сочетания данных гласных и согласных звуков в пределах слога. После этого студенты самостоятельно вслух пытаются прочитать те звуки и их сочетания. Преподаватель обращает внимание на ошибки, определяет их характер и совместно с учеником пытается их

устранить. При этом важным является именно соблюдение ключевых характеристик гласных звуков. Этот вводный этап также можно рассматривать в качестве фонетической зарядки.

На следующем этапе каждый из учащихся по очереди выходит к доске и пытается записать те звуки и их сочетания, которые он слышит. Желательно также, чтобы остальные ученики старались записывать услышанные звуки и сверять с тем, что они видят на доске. После каждой записи преподаватель проверяет написанное и обращает внимание на ошибки, если таковые имеются. Этот этап важен для реализации самоконтроля обучающихся и позволяет вовлечь в активную работу отдельных студентов.

По завершении данного этапа проводится контрольный этап. Этот этап необходим для самостоятельной работы каждого из студентов и позволяет выявить индивидуальные проблемы работы с данными звуками.

На этапе контроля все студенты самостоятельно пытаются записать услышанные звуки и их сочетания на листе бумаги. По окончании упражнения результаты проверяются либо совместно студентами и преподавателем, либо преподавателем. Удовлетворительным следует считать результат, когда 55–65 % ответов являются верными.

Этапы самоконтроля и контроля позволяют перейти с уровня имитации звуков на фонематический уровень и выявить сформированность у студентов перцептивного эталона для каждого из изученных звуков. Однако следует предостеречь преподавателей от чрезмерного увлечения отработкой отдельных звуков, так как, во-первых, восприятие и произнесение отдельных звуков в принципе несвойственно человеку, а, во-вторых, длительные упражнения со звуками демотивируют обучающихся.

После отработки на уровне изолированных звуков и слогов необходимо перейти к отработке на уровне отдельных слов. Особое место занимают так называемые минимальные пары слов, т. е. слова, отличающиеся одной фонемой. Ключевую роль играют пары слов, отличающиеся одной из характеристик парных гласных фонем. Работа с минимальными парами достаточно традиционна и присутствует как в классических примерах вводных фонетических курсов, так и в современных разработках по методике преподавания фонетики немецкого языка [8, 9].

В целом отработка на уровне отдельных слов идет по той же схеме, что и на уровне звуков. После объяснений базовых правил чтения и орфографии студенты читают вслух минимальные пары слов сначала вслед за диктором, потом самостоятельно (слова можно снабдить фонетической транскрипцией). Затем обучающимся предлагается следующее упражнение: дается орфографическое написание несколько пар слов, диктор произносит одно из слов, а студенты должны выбрать, какое из пары слов прозвучало. Данное упражнение является важным, ибо здесь наглядно представлены фонологические оппозиции, которые необходимо закрепить в сознании обучающегося. После этого также проводится контроль.

Необходимо отметить, что в качестве упражнения также весьма полезной будет запись слов в транскрипции, это вырабатывает связи между орфографией

и фонетикой, т. е. между написанием и произношением. Обратная запись из транскрипции в орфографию также важна, но на начальном этапе необходимо крайне скрупулезно подойти к выбору слов для данного упражнения: слова либо должны быть известны обучающимся из ранее пройденного материала, либо их написание должны быть *орфографически прозрачным*, т. е. подчиняться самым общим правилам. Такие упражнения особенно важны именно на начальном этапе, так как они позволяют перейти к записи слов на слух, формируя *осознанные* орфографические навыки.

Для формирования навыков записи слов со слуха сначала необходимо научить слышать и записывать слово символами МФА. Потом путем рассуждений студенты приходят к орфографическому написанию. На начальном уровне при контроле целесообразно учитывать относительно правильные варианты записи слова в орфографии, указывая при этом на правильный вариант написания. Например, слово [za:t] в соответствии с принципами немецкой орфографии может быть записано как Sat (долготу [a:] показывает относительно закрытый слог), Saht (долгота показана «немым h») или Saat (долгота показана удвоенной «a»), однако единственно правильным является вариант Saat.

Переход от произношения и записи отдельных звуков и слов к записи фраз и текстов должен происходить достаточно поступательно с учетом возможностей студентов и сформированности у них соответствующих лексико-грамматических навыков. Этот переход должен быть обеспечен качественным подбором материала.

Таким образом, по мере овладения языком студенты переходят от простой записи отдельных звуков и слов со слуха к записи текстов, т. е. полноценному диктанту, который далее будет служить основным средством развития и поддержания речевого слуха, а также эффективным инструментом контроля сформированности не только слухопроизносительных, но и орфографических навыков.

По завершении вводного фонетического курса студенты неязыковых специальностей должны: научиться воспринимать характеристики немецких звуков, особенно гласных фонем; научиться относительно правильно читать и произносить слова, сохраняя ключевые характеристики составляющих данное слово фонем; получить базовые знания о фонетической системе немецкого языка; научиться видеть связь между фонетикой и орфографией. В дальнейшем полученные в рамках вводного фонетического курса знания и навыки должны актуализироваться, закрепляться, совершенствоваться и контролироваться. Не следует забывать о том, что именно фонетические навыки в наименьшей степени поддаются сознательному контролю и отсутствие внимания к ним сведет на нет все усилия, затраченные на вводный фонетический курс.

В рамках данной статьи у нас нет возможности более детально рассказать о принципах подбора и распределения материала, а также последовательности ввода фонем по урокам с указанием необходимого числа часов. Естественно, что вводный фонетический курс не должен состоять исключительно из фонетических упражнений, но он должен содержать некоторый лексический и

грамматических минимум и быть интегрирован в общий курс изучения иностранного языка. В данной статье принципиальным является теоретическое обоснование необходимости развития речевого слуха, подкрепляемое примерами построения урока и упражнениями на развитие речевого слуха на начальном этапе обучения.

1. *Леонтьев А. А.* Психофизиологические механизмы речи // *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.* М., 1970. С. 314–370.
2. *Логопедия : учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской.* М., 1998. 680 с.
3. *Основы логопедии с практикумом по звукопроизношению : учеб. пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений / М. Ф. Фомичева, Т. В. Волосовец, Е. Н. Кутепова и др. ; под ред. Т. В. Волосовец.* М., 2002. 200 с.
4. *Сумченко Г. М., Храковская М. Г. Н. Н.* Трауготт: (к 85-летию со дня рождения) // *Дефектология.* 1990. № 1. С. 90.
5. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 2000. 352 с.
6. *Хомская Е. Д.* Нейропсихология : учебник для вузов. 3-е изд. СПб., 2003. 496 с.
7. *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии // *Языковая система и речевая деятельность.* Л., 1974. С. 313–318.
8. *Dieling H., Hirschfeld U.* Phonetik lehren und lernen. München, 2000. 200 S.
9. *Frey E.* Kursbuch Phonetik: Lehr- und Übungsbuch. Ismaning, 1996. 80 S.

Статья поступила в редакцию 24.09.2013 г.

УДК 373.3.016 + 371.315

Т. В. Сафонова

И. А. Чумакова

ПРОЕКТНО-ЗАДАЧНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье представлена проектно-задачная технология формирования универсальных учебных действий младших школьников через решение проектных задач. Авторы опытно-экспериментальным путем подтвердили ее эффективность в формировании личностных, регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: проектное обучение младших школьников; проектная задача; универсальные учебные действия.

Современный этап развития отечественного школьного образования сопровождается внедрением Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования (ФГОС НОО) второго поколения, которые характеризуются принципиальной особенностью — наличием такого системообразующего компонента, как «результаты образования» [5, 5]. Понимание сущности образовательного результата базируется на *деятельностной парадигме*, постулирующей в качестве цели образования развитие личности учащегося. Процесс учения в рамках данной парадигмы понимается не просто как усвоение системы знаний, умений и навыков, составляющих инструментальную основу компетенций учащегося, но и как процесс формирования универсальных учебных действий (далее — УУД) [2, 12].

Исследование заявленной темы обусловлено тем, что на современном этапе сохраняют свою актуальность поиски эффективных технологий формирования УУД и условий их реализации в начальной школе.

Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего образования определяют, что в процессе образования у учащихся формируются не просто знания и умения по различным предметам, а метапредметные умения и способности к самостоятельной учебной деятельности, готовность к самоизменению, самовоспитанию и саморазвитию [Там же, 13].

Сформированность УУД выступает необходимым условием успешности обучения ребенка в начальной школе. О. А. Карабанова, Н. Г. Салмина, С. В. Молчанов и другие отмечают, что формирование УУД обеспечивает школьникам формирование ключевой компетенции — умения учиться. Отметим, что это умение означает готовность обучающегося самостоятельно

САФОНОВА Татьяна Витальевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Глазовского педагогического института им. В. Г. Короленко (e-mail: safonova1956@mail.ru).

ЧУМАКОВА Ирина Алексеевна — аспирантка Глазовского педагогического института им. В. Г. Короленко (e-mail: ichumakova@rambler.ru).

© Сафонова Т. В., Чумакова И. А., 2014

осваивать новые знания, умения и вырабатывать навыки; организовывать свою деятельность; рефлексировать (анализировать свои поступки или мысли); контролировать и оценивать результаты своего учения. Новые обстоятельства школьной практики предъявляют новые требования как к процессу обучения, так и к самому учителю. Деятельность учителя фокусируется на значимой образовательной задаче — помощи обучающемуся в самоизменении, в процессе которого школьник не только самостоятельно осваивает новые знания, умения и навыки, но и формирует и отрабатывает свои общие способности, которые помогут ему в дальнейшем грамотно ставить и достигать цели, самостоятельно учиться и переучиваться, становиться созидателем [3, 5–6].

Общеизвестно, что в российском образовании поиск идей нового типа обучения был всегда актуален. В разные исторические периоды он был связан с именами К. Д. Ушинского, П. Ф. Каптерева, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, Л. В. Занкова, Ю. К. Бабанского и др. Однако исследование идей развивающего обучения продолжается, и с введением ФГОС нового поколения оно приобрело еще большую значимость. Сегодня благодаря достижениям в современной методологии и теории педагогических процессов появились новые возможности решения стоящих перед образованием задач в контексте исследуемой темы [3, 9].

Анализ педагогической практики показал, что в последние годы проблему развития учащихся в учебном процессе в начальной школе пытаются решать, в частности, через организацию проектной деятельности. Заметим, однако, что полноценная проектная деятельность не соответствует возрастным возможностям младших школьников. Это обуславливает особую актуальность и перспективы использования метода проектных задач как базовой образовательной технологии формирования УУД в начальных классах. Выскажем предположение, что, применяя систему проектных задач, можно подготовить ученика начальной школы к последующей полноценной проектной деятельности в среднем и старшем звене. Применение проектных задач в обучении младших школьников определяет новый путь к достижению образовательного результата по формированию УУД и умения учиться в целом, в рамках деятельностного подхода [4, 10].

Анализ дидактической и методической литературы показал рост внимания научной общественности к использованию проектной технологии обучения в работе образовательных учреждений (В. В. Гузеев, М. В. Кларин, Д. Г. Левитес, Е. С. Полат, Н. О. Деньгина, М. Ю. Бухаркина, И. М. Степанова и др.). О. М. Арефьева, П. А. Изотова, Л. А. Теплоухова и другие в своих диссертационных исследованиях изучали формирование УУД при осуществлении проектной деятельности. Несмотря на научную разработанность отдельных аспектов, установлено, что потенциал проектно-задачной технологии как источника личностного и психологического развития учащихся начальной школы посредством формирования УУД не являлся предметом специальных педагогических исследований и изучен недостаточно. Анализ научно-педагогических исследований ряда авторов (А. Б. Воронцов, В. М. Заславский, С. В. Клевцова, О. В. Раскина и др.) позволяет сделать вывод о том, что использование

проектных задач в образовательном процессе дает основания для разработки новой образовательной технологии, которую мы обозначили как «проектно-задачная технология обучения» (ПЗТО).

Изучение научно-педагогической литературы, опыта отечественных и зарубежных педагогов позволило выявить следующие противоречия: между требованиями ФГОС НОО к уровню подготовки младших школьников в контексте сформированности УУД и недостаточной разработанностью педагогических условий и средств программно-дидактического обеспечения данного процесса; между возрастанием интереса к исследуемому процессу со стороны учителей и отсутствием учебно-методических рекомендаций по формированию универсальных учебных действий учащихся в процессе проектной деятельности.

На основе выявленных противоречий была сформулирована цель исследования: определить, теоретически обосновать и экспериментально-опытным путем проверить педагогические условия формирования УУД младших школьников через проектно-задачную технологию обучения.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что процесс формирования УУД младших школьников в проектной деятельности будет эффективным, если реализуются следующие условия: будет разработана структурно-содержательная модель процесса формирования УУД, обоснована и реализована проектно-задачная технология обучения, обеспечивающая устойчивое формирование УУД как субъектной характеристики учащегося, создан учебно-методический комплекс по предмету, а также определены содержание, критерии и показатели сформированности УУД младших школьников.

Нами была разработана модель обучения, основу которой составляет учебная деятельность учащихся по решению проектных задач, которые обеспечивают развитие социальной самостоятельности, творческой активности и познавательных способностей младших школьников; позволяют переносить полученные знания на нестандартные жизненные ситуации и решать их (см. рисунок).

Отметим, что созданная модель обучения методом проектных задач была реализована на практике посредством ПЗТО и стала эффективным способом обучения, не заменяя традиционную систему, а органично дополняя, расширяя ее. В процессе научно-исследовательской работы была разработана и реализована учебная программа, которая обеспечила достижение запланированных результатов.

В целостном и непрерывном процессе формирования УУД с применением системы проектных задач были выделены три этапа: мотивационно-организующий, личностно-формирующий, критериально-оценочный. Все вышеперечисленные этапы имеют определенные цели, наполняются соответствующим содержанием, имеют свои задачи, методы и формы.

В качестве ожидаемого результата опытно-экспериментальной работы было запланировано достижение достаточного и оптимального уровней сформированности универсальных учебных действий у младших школьников посредством проектных задач. Для исследования уровня сформированности УУД

Модель формирования универсальных учебных действий младших школьников через проектно-задачную технологию обучения

младших школьников мы использовали следующие средства психолого-педагогической диагностики: анкету для первоклассников по оценке уровня школьной мотивации (А. Д. Андреева), методику «Исследование словесно-логического мышления младших школьников» (Э. Ф. Замбацявичене), тест на определение самооценки «Лесенка», тест «Умеешь ли ты слушать?», задание «Совместная сортировка» (Г. В. Бурменская) и т. д.

Обратимся к рассмотрению содержательно-методического наполнения интересующего нас процесса. Для включения проектно-задачной технологии в образовательный процесс необходимо учебно-методическое обеспечение.

Нами был создан учебно-методический комплекс (УМК), который включает в себя авторскую программу «Учимся учиться и действовать», учебно-методическое пособие для учителя «Проектная задача как способ формирования универсальных учебных действий младших школьников», рабочие тетради «Проектные задачи по информатике и ИКТ (1–4-е классы)».

Рассмотрим более подробно специфику созданного дидактического обеспечения. Разработанная нами экспериментальная программа обучения, направленная на формирование комплекса УУД, построена с учетом изложения учебного материала образовательной области «Информатика» в начальной школе. В приложении данной программы представлены календарно-тематический план и содержание экспериментального обучения младших школьников.

Учебно-методическое пособие «Проектная задача как способ формирования универсальных учебных действий младших школьников» предназначено для учителей, работающих в 1–4-х классах. В книге представлены разные типы проектных задач, технология их конструирования, методика решения, система оценивания и формы предъявления учебных достижений [4, 1].

Рабочие тетради содержат по 5 проектных задач по предмету «Информатика и ИКТ», которые составлены с учетом учебной программы и требований системно-деятельностного подхода. Рабочая тетрадь для учителя является своеобразным банком данных о динамике развития комплекса УУД учащихся, которые он фиксирует в оценочном листе на каждого ученика. Кроме того, в ней помещены разработанные критерии и уровни развития УУД учащихся начальной школы, являющиеся диагностическим инструментарием. Тетради проектных задач могут быть использованы в учебной и внеучебной деятельности [5].

Опытно-экспериментальная деятельность продолжалась на протяжении учебного года. В исследовании принимали участие 2 экспериментальные (ЭГ-1, ЭГ-2) и две контрольные (КГ-1, КГ-2) группы. В ЭГ-2 работал другой учитель по предложенной модели. В первую контрольную группу входили 26 учащихся, во вторую — 27. В первую экспериментальную группу было включено 28 человек, во вторую — 25. Все учащиеся были из 1-х классов, одного возраста (6–7 лет). Всего в течение года были реализованы 3 проектные задачи по предмету «Информатика и ИКТ», 1-й класс. Статистическая обработка результатов исследования по трем видам проектных задач основывалась на выделенных уровнях сформированности УУД учащихся (табл. 1). Анализ результатов исследования по уровню сформированности УУД показал существенные

изменения в экспериментальных группах: количество школьников с высоким уровнем сформированности УУД к концу эксперимента составило 24,5 % от общего числа участников.

Таблица 1

Результаты сравнения степени сформированности УУД младших школьников

Группа	Количество учащихся в группе, чел.	Уровень УУД					
		низкий		средний		высокий	
		до	после	до	после	до	после
ЭГ-1	28	56/16	14/4	31/9	61/17	13/3	25/7
ЭГ-2	25	58/15	16/4	30/7	60/15	12/3	24/6
<i>Итого, %</i>	53	57	15	30,5	60,5	12,5	24,5
КГ-1	26	50/13	28/7	35/9	55/14	15/4	17/5
КГ-2	27	53/14	25/7	34/9	56/15	13/4	19/5
<i>Итого, %</i>	53	52	27	35	56	14	18

Примечание. 1. В колонках «до» и «после» содержатся данные по уровню УУД до реализации проектных задач и после их реализации. 2. В числителе дроби указаны процентные данные, в знаменателе — количество человек.

Анализ данных табл. 1 показывает, что применение ПЗТО в экспериментальных группах дает положительную динамику уровней сформированности УУД. В ЭГ-1 и ЭГ-2 сократилось количество учащихся с низким уровнем сформированности УУД (с 57 до 15 %), увеличилось количество школьников с высоким уровнем УУД (с 12,5 до 24,5 %).

Некоторые проектные задачи, разработанные учащимися, стали основой учебно-исследовательских работ, которые были представлены на научно-практических учебных конференциях, где получили высокую оценку (табл. 2).

Данные табл. 2 объективно подтверждают, что достигнут высокий уровень развития творческого потенциала учащихся благодаря их участию в проектной деятельности.

В ходе опытно-экспериментальной работы были получены следующие результаты: учащиеся правильно и самостоятельно научились выделять проблему задачи, находить и исправлять ошибки, проверять и оценивать результаты работы (регулятивные УУД); активно высказывать свое мнение и задавать вопросы одноклассникам, выражать свои мысли с достаточной полнотой и точностью (коммуникативные УУД); учащиеся увереннее используют персональный компьютер и мультимедийные технологии для решения проектной задачи (познавательные УУД); повысились учебная мотивация и интерес к предмету «Информатика и ИКТ»; учащиеся достигают договоренности при согласовании общих решений, адекватно реагируют на свой успех или неуспех в учебной деятельности (личностные УУД).

Таблица 2

Результаты участия в конкурсах школьников, обучавшихся по ПЗТО

Название проектной задачи	Научно-исследовательская работа	Проектный продукт	Место	Уровень
«Наш мультфильм»	Создание мультфильма в конструкторе «Мультит-пульти»	Мультфильм «Илья Муромец и Змей Горыныч»	2-е 2-е 1-е	Краевой
«Наш мультфильм»	Создание мультипликационного пособия по технике безопасности	Мультипликационное пособие по технике безопасности (на CD диске)	2-е 2-е 2-е	Краевой
«Веселая зарядка»	Создание мультимедийных физкультминутки	Компакт-диск с физкульт-минутками	2-е 3-е 1-е	Краевой
«Моя кухня»	Создание интерьера для дома	Готовые компьютерные 3D-макеты детской комнаты	3-е 2-е	Краевой
«Живая математика»	Разработка анимационных задач по математике в «Логомирах»	Набор анимационных задач по математике на измерение скорости	2-е 2-е	Краевой

Итак, проведенная работа показала, что проектная задача для обучающегося — это возможность раскрытия его творческого потенциала, формирования способностей и компетенций, что позволяет считать проектную задачу надежным и эффективным инструментом формирования УУД младших школьников.

Перспектива исследования состоит в создании необходимых и достаточных электронных образовательных ресурсов (фонд и каталоги библиотеки, Интернет, CD-Rom, аудио- и видеоматериалы и т. д.) для 2, 3 и 4-х классов по организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся, которые будут содействовать формированию единой образовательной среды в информационном пространстве школы.

1. Воронцов А. Б и др. Проектные задачи в начальной школе. М., 2011. 176 с.
2. Петерсон Л. Г. Мир деятельности : метод. рекомендации к надпредметному курсу. 1-й класс / под ред. Л. Г. Петерсон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. 272 с.: ил. + CD.
3. Чумакова И. А. Проектная задача как способ формирования универсальных учебных действий младших школьников : учеб.-метод. пособие для учителя. Глазов, 2012. 144 с.
4. Чумакова И. А. Проектные задачи по информатике и ИКТ, 2–4-й класс : рабочая тетрадь для младших школьников. Ижевск, 2013. 45 с.: ил.
5. Федеральный образовательный стандарт начального общего образования. М., 2011. 33 с.

Статья поступила в редакцию 28.10.2013 г.

УДК 316:115 + 316.3

П. А. Амбарова

ПОНЯТИЕ И ТИПОЛОГИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ*

Рассматриваются подходы к обоснованию понятия темпоральных стратегий поведения, необходимости их теоретического и эмпирического изучения. Представлены структура темпоральных стратегий поведения, их место в системе жизненного ориентирования. Осуществлена попытка социологической разработки теоретической типологии темпоральных стратегий поведения на основе критериев социальной активности и эмоционального переживания времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нелинейность социального времени; динамика социального времени; социальные страхи и надежды; темпоральные стратегии поведения; темпоральный пессимизм; темпоральный оптимизм.

Социальное время относится к категории явлений-«невидимок», которые оказывают существенное влияние на сознание и поведение индивидов и социальных общностей. Отражаясь в общественном сознании в виде установок, стереотипов, ценностных ориентаций, связанных с его восприятием и переживанием, социальное время влияет на формирование особых поведенческих стратегий, которые, в силу их ориентированности на ценность и значимость фактора времени, мы называем темпоральными.

Введение в социологический оборот понятия «темпоральные стратегии поведения» продиктовано необходимостью разработки объяснительных схем тех новых социальных явлений и состояний, которые метафорично были названы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

З. Бауманом «текучей современностью» [4], а Дж. Урри — «мобильным обществом» [22]. Постоянные качественные изменения во всех сферах жизни, настоящее, подчиненное решению задач будущего, появление виртуальной темпоральности, постоянные поиски средств, ускоряющих социальную мобильность (так, как трактует ее Дж. Урри), превращают социальное время из атрибута движения материи в активно действующий, порой доминирующий фактор социальной действительности.

Трансформируется характер влияния времени на общество. Качественно изменяется само время. В переходе от линейной модальности к нелинейной оно становится множественным, более плотным, вероятностным, напряженным, мобильным, текучим, мгновенным, многоструктурным, разновекторным. Новые свойства социального времени находят отражение в объективной социальной реальности — в появлении новых видов социальных общностей, в разнообразии форм социального взаимодействия, экономической, политической, духовной жизни, в усложнении их взаимосвязей и переплетений, в возникновении новых социальных рисков и конфликтов между социальными субъектами, имеющими различную темпоральность. Нелинейность социального времени и его динамики по-особому влияет и на субъективный мир, порождая новые ценностные ориентации, эмоциональные переживания, формируя новую темпоральную картину мира, стимулируя развитие у индивидов и социальных общностей новых темпоральных свойств, умений и навыков.

Нелинейность социального времени по-разному воспринимается представителями различных социальных общностей и дифференцированно влияет на их поведение, заставляя одних реагировать на временные изменения повышением социальной активности, появлением инновационных качеств и моделей поведения, других — проявлять пассивность и маргинальность. Противоречивое восприятие нелинейности социального времени отражается и на социальном самочувствии и эмоциональном состоянии социальных общностей, проявляясь в виде оптимизма и надежд у одних, пессимизма и страха перед временем у других.

С научных позиций и с практической точки зрения требуются инструменты адекватного исследования и оценки новых темпоральных феноменов, проявляющихся в сознании и поведении различных социальных субъектов. Разработка понятия и типологии темпоральных стратегий поведения позволяет соединить уровни «большой теории» социального времени и эмпирического исследования темпоральной реальности, конструируемой поведением и деятельностью конкретных социальных субъектов. Их изучение дает возможность создать научную основу для разработки социальных проектов и программ по формированию устойчивых и конструктивных темпоральных поведенческих стратегий различных социальных общностей.

Вместе с тем проблема нелинейной динамики социального времени и ее влияния на темпоральные стратегии поведения социальных общностей не нашла достаточного отражения ни в историко-социологической, ни в современной литературе. В современных исследованиях обозначенной проблемы можно выделить, прежде всего, теоретическое изучение нелинейности социально-

го времени и его динамики. Модель нелинейной динамики отражена в концепциях И. Валлерстайна (идеи синергетических свойств социального времени — нестабильности и нелинейности) [6], Э. Гидденса (идеи рекурсивности и сериальности как особых ритмических режимов социального времени) [7], З. Баумана («текущее время») [4], Дж. Урри («мобильное», «мгновенное» время) [22] и др. В отечественной социологии ее касались, в первую очередь, С. А. Кравченко [14] и Б. С. Сивринов [19].

В социологической литературе динамика социального времени представлена в основном в качестве объективного феномена. Как явление субъективного порядка, связанное с социальными эмоциями, она остается малоизученной. В этом плане мы можем отметить лишь международное исследование «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века», проведенное под руководством В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина и В. А. Ядова [13], а также книгу Е. И. Головахи и Н. В. Паниной «Социальное безумие: история, теория и современность» [8]. Названные исследования показали, каким образом, под влиянием каких факторов в периоды нестабильного функционирования социокультурной системы негативные социальные эмоции — страхи, фобии, тревожность и т. д. — усиливаются, как формируется и чем определяется взаимосвязь между уровнем страхов и различными социальными факторами, в том числе — темпоральными аспектами жизнедеятельности различных социальных общностей.

Исследование темпоральных стратегий поведения социальных общностей опирается на теорию социальных общностей и опыт их эмпирического исследования. В историко-социологической литературе это отражено в трудах Ф. Тенниса и Г. Лебона, в современной отечественной социологии — в работах В. А. Ядова, Г. Е. Зборовского, М. О. Мнацаканяна и др., в современной зарубежной социологии — в исследованиях Б. Андерсона, Г. Блумера, Б. Мерсера, Л. Шноре и др.

Исследование поведенческих стратегий имеет достаточно развитую традицию в социальных науках. В социологии данное явление изучалось в контексте проблемы жизненных планов и жизненного пути (У. Томас, Ф. Знанецкий), жизненного мира (феноменология), социальной активности, целенаправленного поведения личности, социального конфликта. Особо ценным для исследования темпоральных стратегий поведения в теоретико-методологическом плане представляются, прежде всего, социологическая концепция диспозиций личности В. А. Ядова, философско-психологическая теория личностного времени К. А. Абульхановой-Славской (а также и ее последователей Т. Н. Березиной и В. И. Ковалева), философско-социологическая концепция социальной памяти В. Н. Ярской, информационно-аксиологическая концепция времени Л. А. Штомпель. Темпоральные стратегии поведения как самостоятельная социологическая проблема практически не исследованы, хотя в рамках социальной психологии и социальной философии имеются интересные разработки (К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, М. Б. Маринов). Мы полагаем, что использование результатов социально-психологических работ в соединении с принципами социологического подхода поможет более

глубокому изучению обозначенной проблемы и компенсирует отсутствие теоретического и эмпирического опыта ее исследования в социологии. Поэтому, прежде всего, обратимся к психологическим исследованиям интересующей нас проблемы.

В психологии под *стратегией поведения* понимают устойчивый комплекс действий, предпочитаемый субъектом для решения различных задач его жизнедеятельности. Он складывается по мере формирования функциональных систем, автоматизации действий, ориентировочной и исполнительной активности. В состав стратегии поведения входят как освоенные физические действия, так и сложившиеся способы обработки информации, оценки объектов и регуляции поведения, в том числе и поведения, связанного с риском [16, 136–140].

В рамках психологии конфликта сформулировано несколько трактовок понятия стратегии поведения. Под ней подразумевают определенную последовательность мыслительных и поведенческих актов, направленных на достижение конкретной цели [10]. В контексте конфликтной проблематики А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов определяют стратегию поведения как ориентацию личности или группы на определенные формы поведения в ситуации конфликта, общую линию поведения в конфликте [3]. По их мнению, в структуре ориентировочной деятельности можно выделить три психологических компонента: когнитивно-нормативный (универсальная схема действия), аффективно-ситуативный (эмоциональные реакции) и когнитивно-прагматический (ориентация на достижение цели в конкретных условиях).

Результаты теоретических и экспериментальных социально-психологических исследований позволили ряду ученых разработать типологии темпорального поведения. Так, Б. И. Цуканов в рамках психологии личности предложил подход к выделению темпоральных типов поведения в зависимости от скорости переживания времени и временной ориентации. Согласно данному подходу, существуют «спешащие», «точные», «медлительные» типологические группы людей [23, 32]. Несмотря на чрезвычайно интересные результаты изучения субъективно переживаемого времени и соответствующих типов реакций на него, все же речь в данном исследовании идет не о сознательно выбираемых стратегиях поведения, а о типичных моделях поведения, обусловленных факторами физического (здорового или болезненного) состояния и динамическими свойствами психики (темперамента).

Степень активности субъекта и способ организации времени его жизни выступают главными критериями в типологии темпорального поведения В. И. Ковалева. Сочетание названных признаков образует, по его мнению, четыре типа темпорального поведения и реагирования: стихийно-обыденный, функционально-действенный, созерцательный, творчески-преобразующий [2]. Первый тип, образуемый ситуативным поведением и пассивной позицией субъекта, характеризуется зависимостью личности от обстоятельств и событий, отсутствием умения организовать последовательность событий, предвосхитить или предотвратить их. Второй тип предполагает активную организацию течения событий, своевременность реагирования на них, но одновременно –

непостоянство такой стратегии, которая проявляется только в определенные периоды жизни. Третий тип поведения отличается отсутствием способности к организации времени и пассивностью субъекта времени. Четвертому типу свойственна постоянная (продолжительная) способность и потребность к организации времени жизни и согласование действий с возможностями и запросами внешнего окружения.

Типология темпорального поведения, предложенная В. И. Ковалевым, представляется нам интересной и продуктивной. Но в силу того, что она была сконструирована в рамках социальной психологии и «работает» на личностном уровне, типология не в полной мере пригодна для исследования темпоральных особенностей поведения социальной общности — главного объекта социологического исследования.

Психологический подход к стратегиям поведения позволяет в дальнейшем, во-первых, определить особенности проявления темпоральных стратегий поведения на индивидуальном уровне, а во-вторых, рассмотреть их структурные компоненты. Социологический же подход требует переноса и анализа характеристик и элементов темпорального стратегического поведения с личностного уровня на общностный.

Любая социальная общность живет и развивается в определенном социальном времени. По мнению Г. Е. Зборовского, «временные аспекты социальной общности столь же непреложны, сколь и пространственные. И те и другие являются обязательными формами ее функционирования» [11, 86]. Социологический подход требует определить:

- 1) какие элементы и характеристики темпоральных стратегий поведения и каким образом теряют свою индивидуальную конфигурацию и становятся типичными для представителей конкретной социальной общности;
- 2) какие социальные общности и в силу каких социальных условий вырабатывают новые темпоральные стратегии, насколько успешно их используют;
- 3) каковы социальные функции темпоральных стратегий поведения и механизмы их реализации.

С позиций социологического подхода, темпоральные стратегии поведения детерминированы социокультурной средой, зависят от демографических, профессиональных и иных характеристик общности, степени ее вовлеченности в общественную деятельность. Объективное социальное время, в котором функционирует социальная общность, и субъективный его образ отражаются в характере и результатах деятельности представителей социальной общности. Вместе с тем темпоральные характеристики общности определяются спецификой различных видов ее деятельности, от которой зависит степень свободы в выборе режима, графика интенсивности действий. Профессиональная, бытовая, досуговая и другие виды деятельности социальной общности имеют свою временную организацию и структуру. Если рассматривать эти виды деятельности в стратегическом аспекте, то необходимо выявить их иерархическую соотнесенность, определяемую, прежде всего, бюджетом времени. Между тем свойства нелинейного социального времени требуют введения других качественных измерителей того или иного вида

деятельности — плотности, интенсивности, напряженности, степени подвижности времени.

Далее рассмотрим в рамках социологического подхода понятие, структуру и типологию темпоральных стратегий поведения. Прежде всего, обратимся к понятию *жизненных стратегий* как к наиболее разработанному в социологии и близкому к понятию темпоральных стратегий поведения. Ю. М. Резник определял стратегию жизни как социально обусловленную, динамическую систему социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующую и направляющую ее поведение в течение длительного времени [17, 102]. К. А. Абульханова-Славская (чьи работы носят не просто социально-психологический характер, но во многом социологичны) напрямую связывала качество и содержание жизненных стратегий личности с временными ресурсами личности и ее способностью оптимально использовать их. Она отмечала: «Только выступая в качестве реального субъекта организации времени своей жизни, человек получает возможность своевременно и адекватно общественным задачам включаться в их решение, соотносить необходимое и свободное время своей жизни как на основании социальных запросов, так и на основании собственных планов, перспектив и т. д.» [1, 129].

Современные исследователи-социологи, интерпретируя понятие жизненных стратегий как сложившихся и устоявшихся форм и способов жизнедеятельности людей, направленных на достижение целей и жизненных смыслов [20], также учитывают темпоральный характер изучаемого феномена. Жизненная стратегия в этом смысле представляет собой динамическую, саморегулирующуюся систему социокультурных представлений о жизни, ориентирующую и направляющую поведение индивидов и группы в течение длительного времени. Она означает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов жизни на ближайшую или долговременную перспективу, их регулирование в соответствии с кардинальным направлением жизни [Там же].

По мнению А. Н. Савиновой, в социальных науках концепция стратегий личности развивается в тесной связи с другими подходами к изучению настоящего и будущего личности — сценарным подходом, концепцией практик и др. [18]. Исследователь выделяет шесть критериев различий между перечисленными понятиями: наличие выбора, планирование действий, наличие цели и гибкости, временная перспектива, рефлексия действий [Там же]. Под стратегией поведения А. Н. Савинова понимает систему ориентаций и мотивов, локализованных в сознании личности, трансформирующихся в устойчивую совокупность осмысленных, рефлексивных действий, выстроенных человеком в определенной последовательности для достижения цели [Там же].

По нашему мнению, темпоральная стратегия поведения представляет собой *систему жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени с целью достижения каких-либо жизненных целей*. Темпоральные стратегии поведения выступают как разновидности жизненных стратегий, формируемых на индивидуальном и групповом уровнях. Фактор времени играет большую роль

в индивидуальной жизни, но особое значение он приобретает в жизни социальных общностей. Групповые темпоральные стратегии поведения не просто характеризуют стиль и образ жизни социальных общностей, степень их адаптированности и успешности в современных условиях. Они задают вектор и скорость их развития, служат маркером специфики социальных общностей, механизмом их образования и внутренней интеграции.

В структуре темпоральных стратегий поведения мы можем обозначить такие элементы, как философия или идеология времени, темпоральные ценности и установки, цели, устойчивые принципы организации деятельности и взаимодействия, способы темпоральной организации жизнедеятельности, темпоральные ориентиры (по модусу времени) и пр. Все структурные элементы темпоральных стратегий поведения объединяются в три блока, которые мы условно выделяем в теоретическом анализе и наблюдаем как синкретичное явление в реальном поведении социальных субъектов (рис. 1).

Рис. 1. Структурные компоненты темпоральных стратегий поведения

Философия (идеология) времени представляет собой результат работы сознания (а возможно, и бессознательного, например, архетипов, ментальных установок). Она отражает ту темпоральную картину мира, которая имеется в обществе, функционирует на уровне общности или складывается в индивидуальном опыте человека. На этой мировоззренческой основе формируются

сложные диспозиционные механизмы выбора темпоральной стратегии поведения — установки, потребности, совокупность жизненных целей и задач, жизненная позиция. Ценность времени определенным образом соотносится с другими ценностями и раскрывается в представлениях о нем. Классическое понимание времени как ресурса, конвертируемого в деньги или власть, как способа накопления и развития человеческого и социального капитала и развития личности по-прежнему актуально и определяет темпоральное поведение многих людей и целых общностей.

Еще более сложную картину мира формируют представления о нелинейном социальном времени. Время приобретает в ней особые динамические свойства — напряженность, разнонаправленность, текучесть и т. д., что, по мнению некоторых исследователей, не совпадает с линейными темпоральными возможностями и способностями большинства людей [15]. Между тем способность почувствовать и рационально выстроить нелинейную темпоральную картину мира позволяет социальным субъектам приобретать новые возможности и реализовывать их при условии использования определенных темпоральных стратегий поведения. С этой точки зрения, для социологического исследования интересны те социальные общности, стратегии поведения которых соответствуют нелинейной темпоральной картине мира и, как следствие, новым требованиям социальной жизни. Актуальность изучения данной проблематики усиливается в условиях становления и развития гражданского общества в России, требующего активной жизненной позиции, самостоятельного выстраивания жизненного пути и одновременно включенности в разнообразные траектории развития социума либо учета их воздействия на жизнедеятельность.

Особенности темпоральных стратегий поведения заключаются в том, что они, помимо восприятия времени и отношения к нему, содержат в себе эмоциональные характеристики, связанные с его переживанием, вызывающим такие состояния, как страхи и надежды. Мы специально рассматриваем эту пару как диаметрально противоположные эмоции, между которыми есть и промежуточные эмоциональные состояния (например, безразличие). В исследовании временных характеристик социальной общности важно помнить, что психологические факторы восприятия социального времени оказывают существенное влияние на особенности ее функционирования [11, 87], прежде всего на ее социальное самочувствие. Страх перед временем, выраженный в боязни перемен, потерь, увеличении различных рисков, затрагивающих как обыденные, так и смысложизненные аспекты бытия, формирует социальный пессимизм. Противоположная эмоция — надежда на перемены к лучшему или на сохранение стабильности, на успешное осуществление в будущем каких либо намерений, мечты, планов — позволяет сохранить и укрепить оптимизм, особенно необходимый в кризисные периоды развития общества. Социальное самочувствие общности отражает баланс двух социальных эмоций (страха и надежды), выявление которого составляет субъективный аспект исследования темпоральных стратегий поведения.

В структуре темпоральных стратегий поведения можно выделить умения и способы организации времени, которые позволяют на уровне повседневной

жизни определять необходимое количество времени и способы его экономии для каждого вида деятельности (например, с помощью методов тайм-менеджмента), а на уровне биографического времени выстраивать различные этапы, периоды жизни, устанавливать оптимальную последовательность жизненных событий [1, 130–131]. Такое понимание организации времени связано с классическими представлениями о природе и свойствах социального времени.

Нелинейная динамика социального времени потребовала не только переосмысления ценности времени, но и способов его регулирования и использования. Новые подходы к организации времени связаны с умением быстрого перехода от одного вида деятельности к другому (мы называем это темпоральной мобильностью), необходимостью сочетания реального и виртуального времени или перехода между ними, готовностью к быстрым, стремительным изменениям темпоральных условий социальной среды и способностью предвидеть их. В условиях «напряженного», мобильного, текущего времени актуализируется проблема навыков компенсаторного поведения, направленного на минимизацию рисков и последствий такого временного режима деятельности, который не конгруэнтен обычным человеческим способностям и возможностям и может нанести урон психическому и физическому здоровью человека.

Темпоральные возможности, которыми обладают представители той или иной социальной общности, определяются не только социальными, но и социально-психологическими факторами – свойствами темперамента, памяти, степенью гибкости/ригидности, способностями к переработке и структурированию информации и т. д. Сознательное увеличение скорости мыслительных процессов и деятельности, эффективные действия в условиях ограниченного времени или хаотичного, неупорядоченного временного режима, интуиция служат основой выстраивания конструктивных темпоральных стратегий поведения. Безусловно, принимая в расчет влияние социально-психологических факторов на темпоральное поведение, мы отступаем от рамок строго дисциплинарного подхода, но приобретаем возможность более глубокого и всестороннего анализа такого сложного явления, как темпоральные стратегии поведения. Тем более что сам объект изучения имеет двойственную социальную и психологическую природу, и в его структуре тесно переплетаются объективные и субъективные характеристики поведения, устойчивое сочетание которых позволяет типизировать темпоральное поведение социальных общностей.

Необходимо заметить, что в социальных науках имеются немногочисленные попытки разработки типологии стратегий поведения с учетом темпорального фактора. Одна из первых была предпринята К. Л. Абульхановой-Славской, которая рассматривает социальное время двояко – и как движущую силу развития субъекта времени, и как стрессогенный фактор. В первом случае желание и необходимость соответствовать темпоральным запросам общества заставляет человека вырабатывать стратегию «опережения», которая характеризуется опережением реального хронологического времени, планированием действий и событий «наперед». Данный тип стратегии относится к группе стратегий активного использования и преобразования времени (главный признак таких стратегий заключается в том, что они становятся основой и условием

развития субъекта, более полной его самореализации) [1, 130]. Вторая стратегия, выделяемая К. Л. Абульхановой-Славской, названа стратегией «запаздывания». Она предполагает пассивное отношение к времени: его перераспределение, плохое структурирование, не позволяющее полно реализовать спектр различных потребностей (в развитии, отдыхе и пр.).

К. А. Абульханова-Славская предлагает также учитывать своевременность действий и выделять ее как один из критериев темпоральной стратегии поведения. Она вводит понятие своевременности как способа координирования и согласования внешних социальных условий и требований к темпоральной организации жизни и собственных потребностей и возможностей субъекта. «Своевременное действие, — пишет она, — осуществляемое ежедневно, становится жизненной практикой, способом существования индивида во времени» [Там же, 131].

В своем диссертационном исследовании М. Б. Маринов анализирует элитарную темпоральную стратегию жизни. Исследователь отмечает, что современное общество делится на две группы людей, реализующих спатальную (пространственную) стратегию жизни, характерную для традиционного общества, и темпоральную, характерную для «мобильного общества», описываемого Дж. - Урри [22]. В идеале темпоральная стратегия в соединении со спатальной образует континуальную стратегию жизни, восстанавливающую целостность человека, придающую смысл его жизни. Но на современном этапе ведущей становится темпоральная стратегия, увеличение значимости которой исследователь связывает с особенностью нового индивидуализированного мира — переходом к самостоятельному проектированию бытия отдельного человека, неопределенности и вероятностному характеру событий и линии жизни [15].

По большому счету, речь идет о влиянии на поведение и жизнедеятельность людей таких свойств нелинейного социального времени, как множественность и вероятностность. Множественность проявляется в существовании различных временных систем, в которых протекает жизнедеятельность социальных субъектов. Они имеют свои точки отсчета, динамические характеристики (темп, ритм, плотность и т. д.), различные возможности сочетания между собой. Вероятностность социального времени выражается в различной степени вероятности наступления событий прошлого, настоящего и будущего. Влияние свойств нелинейного времени на жизнедеятельность не могло быть учтено в отечественных исследованиях 1980–1990-х гг., о которых мы упоминали, а вот в работах 2000-х гг. этот фактор рассматривается в качестве ведущего [5, 15].

М. Б. Маринов, оставаясь в рамках социальной философии, рассматривает только так называемую элитарную темпоральную стратегию как стратегию, ориентированную на будущее. Она формируется и реализуется представителями средних слоев населения современного мегаполиса и, по мнению исследователя, оказывает латентное деструктивное действие на человека (т. е. приводит к снижению продолжительности и качества жизни), поскольку основана на превышении пределов психологических темпоральных возможностей и адаптационных способностей человека.

По нашему мнению, анализ темпоральных стратегий поведения нельзя сводить к исследованию только элитарного типа. Это сужает методологические возможности социологического изучения темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей. На самом деле существует несколько видов темпоральных стратегий поведения, носителями которых выступают определенные социальные общности. Нелинейность социального времени в индивидуализирующемся обществе усиливается за счет появления многообразных как групповых, так и индивидуальных стратегий поведения. При этом мы полагаем, что есть общности, чьи темпоральные стратегии не имеют ни явной, ни латентной деструкции, а, напротив, являются конструктивными и успешными.

В основу социологической типологии мы предлагаем положить два основных критерия — степень активности субъекта в использовании времени и характер его эмоционального переживания (рис. 2). Социальная активность выступает объективным показателем поведения, проявляющимся в наблюдаемых, фиксируемых поведенческих актах. Использование социальных эмоций в качестве показателя поведенческой стратегии не противоречит принципам социологического подхода, а, наоборот, обогащает его возможностью расширения представлений о влиянии на социальное поведение временного фактора через субъективные механизмы. Эмоциональное переживание времени рассматривается в континууме двух социальных эмоций — страха перед временем и надежды на благоприятное развитие событий и завершение изменений. Полус страха образует «поле» социального пессимизма, полюс надежды — «поле» социального оптимизма, баланс которых будет служить типологической характеристикой социальных общностей.

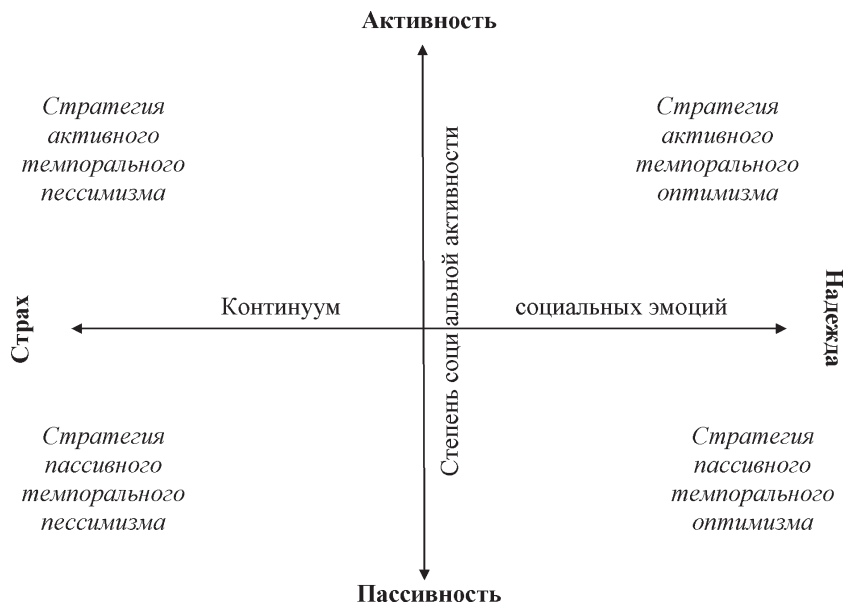

Рис. 2. Типы темпоральных стратегий поведения

На основании названных двух критериев формируются четыре типа темпоральных стратегий поведения, характеризующиеся:

- 1-я — активным темпоральным оптимизмом,
- 2-я — пассивным темпоральным оптимизмом,
- 3-я — активным темпоральным пессимизмом,
- 4-я — пассивным темпоральным пессимизмом.

Активный темпоральный оптимизм проявляется в активном использовании временных возможностей и ресурсов, стремлении и способности к оптимальной организации собственного и, при необходимости, чужого времени. Носители данной стратегии обладают развитыми навыками стратегического, тактического и текущего планирования жизни в целом и ее отдельных сторон. При этом субъекты поведения могут формировать ее осознанно или интуитивно. Такая стратегия базируется на понимании времени как особой ценности, ограниченного, но чрезвычайно мощного ресурса для осуществления многих жизненных целей и задач (достижения жизненного и профессионального успеха, самореализации, получения прибыли, повышения статуса и пр.). Время осознается как особый вид энергии, запускающий в движение и «питающий» практически все жизненные процессы и состояния. Более того, представителям данной типологической группы присуща способность воспринимать время как нелинейное или, по крайней мере, рационально выстраивать соответствующую темпоральную картину мира, учитывая особенности нелинейной динамики социального времени.

Социальные субъекты, формирующие и реализующие такой тип стратегии, одинаково эффективно действуют в условиях как дефицита времени, так и отсутствия такового. Они способны к регулированию скорости, ритма времени, которое находится в их распоряжении, а также к синхронизации его в соответствии с внешними условиями, иногда — к изменению внешних условий в соответствии с собственными темпоральными потребностями. Они могут влиять на носителей иных темпоральных стратегий, адаптируя их к собственным, «заставляя» совмещать и согласовывать их. Темпоральная картина мира представителей данного типа гармонична, динамична, легко, относительно безболезненно претерпевает постоянные трансформации.

Темпоральная активность носителей данной стратегии направлена в будущее и/или настоящее и сочетается с позитивным переживанием времени. Время в его нелинейной конфигурации наполнено для них новыми возможностями и конкурентными преимуществами, которыми они уверенно могут воспользоваться. Динамизм, плотность, многоструктурность темпоральной реальности воспринимается ими как позитивное явление, соответствующее вызовам современности. Адаптируя свое поведение под эти новые темпоральные условия, «активные оптимисты» чувствуют себя современными людьми, шагающими «в ногу с веком» или даже стремящимися обогнать его.

Надежда на лучшее будущее при минимальных проявлениях негативных эмоций (страха, неуверенности, растерянности) характеризует социально-психологическое самочувствие данной типологической группы. Активный темпоральный оптимизм в большей степени присущ людям, стремящимся

к продлению своей физической и интеллектуальной жизни и молодости. Типичной в этом случае является общность научно-педагогических работников, представители которой сохраняют в среднем дольше и физическую форму, и духовный и интеллектуальный тонус. Эта стратегия реализуется также некоторыми слоями бизнес-сообщества.

Второй тип темпоральной стратегии поведения, проявляющийся в *пассивном темпоральном оптимизме*, не предполагает стремления к активному управлению временем и сознательному совершенствованию темпоральных умений и способностей. Течение времени воспринимается представителями данной типологической группы позитивно, как приносящее положительные результаты или, по крайней мере, не ухудшающее положение дел и жизни. Все негативные последствия временных изменений (безвозвратность потерь, невозможность что-либо изменить в ходе времени и т. д.) воспринимаются как нормальные явления, не требующие вмешательства. «Плыть по течению» времени — девиз, соответствующий сущности данной темпоральной стратегии.

Носители пассивного темпорального оптимизма, ориентированные, прежде всего, на сегодняшний день, настоящее, приспосабливаются под внешние темпоральные условия часто с определенными потерями для себя. Но они спокойно могут отказаться от тех целей, на достижение которых у них нет временных ресурсов или которые они не могут реализовать в существующих условиях. Безусловно, такой тип поведения базируется на особом мировоззрении и особой картине мира, в которых видны следы прогрессистского мировидения. В них время выступает механизмом усовершенствования социальной жизни, но только действующим по своим собственным законам, а не по воле человека, что необходимо принимать как данность. Это своеобразная форма презентизма, выражающаяся в позитивной оценке сегодняшнего положения дел и нежелании что-либо активно менять для достижения целей в будущем.

Нелинейность времени обладает для носителей пассивного темпорального оптимизма потенциальными альтернативными возможностями, которые они позитивно воспринимают, но активно не используют. Осознание этих возможностей дает основание для уверенности и оптимизма в отношении будущего, поскольку обеспечивает достижение жизненных целей при минимальных усилиях. По нашему предположению, данный тип стратегии локализуется в тех социальных общностях, временные параметры жизнедеятельности которых заданы внешними условиями (организационными, семейно-бытовыми и т. д.). Кроме того, их возможности самостоятельного распоряжения социальным временем ограничены отсутствием развитых навыков планирования в условиях высокой неопределенности, мобильности, подвижности времени.

Наше предположение подтверждается исследованием И. Шмерлиной, которое показало, что культура самоорганизации плохо развита у людей, живущих по навязанному расписанию [24]. Названные характеристики темпорального поведения, на наш взгляд, присущи определенной части современного

российского студенчества, которое в силу и возрастных, и поколенческих особенностей с большим оптимизмом оценивает настоящее и будущее, но одновременно ограничено в возможности активно формировать его собственными усилиями.

Третья темпоральная стратегия поведения связана с проявлением *активного темпорального пессимизма*. Главный ее признак — ярко выраженное состояние страха перед временем, его динамикой, социальными изменениями и ограниченное проявление надежды на лучшее будущее. Множественность, вероятностность, неопределенность социального времени воспринимается носителями данной стратегии в большей степени как угроза, а не потенциальная возможность. Но при этом в поведении демонстрируется активная позиция в отношении преодоления данного состояния. У носителей названной стратегии сформирована потребность в конструктивном решении проблемы дефицита и неопределенности времени. Они также обладают развитыми навыками организации времени жизни или стремятся к их развитию и реализации в практической деятельности.

Отношение к социальному времени в данной типологической группе связано с пессимистическим взглядом на сущность и последствия любых изменений (по принципу «новое всегда хуже старого»). Тем не менее в сознании сформирована установка на активное преодоление негативных последствий, объективную оценку рисков и планирование допусков (возможных способов минимизации) в их отношении. Фактором, который может препятствовать в определенной степени реализации конструктивного потенциала данной модели темпорального поведения, является состояние страха. Повышенный уровень тревожности, фобии могут привести к выбору радикальных и не всегда успешных форм поведения. Однако нормализованный страх, стимулирующий защитную активность, не мешает трезвому, сознательному выбору форм и способов ее проявления, способствует объективной, осторожной оценке настоящего и будущего и формированию адекватных способов адаптации к ним. Активная жизненная позиция и развитые темпоральные навыки и умения в организации времени отчасти компенсируют негативные последствия социального пессимизма, распространенного в определенных слоях «класса интеллектуалов», в том числе российского бизнес- и научно-педагогического сообщества.

Четвертая темпоральная стратегия поведения основана на *пассивном темпоральном пессимизме*. Она характеризуется отсутствием потребности и/или способности управлять временем и усилением этой установки в условиях нелинейности его социальной динамики. Ярко выраженные негативные эмоции, прежде всего страх в самых разных его формах, купируют возможность построения объективной картины мира в ее темпоральном разрезе. Нелинейное время с его ускорением, интенсивностью, сочетанием различных траекторий и ритмов формирует представления о полном хаосе и неуправляемости миром, собственной жизнью, невозможностью ее планирования на какой-либо даже маленький срок. Отсутствие развитых темпоральных навыков и способностей (к оценке, организации времени или хотя бы приспособлению

личного и внутреннего времени к внешним временным структурам и ритмам) усиливают социальный пессимизм и ухудшают социальное самочувствие.

Пассивность в отношении настоящего и будущего и негативная их оценка и эмоциональное восприятие сопровождаются социальной ностальгией, ориентацией на прошлое, которое известно, определено, а главное – уже безопасно. Чрезвычайно болезненно носители четвертой стратегии воспринимают попытки «переписать», дискредитировать, «стереть» прошлое, так как это их единственная надежная опора в мире неопределенности и текучести. Нужно отметить, что это один из распространенных в российском обществе типов темпоральных стратегий поведения. Он характеризует поведение пенсионеров, маргинальных общностей, социально депривированных слоев населения.

Открытым остается вопрос о степени конструктивности названных темпоральных стратегий. Конструктивность определяется возможностью помочь человеку в реализации его социальных потребностей и целей, повышении адаптационного потенциала и устойчивости к негативным последствиям «текучей современности». Конструктивной, на наш взгляд, является первая стратегия, хотя усиление полюса надежды в виде доминанты утопических представлений или мечты несет в себе риск неадекватных и неэффективных действий.

Средней степенью конструктивности обладают вторая и третья темпоральные стратегии, опять же при условии нормализации эмоционального состояния и переживания времени. Очевидно, деструктивный характер имеет четвертая стратегия, поскольку влечет за собой снижение социальной активности и усиление полюса страха. Деструкция может иметь как явно выраженное, так и латентное проявление и распространяться не только на жизнь отдельного человека, но и целой социальной общности. В качестве примера сошлемся на исследование наркомании как аномальной формы адаптации молодежи, проведенное в 2000-е гг. уральскими социологами [21]. Они полагают, что одной из социальных причин наркотической зависимости в молодежной среде является страх перед неуспешностью и стресс от чрезвычайно быстрых социокультурных изменений. Отсутствие адаптационного потенциала у некоторых групп молодежи приводит к желанию «остановить время», «убежать» от его неумолимого и безжалостного хода. В состоянии наркотического опьянения искажается восприятие собственного времени – оно начинает течь либо очень медленно, либо ускоряется, при выходе из наркотического состояния острота переживания времени также снижается из-за физической и психологической «ломки». В любом случае это приводит к снятию, хотя бы на короткий срок, «темпорального» напряжения. Подобная стратегия поведения чрезвычайно деструктивна и опасна, поскольку развивается по законам социально-психологического заражения и приобретает масштабы национальной катастрофы.

Отдельно следует остановиться на вопросе о распространенности различных типов темпоральных стратегий поведения в российском обществе. Вторичный анализ результатов социологических и социально-психологических исследований показывает, что первый тип темпоральной стратегии формируют и развивают представители инновационных социальных общностей. Среди

них исследователи выделяют особое социальное образование, которое в современном «мобильном обществе» занимает доминирующие позиции в социальной иерархии — «knowledge-class» (в западной литературе) или «класс интеллектуалов» [12]. С этим можно согласиться, тем более что определенные слои данного «класса» образованы представителями научно-педагогического сообщества, для которых проблема времени известна как с профессиональной, так и практической, обыденной стороны.

Названный тип стратегии, несмотря на его эффективность, — наименее распространенный. Если принять за один из признаков данной стратегии особую ценность (и соответственно дефицит) времени, то, по исследованиям И. Шмерлиной, только 10 % россиян можно признать носителями этой стратегии. Для подавляющего большинства россиян время не является остродефицитным ресурсом [24]. Мы предполагаем, что достаточно распространенный первый тип стратегии становится в некоторых слоях бизнес-сообщества, «продвинутые» представители которого владеют методами тайм-менеджмента и стратегического планирования собственной жизни и личностного развития. Исследование, проведенное под руководством М. К. Горшкова в 2006 г., показало выраженность тенденции индивидуализации в средних слоях городского населения, что позволяет сформулировать гипотезу о формировании новых темпоральных стратегий поведения, инновационных для российского общества, именно в среде городского среднего класса [9, 87].

Стратегии пассивного оптимизма и пассивного пессимизма имеют общий признак — отсутствие развитых навыков организации времени. Исследование И. Шмерлиной показывает, что большинство россиян по-прежнему не умеют организовать такой вид личного времени, как свободное, а 19 % не удовлетворены его качеством [24]. А самое главное — отсутствует понимание ценности и возможностей данного временного ресурса.

Более серьезного, глубокого эмпирического исследования требует темпоральное поведение религиозных общностей, которое укладывается в рамки второй и третьей стратегий в зависимости от эсхатологической картины мира, формируемой религиозной традицией и современным религиозным сознанием.

В качестве вывода мы хотели бы отметить, что предложенные модель и типология темпоральных стратегий поведения основываются на новом понимании социального времени, приобретающего в современном обществе свойства нелинейности и усиливающего свое влияние на все стороны социальной реальности. Введение в социологическое исследование такого показателя темпорального поведения, как социальные эмоции, углубляет представление о субъективных аспектах изучаемой проблемы, интегрирует возможности социально-психологического (личностного) и социологического (общностного) подходов.

1. *Абульханова-Славская Л. К.* Стратегия жизни. М., 1991.

2. *Абульханова-Славская Л. К., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб., 2001.

3. *Анциупов А. Я., Шитлов А. И.* Словарь конфликтолога. СПб., 2006.
4. *Бауман З.* Текущая современность. М., 2008.
5. *Березина Т. Н.* Время как вероятность // Мир психологии. 2011. № 3. С. 30–43.
6. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.
7. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2005.
8. *Головаха Е. И., Панина Н. В.* Социальное безумие: история, теория и современность. Киев, 1994.
9. Городской средний класс в современной России : аналит. докл., подгот. в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Рос. Федерации. М., 2006.
10. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб., 2008.
11. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009.
12. *Иноземцев В. Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социол. исслед. 2000. № 6. С. 67–77.
13. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/index.php (дата обращения: 29.06.2012).
14. *Кравченко С. А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социол. исслед. 2012. № 5. С. 19–29.
15. *Маринов М. Б.* Стратегия жизни в индивидуализирующемся обществе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2008.
16. *Марищук В. Л.* Особенности поведения человека в экстремальных условиях // Психология и педагогика, военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. СПб., 1997.
17. *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненные стратегии личности // Социол. исслед. 1995. № 12. С. 98–104.
18. *Савинова А. Н.* Стратегии поведения выпускников вузов на рынке труда : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2006.
19. *Сивирин Б. С.* К вопросу об особенностях конструктивно-необходимого понятия «социальное время» в социологии // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очеред. Всерос. социол. конгр. Сессия 2. XIV Харчевские чтения: Измерения социологического знания. Уфа, 2012.
20. *Сорокина Е. С.* Жизненные стратегии молодой семьи: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
21. *Талалаева Г. В., Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т.* Наркомания: аномальная форма адаптации молодежи. Екатеринбург, 2007.
22. *Урри Дж.* Мобильность. М., 2012.
23. *Цуканов Б. И.* Время в психике человека. Одесса, 2000.
24. *Шмерлина И.* Свободное время — навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 8. С. 5–31.

Статья поступила в редакцию 24.09.2013 г.

УДК 316.73 + 316.723 + 37.01

О. В. Власова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР И ОБРАЗОВАНИЯ*

Описаны основные социальные практики взаимодействия молодежных субкультур и образования; рассмотрено отношение участников молодежных субкультур к формальному образованию; проанализированы социальные практики неформального образования участников молодежных субкультур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежная субкультура; социальные практики; взаимодействие; формальное образование; неформальное образование.

В широком спектре социальных вопросов, которые сегодня волнуют общество, заметное место занимают проблемы молодежи и ее образования. Это достаточно широкий круг проблем, и в его рамках существуют более узкие направления. Одно из них — изучение социальных практик взаимодействия молодежных субкультур и образования. Особый интерес вызывают проблемы регуляции поведения участников молодежных субкультур и включения их в институционально приемлемые формы взаимодействия в социуме, создания комфортных и благоприятных условий для их функционирования в конкретной социальной среде, использования ресурсов формального и неформального образования [2, 198] для обучения представителей молодежных субкультур.

Образование является существенным компонентом процесса функционирования молодежной субкультуры, оно оказывает влияние на формирование мировоззрения, на определение жизненной и гражданской позиции представителей молодежных субкультур. Сформировавшаяся в большинстве молодежных субкультур потребность в постоянном получении нового знания зачастую является стимулом для получения образования. Остановимся подробнее на анализе социальных практик взаимодействия молодежных субкультур и образования.

С целью изучения заявленной проблемы было проведено социологическое исследование «Жизненные ценности учащейся молодежи ХМАО-Югры». Использовались такие методы эмпирического исследования, как анкетирование учащихся 8–11-х классов¹ (объем выборки составил 1632 человека), глубинное интервью с участниками молодежных субкультур в возрасте от 18 до

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

¹ В исследовании применялась стратифицированная выборка с пропорциональным размещением. Для расчета объема выборочной совокупности в целом и выборки по стратам была использована статистическая информация о муниципальных образовательных учреждениях ХМАО-Югры. Далее была реализована двухступенчатая выборка. На первой ступени случайным образом были отобраны школы из общего списка школ в выбранных населенных пунктах. На второй ступени отбирались классы (был осуществлен гнездовой отбор).

30 лет (количество опрошенных — 60 человек). В ходе исследования было выявлено, что 498 человек являются участниками каких-либо молодежных субкультур, что составляет 30,5 % от общего числа опрошенных. К числу наиболее распространенных молодежных субкультур относятся: гламур (22,5 %), хип-хоп (20,4 %), гопники (18,7 %), аниме (15,7 %) и рокеры (8,1 %)².

Отметим, что социальные практики формального образования представителей молодежных субкультур в возрасте от 18 до 30 лет изучались на основе глубинных интервью, анализ которых позволил нам получить информацию не только о конкретном участнике молодежной субкультуры, но и о широком круге его товарищей и друзей, включенных в субкультуру. Это послужило основанием для выводов и воспроизведения результатов обобщающего характера.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что все представители молодежных субкультур, принявшие участие в исследовании, имеют формальное образование, но разного уровня: одни — высшее образование, другие — среднее профессиональное, третьи — среднее (полное) общее образование. Представители молодежной субкультуры гламур получают, как правило, высшее образование. Для участников молодежной субкультуры хип-хоп характерно среднее (полное) общее образование, среднее профессиональное образование, высшее образование. При этом доминирует среднее профессиональное образование. Гопники имеют среднее (полное) общее образование, среднее профессиональное образование, редко — высшее образование. Для представителей молодежной субкультуры аниме типично среднее (полное) общее образование, среднее профессиональное образование и незаконченное высшее образование. Для рокеров северного города характерно среднее (полное) общее образование, среднее профессиональное и редко — высшее образование.

Характеризуя тех представителей молодежных субкультур, которые продолжают получать формальное образование в вузах и ссузах, мы должны отметить влияние их включенности в молодежную субкультуру на процесс обучения. Особенно это влияние касается представителей субкультур гламур, аниме и рокеров. В ходе их интервьюирования выяснилось, что они проявляют определенную заинтересованность в получении формального образования. Чаще всего участники рассматриваемых субкультур интересуются разными проблемами в области таких наук, как философия, психология, история, культурология, история религий, нередко они самостоятельно изучают иностранные языки.

Представители молодежной субкультуры хип-хоп и гопники демонстрируют двойственное отношение к формальному образованию. С одной стороны, система формального образования расценивается ими как способ подавления человека, формирующий угодный властям тип личности.

Антон, 21 год: «Да мозги тебе промывают, и все, никакого образования. Лично меня ничему не учат. Всему сам учишься. Учителя пытаются подогнать под общий уровень, чтобы получились все одинаковые, чтобы управлять было легче. Им не нравятся, когда кто-то высовывается».

² Процент к числу ответивших (общее количество — 498 человек).

С другой стороны, участники рассматриваемых молодежных субкультур отмечают, что формальное образование является обязательным условием успешного существования в современном обществе.

Алена, 21 год: «Наличие диплома об образовании сейчас необходимо, иначе ты просто никуда не устроишься».

Рассматривая влияние молодежных субкультур на выбор их участниками сферы будущей профессиональной деятельности, следует отметить, что они ориентированы на получение профессий, так или иначе связанных с деятельностью в рамках своей субкультуры.

Участники молодежной субкультуры гламур выбирают социально одобряемые и «модные» профессии, среди которых менеджеры, экономисты, юристы и т. д. Представители субкультуры хип-хоп ориентированы на получение творческих профессий: режиссер, организатор работы с молодежью, менеджер социально-культурной деятельности. Гопники чаще всего получают профессии, связанные с эксплуатацией и обслуживанием оборудования. Представители молодежной субкультуры аниме демонстрируют интерес к творческим профессиям, связанным с основными видами деятельности в рамках субкультуры. К группе этих специальностей можно отнести дизайн, социально-культурную деятельность, изобразительное искусство. Рокеры проявляют интерес к профессиям гуманитарного профиля, и прежде всего в сферу их интересов попадают такие предметные области, как история, философия, культурология. Выбор той или иной сферы профессиональной деятельности обуславливается образовательными интересами участников молодежных субкультур и возможностью получения выбранной профессии.

Перейдем к рассмотрению социальных практик неформального образования и их влияния на молодежные субкультуры.

Понятие неформального образования рассматривается нами в контексте непрерывного образования, которое осуществляется в рамках институтов гражданского общества. Последнее предполагает систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и межличностных отношений, которые создают условия для самореализации личности и отдельных коллективов [1, 374]. Мы рассматриваем молодежную субкультуру как одну из структур гражданского общества. Сущность субкультуры как элемента гражданского общества сводится к тому, что она дает возможность и право выбора молодому человеку той сферы деятельности, которая ему интересна. При этом муниципальные властные структуры должны, по нашему мнению, понимать специфику функционирования молодежных субкультур и способствовать созданию необходимого социального пространства для позитивной самореализации их участников, не оказывая на них идеологического давления.

Основными свойствами неформального образования являются: 1) отсутствие единых, в той или иной мере стандартизированных требований к результатам обучения; 2) осуществление образовательного процесса через активное и непосредственное личное участие в нем; 3) интерактивность

участников процесса обучения; 4) направленность на пополнение знаний и умений в интересующем направлении деятельности молодежной субкультуры [3, 313–314].

Другими словами, речь идет о стремлении расширить культурный кругозор или приобрести знания и умения, необходимые для успешного функционирования в рамках субкультуры, в сфере межличностных отношений, для участия в различных видах деятельности молодежной субкультуры.

Неформальное образование является важной составной частью функционирования молодежной субкультуры, помогает ее участникам осваивать новые социальные роли, способствует их развитию в рамках выбранных направлений. Уровень неформального образования и способы его получения зависят от уровня формального образования участников молодежных субкультур. Две рассматриваемые формы образования непосредственно связаны друг с другом и оказывают влияние на развитие и функционирование молодежной субкультуры в северном городе.

Мы выделяем следующие практики неформального образования в рамках молодежных субкультур в зависимости от способа получения необходимых знаний: 1) *индивидуальные*, представляющие собой несистематизированное обучение и стихийное освоение знаний и навыков путем индивидуального усвоения информации; 2) *коллективные (групповые)*, выступающие как образовательная деятельность неформального характера, направленная на демонстрацию повседневных практик участников молодежных субкультур с целью распространения знаний, необходимых для успешного функционирования в их рамках. Выделяются также *творческие* практики неформального образования, результатом которых являются лично значимые творческие продукты, и *воспроизводящие*, способствующие выработке общей модели поведения и ее воспроизводству в рамках молодежной субкультуры.

Отмечая наличие различных практик неформального образования в молодежных субкультурах, укажем, что индивидуальные способы получения неформального образования характерны для участников молодежных субкультур гламур, хип-хоп (диджеинг и граффити), аниме. Гопники, рокеры и представители хип-хоп культуры, прежде всего рэперы и брейк-дансеры, чаще выбирают коллективные практики неформальной образовательной деятельности. Творческий характер неформального образования присущ больше представителям молодежных субкультур аниме, гламур, хип-хоп и рокеров, так как деятельность в рамках рассматриваемых субкультур предполагает производство лично значимого творческого продукта. Воспроизводящий характер неформального образования чаще проявляется в деятельности участников молодежной субкультуры гопников, поскольку знания, полученные в рамках этой субкультуры, необходимы ее участникам для регуляции своего поведения в ней. Мы пришли к этому выводу, изучив материалы глубинных интервью с участниками представленных молодежных субкультур.

При этом нами была обнаружена следующая тенденция: участники молодежной субкультуры с низким уровнем формального образования чаще выбирают коллективные практики неформальной образовательной деятельности,

носящие воспроизводящий характер. Это объясняется тем, что процесс группового усвоения знаний требует меньших интеллектуальных усилий, чем индивидуальные практики. Таким образом, неформальное образование участников молодежной субкультуры ложится на базу формального образования и влияет на характер функционирования молодежной субкультуры.

Рассматривая влияние неформального образования на участников молодежной субкультуры, мы должны отметить, что она выступает для них референтной группой, т. е. представляет собой реальную социальную общность, с которой молодой человек себя соотносит как с эталоном и на нормы, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении и самооценке. Неформальное образование, в свою очередь, имеет ненормативный характер и выражается через ценности субкультуры, которые транслируются через этот вид образования участникам молодежных субкультур. Это означает, что они воспринимают друг друга в качестве «значимых других» [4, 75]. Другими словами, молодые люди ориентируются на мнение и оценки «своих», которые оказывают наиболее существенное влияние на формирование их мировоззрения. Влияние «значимого другого» происходит благодаря стремлению молодого человека к принятию и исполнению определенной роли внутри молодежной субкультуры.

Поскольку проблемы формального образования не требуют специального рассмотрения (в литературе они неоднократно были отражены), мы остановимся на вопросах, касающихся основных практик получения неформального образования в молодежных субкультурах.

Для представителей молодежной субкультуры гламур характерны индивидуальные практики неформального образования, так как их жизненные интересы, индивидуально-познавательные потребности дают им возможность осуществлять индивидуальный поиск способов удовлетворения своих познавательных интересов.

Среди основных индивидуальных практик неформального образования в рамках молодежной субкультуры гламур респонденты отмечают следующие: просмотр фильмов, чтение книг, глянцевого журналов, использование сети Интернет.

Евгения, 19 лет: «В основном все сама ищу. Модные новинки, эффективные диеты, упражнения, которые позволяют держать себя в форме. Советы по уходу за волосами и кожей. Во-первых, Интернет всегда помогает найти все, что нужно. Во-вторых, журналы. Я постоянно покупаю Cosmopolitan, там есть все, что мне надо. Он как моя настольная книга. Покупаю его каждый месяц и слежу за всеми изменениями».

Групповые практики неформального образования также распространены среди участников молодежной субкультуры гламур и являются значимыми в процессе получения ими новых знаний. Участники этой субкультуры совместно посещают выставки, обсуждают основные модные тенденции и новинки индустрии моды, косметологии, фитнеса.

Елена, 20 лет: «Мы вместе с девчонками ходим на выставки, в театр, в кино. Часто собираемся в кафе или у кого-нибудь дома обсудить новинки. Рассказываем друг другу о диетах, упражнениях, косметике».

Представителям рассматриваемой молодежной субкультуры присущ творческий характер неформального образования, результатом которого является приобретение участниками субкультуры лично значимых знаний и умений в интересующих их сферах деятельности. Накопленные знания позволяют им производить творческий продукт в виде фотографий, самостоятельно сконструированной одежды, макияжа и т. д.

Участники молодежной субкультуры хип-хоп выбирают практики неформального образования в зависимости от сферы деятельности внутри субкультуры. Диджеи и графферы чаще демонстрируют индивидуальные практики, в основном это самообразование посредством использования сети Интернет, просмотр тематических фильмов и телепередач, общение с представителями своего направления на форах, в блогах и социальных сетях.

Владимир, 22 года: «Я всему сам учился, особенно сводить музыку, делать столичный продукт. Сам нашел программу в Интернете, за советом обращался к другим диджеям. Находил их просто в социальных сетях, добавлялся и задавал им интересующие меня вопросы».

Рэперы и брейк-дансеры предпочитают групповые практики неформального образования, это объясняется тем, что сама деятельность в рамках выбранного направления предполагает наличие команды единомышленников. Участники молодежной субкультуры хип-хоп констатируют наличие следующих коллективных практик неформального образования: совместное написание музыки и текстов песен, прослушивание музыки других рэп-исполнителей, обсуждение основных тем творчества исполнителей хип-хоп музыки, постановка танцев.

Алена, 21 год: «Нет, одна я ничего не смогу. Мы же все вместе придумываем все движения, композиции в танце, и это просто смешно будет без них. Конечно, каждый из нас занимается дополнительно, но мы делимся друг с другом, кто чему научился. Я вообще бы хотела открыть свою школу танца, ну такую неформальную, чтобы там не было руководителей, а все свои были, чтобы всем было комфортно. Чтобы танцы сами собой рождались, в процессе общения. Типа смотри, как я умею, и понеслась. Так ведь по-настоящему на улицах танцуют».

Для представителей молодежной субкультуры хип-хоп характерно творческое неформальное образование. Участники рассматриваемой субкультуры производят творческий лично значимый продукт, который выражается в танцах, песнях, музыке, картинах, уличных рисунках и т. д. Каждое направление молодежной субкультуры хип-хоп требует набора определенных знаний неформального креативного характера, без которых невозможно творчество в рамках выбранного направления.

Для представителей молодежной субкультуры гопников характерны практики неформального образования, приводящие к выработке общей модели поведения и ее воспроизводству в рамках молодежной субкультуры. Знания, полученные в субкультуре гопников, носят несистематический характер и не требуют специального творческого воплощения. Для гопников характерны преимущественно групповые практики неформального образования, так как процесс группового усвоения знаний требует меньших интеллектуальных

усилий, чем индивидуальный. Среди основных групповых практик неформального образования в рамках молодежной субкультуры гопников участники отмечают следующие: демонстрация личного опыта, обучение сленгу, решению конфликтных ситуаций.

Михаил, 18 лет: «Мне все объяснили, как надо себя на встречах вести, как говорить. Сначала просто так меня брали, ну мол, смотри, учись, а потом и сам стал на встречи ходить».

Участники молодежной субкультуры аниме имеют высокий уровень формального образования, что помогает им использовать как индивидуальные, так и коллективные практики неформального образования. Деятельность представителей молодежной субкультуры аниме строится на постоянном совершенствовании знаний в выбранном направлении. Они называют следующие индивидуальные образовательные практики: просмотр фильмов, чтение специальной литературы, самостоятельное изучение особенностей японского образа жизни, изучение японского языка, особенностей рисования манги (комикса); среди коллективных практик «анимешники» выделяют совместное изготовление косплеев (костюмов любимых персонажей комиксов или мультфильмов), объединение в «кланы» для совместного изучения норм и ценностей японской культуры, изучение иностранных языков, общение с носителями языка в социальных сетях.

Ксения, 21 год: «Я сама учу японский язык. Мне нравится понимать манги на языке оригинала, это трудно очень, но зато я уже могу понимать и смотрю мультфильмы на японском. Специально скачиваю и смотрю именно на языке. Мне интересны эмоции, чувства, интонации, их, к сожалению, в переводе на русский язык не передать. А вот когда мне захотелось сшить косплей, я собрала девчонок, и мы стали все делать вместе. Потому что мне нужно было научиться шить, чего я не умела. Мы обращались за помощью к анимешникам из других городов, где это более развито, чем у нас. Ну и получилось, сейчас и других научить могу».

Представителям молодежной субкультуры аниме присущ творческий характер неформальной образовательной деятельности, в результате которой они накапливают знания и навыки самостоятельной, креативной, познавательной деятельности, позволяющие им совершенствовать свое представление о японской культуре.

Рокеры имеют относительно высокий уровень формального образования, но, несмотря на это, предпочитают коллективные практики неформального образования. Эта тенденция объясняется постоянным сотворчеством в рамках музыкальной группы. Неформальное образование рокеров носит творческий характер, результатом которого является лично значимый творческий продукт (музыка, песни, стихи и т. д.).

Представители молодежной субкультуры рокеров среди коллективных практик выделяют следующие: обучение игре на музыкальных инструментах в рамках молодежной субкультуры, когда участники субкультуры выступают друг для друга в роли наставников; обсуждение книг, фильмов, политических новостей; изучение иностранных языков.

Антон, 20 лет: «Я многому научился здесь, в школе рока, мне интересно приходить сюда каждый день и заниматься. Ну и быстрее как-то получается».

Среди индивидуальных практик неформального образования рокеры выделяют: чтение специальной литературы о выбранном жанре рок-музыки, чтение художественной литературы, самостоятельное изучение истории, культуры, традиций русского народа, изучение иностранных языков, чаще всего по текстам песен любимых исполнителей, совершенствование игры на музыкальном инструменте.

Яна, 21 год: «Ну, естественно, я сижу ВКонтакте, вот, ну так если меня что-то интересует, обучение на ударной установке, надо найти какие-то новые ритмы и т. д., это можно все ввести в Яндекс. Тут же он выдаст тебе список сайтов. Но на каком-то конкретном сайте не сижу, в основном я многое нахожу ВКонтакте, потому что там очень просто это все делается. Там уже есть группа, в которую тебе чуть ли не каждый день скидывают всякие новости, видеоуроки и т. д.».

Таким образом, анализ социальных практик взаимодействия формального и неформального образования и представителей молодежных субкультур позволяет нам констатировать наличие тесной связи между рассматриваемыми явлениями и дает основание сделать следующие выводы в отношении формального образования: представители молодежных субкультур по-разному относятся к формальному образованию; для многих оно потеряло свою привлекательность в связи с тем, что не удовлетворяет их образовательные потребности; молодые люди ищут альтернативные способы самореализации в рамках деятельности молодежной субкультуры.

Что касается неформального образования, то оно является значимой составной частью функционирования молодежной субкультуры, помогает ее участникам осваивать новые социальные роли, способствует их развитию в рамках выбранных направлений. Как показал анализ, выбор практик неформального образования в молодежных субкультурах северного города зависит от ряда факторов: жизненных интересов их участников; индивидуально-познавательных потребностей представителей субкультур; уровня их формального образования.

-
1. *Омельченко Е. Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.
 2. Современная социология образования. Ростов н/Д, 2005.
 3. Социология молодежи : энцикл. словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М., 2008.
 4. *Haller A.* Significant others // Amer. Sociol. Rev. 1953. № 2.

Статья поступила в редакцию 10.10.2013 г.

УДК 316.1 + 316.42 + 316.462 + 316.728

Г. Е. Зборовский

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И ИХ ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

Обосновывается необходимость исследования социальных общностей. Дается авторское понятие социальной общности, обозначаются ее основные признаки. Социальные общности, их образ жизни и повседневные практики рассматриваются сквозь призму временных характеристик основных видов деятельности. Обращается особое внимание на такие структурные элементы социального времени, как рабочее и вне рабочее, учебное и вне учебное, свободное время, досуг.

Ключевые слова: социальная общность; социальное время; основные виды деятельности; рабочее время; вне рабочее время; свободное время; досуг; бюджет времени; образ жизни.

В последние годы проблема социальных общностей занимает прочные и устойчивые позиции в ряду наиболее актуальных направлений социологии – как зарубежной, так и отечественной. Этому способствуют предпринимаемые рядом исследователей, в том числе и автором данной статьи, попытки анализа социальных общностей в качестве предметного поля социологии [1, 116–125].

Для начала зададимся вопросом: где, в каких социальных структурах и образованиях реально живут люди? Традиционный ответ имеет характер аксиоматической констатации: люди живут в обществе. Но он мало что дает для понимания широкого круга жизненных проблем. Сказать, что люди живут в обществе, значит не сказать ничего определенного. Ведь общество – это реалия предельно широкого порядка, зачастую превращающаяся в абстракцию. Чтобы осмыслить ответ на поставленный вопрос, нужно спуститься с абстрактных теоретических высот общественного бытия на иной, более ограниченный и приземленный его уровень. И тогда мы обратимся к реальности более конкретной, чем общество вообще. Этой реальностью являются социальные общности.

В действительности (в первую очередь) человек живет не в обществе, а в социальных общностях. Они охватывают всю его повседневную и иную жизнедеятельность во всех ее многообразных проявлениях. Люди общаются, учатся, работают, отдыхают, занимаются повседневными делами, решают свои проблемы, прежде всего, в конкретных социальных общностях – семье, трудовом и учебном коллективе, группах родственников и компаниях друзей, объединениях

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovskiy@gmail.com).

по интересам, спортивных командах, сообществах территориального и этнического характера и т. д. В своей совокупности бытование именно в данных общностях и позволяет складываться представлениям индивидов об обществе.

Это вовсе не означает того, что люди за социальными общностями, в которые они включены, не видят ничего другого. Они прекрасно понимают, что есть государственные, экономические, политические и иные структуры, различные их органы и организации, которые в определенном смысле слова тоже выступают в качестве социальных общностей. В их деятельности люди также принимают участие. Но индивиды не воспринимают их как «свои» общности. Для них именно эти структуры и есть общество, то, что в определенном смысле слова «противостоит» их социальным общностям, которые существуют не только в реальности, но и в сознании выступают как такие социальные образования, которые сближают, скрепляют, делают солидарными людей в рамках определенных групп.

Чем более многообразными (и в количественном, и в качественном отношении) оказываются сами эти социальные общности, тем более насыщенной и полной становится жизнь людей, включенных в их деятельность. Уровень «социальности» личности, т. е. ее включенности в систему социальных связей и отношений, определяется во многом тем, в каких (по количеству, содержанию, направленности) социальных общностях функционирует индивид.

Социальная общность оказывается своеобразным соединительным механизмом, реальным связующим звеном между личностью и обществом. Изучение и знание этого механизма позволяет, с одной стороны, конкретизировать общество, которое зачастую представляется людям в обыденной, повседневной жизни достаточно абстрактным образованием, с другой — выявить возможности собственной интеграции в целый ряд процессов через деятельность различных социальных общностей и участие в ней.

Чем крупнее по объему, количеству людей в ней социальная общность, тем слабее оказываются внутренние связи между ними и менее заметными — некоторые признаки (в частности, пространственно-временного плана), которыми данная общность характеризуется.

Социальные общности, при всей своей относительной стабильности, достаточно динамичны. Их внутренними изменениями, а также появлением новых социальных общностей во многом объясняется динамизм общества. Новые типы социальных общностей создаются как внутри отдельных стран, так и в рамках их международного сотрудничества, что является рефлексией происходящих «здесь и сейчас» значимых процессов экономического, политического и иного характера. Но необходим и прогноз появления новых социальных общностей, что делает вполне уместной постановку вопроса об усилении динамизма общественного развития.

Исследователи все чаще обращают внимание на социальные общности, которые ранее не были в створе интересов теоретико-социологического анализа. К их числу можно отнести и старые, и новые типы социальных общностей: различные оппозиционные объединения и ассоциации, террористические организации, криминальные сети, мафиозные кланы, корпоративные структуры,

социальные движения, «группы давления», сообщества протестного характера, появляющиеся в связи с какими-либо событиями и процессами, и т. д. Для названных общностей характерны скоординированные, сфокусированные, сосредоточенные, целенаправленные, намеренные действия коллективных субъектов, которые сочетаются с индивидуальной активностью их членов.

В целом под социальной общностью мы будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов.

Социальные общности определяются наличием: социальной связи и взаимодействия между людьми, в них находящимися и идентифицирующими себя с этими общностями; ряда общих черт жизни и деятельности членов социальных общностей; экономических, социальных, политических, культурных, символических ресурсов; социальной солидарности между членами общностей и т. д. [1, 102–110]. Среди характеристик социальных общностей одно из важных мест принадлежит по праву тем, что связаны с социальным временем (наряду с пространственными детерминантами социальной общности).

Отсюда вытекает наше базовое суждение о том, что социальные общности следует рассматривать как локализованные в социальном времени. Последнее выступает как форма бытия социальных общностей, являющаяся необходимым условием человеческой деятельности, ее структурной расчлененности и исторического развития с учетом продолжительности общественных процессов. В этом определении выражено стремление соединить горизонтальный и вертикальный срезы социального времени посредством связи структурного и исторического подходов к деятельности социальных общностей.

Любая социальная общность, взятая как порознь, так и во взаимосвязи с другими общностями, локализует свою историческую и актуальную деятельность в социальном времени. Не будем забывать о том, что социальные общности являются исторической реальностью, осмысление которой поэтому должно охватывать основные этапы их развития. Выразить эти этапы и показать тем самым специфику изменения социальной общности можно только с помощью фактора времени.

Социальное время может быть рассмотрено как единство целостности и расчлененности. Оно целостно постольку, поскольку вся жизнь социальной общности проходит в изменениях, характеризующихся временными параметрами — длительностью, продолжительностью, последовательностью, чередованием, ритмом и т. д. Вместе с тем социальное время расчленено, дифферен-

цировано, структурировано. В этом находит свое отражение феномен рассеяния жизни социальных общностей по сферам, видам деятельности, процессам, отношениям и т. д.

Временная характеристика социальной общности связана, конечно же, с продолжительностью ее существования, что является, кстати сказать, одним из критериев классификации общностей (длительно существующие, создающиеся на небольшой срок и т. д.). Временные аспекты социальной общности так же непреложны, как и пространственные. И те и другие являются обязательными формами ее функционирования.

Сроки, продолжительность существования социальной общности влияют на степень ее устойчивости и восприятия этой устойчивости членами общности. Стабильность и фундаментальность социальной общности формируют у ее членов уверенность в поддержании сложившихся отношений, социального порядка, своеобразное чувство оптимизма. Вместе с тем сохранение длительных сроков существования некоторых социальных общностей вызывает у отдельных категорий людей пессимизм и неверие в возможность позитивных преобразований существующих социальных порядков (например, многолетнее пребывание у власти политической партии, полностью подчиненной авторитарному режиму). Поэтому психологические факторы восприятия временных параметров социальной общности не могут не оказывать влияния на особенности ее функционирования.

Временные характеристики социальной общности являются показателем определенной тесноты и плотности внутриобщностных отношений. Общая тенденция состоит в том, что чем продолжительнее период функционирования социальной общности, тем более тесными и плотными являются отношения и взаимодействия внутри нее.

Вместе с тем вполне уместна и иная позиция, в соответствии с которой может быть проведена определенная аналогия между живым организмом и социальной общностью. Эта аналогия тем более оправдана, что саму социальную общность целесообразно рассматривать в качестве живого организма. Смысл же аналогии в том, что, как и любой живой организм, социальную общность можно характеризовать сквозь призму прохождения фаз (стадий) рождения, становления, функционирования, старения, умирания.

Стало быть, при таком подходе временные параметры социальной общности приобретают циклическую форму. Однако это означает тенденцию не только усиления плотности и тесноты внутриобщностных связей и взаимодействий по мере увеличения сроков функционирования социальной общности, но и возможного ослабления названных отношений.

Благодаря социальному времени возникает возможность совершенно специфической локализации социальных общностей не в историческом, а в актуальном плане. Прежде чем говорить об особенностях этой локализации, обратим внимание на то, как связаны социальные общности со «своим» временем, что выступает в роли посредника между ними. На такую роль может претендовать только то, что подлечит самой многообразной структурной расчлененности. В обществе есть лишь один подобный «претендент» — деятельность

различных социальных общностей. Рассмотрим ее временную структурированность.

Сразу отметим, что здесь мы не будем затрагивать вертикальную разновидность структуры социального времени, имеющую диахронический (хронологический) характер и предполагающую рассмотрение его особенностей и элементов на различных этапах исторического развития. Охарактеризуем лишь одной фразой исторический путь, который «прошло» социальное время, прежде чем оно «достигло» нашей эпохи: от цельности, нерасчлененности, синкретизма социального времени общностей в условиях первобытной эпохи, где только намечалось его разделение на время труда и время досуга, к четкой дифференциации рабочего и внерабочего, в том числе свободного, времени социальных общностей в индустриальном обществе.

Далее речь пойдет о горизонтальной (конхронической) структуре социального времени социальных общностей. Она состоит из элементов, внутренне связанных между собой на основе принципа дифференциации жизнедеятельности социальных общностей на главные виды их деятельности — производственную и внепроизводственную. Этой дифференциации соответствует расчлененность социального времени на рабочее и внерабочее время (составная часть последнего — свободное время), которая выступает как объективная необходимость обеспечения условий существования социальных общностей, удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Поскольку потребности членов общностей связаны между собой, постольку и виды деятельности, направленные на их удовлетворение, и элементы (структуры) социального времени, являющиеся необходимым условием осуществления деятельности, оказываются между собой в тесной связи и зависимости.

Следует отметить, что в обществе существует ряд структур социального времени. Некоторые из них обусловлены спецификой социальной общности, которая выступает в качестве субъекта социального времени. Так, если речь идет об обучающихся (школьниках, студентах и т. д.), то основными элементами их социального времени является учебное и внеучебное (в рамках последнего — и свободное) время. Для социальных общностей, занятых производственной деятельностью, характерными являются другие элементы социального времени — рабочее и внерабочее (в рамках последнего — и свободное) время. Очевидно, что иные временные структуры будут характеризовать жизнедеятельность таких социальных общностей, как дошкольники, пенсионеры и др.

Названия структурных элементов социального времени определяются и спецификой наук, изучающих его. Так, педагогика не оперирует понятиями рабочего и внерабочего времени, обращаясь лишь к учебному и внеучебному времени, а, скажем, наука трудового права выделяет в качестве своих узловых понятий время труда и время отдыха.

Далеко не все социальные общности вписываются в подобные временные структуры. К примеру, относительно этнических общностей, равно как и социально-территориальных, они не «работают» вообще. Там должны быть применены иные критерии. Для многих социальных общностей основанием структурирования социального времени является удовлетворение основных групп

потребностей — физиологических, бытовых, социальных, физических, интеллектуальных и т. д. Но о каких бы структурах социального времени ни шла речь, каждая из них, рассмотренная в рамках социологического анализа, способна дать четкое «количественное» представление о специфике образа жизни данной социальной общности, особенностях ее функционирования в сравнении с другими (сопоставимыми) общностями.

Этому способствует то обстоятельство, что временные характеристики социальной общности могут быть выявлены и под совсем иным, сугубо социологическим и эмпирическим углом зрения. Здесь на помощь приходит количественный метод социологического исследования, связанный с изучением бюджетов времени. Таким образом становятся известными количественные затраты времени на те или иные виды деятельности. Соотношение временных расходов на них составляет бюджет времени, выступающий своеобразным количественным и структурным эквивалентом образа жизни той или иной социальной общности, прежде всего такой ее разновидности, как групповая общность.

Бюджет времени — это распределение времени суток, недели, месяца, года (суточный, недельный, месячный, годовой бюджет) по различным видам деятельности. Его изучение дает богатейший материал для анализа и реального знания многих проблем социальной общности, которые могут успешно решаться на базе конкретных представлений о затратах времени и поиска на их основании его резервов. Рационализация социальных процессов немыслима, по большому счету, без выявления бюджета времени самых различных социальных общностей.

В целом можно сказать, что «язык» времяпрепровождения — один из наиболее четких, объективных, количественно выраженных и репрезентативных социологических «языков», имеющий универсальный характер. Однако пока он используется крайне недостаточно. А ведь за каждой строкой бюджета времени, за каждой временной затратой стоят живые люди с их интересами, ценностными ориентациями и, главное, конкретными видами деятельности. Поэтому изучение бюджета времени различных социальных общностей дало бы богатейший материал для социологического анализа многих проблем, в том числе и управленческого характера.

Понимание специфики социальных общностей с точки зрения временной локализации их деятельности создает возможность перехода с макросоциологического на микросоциологический уровень анализа данной проблемы. Этот переход становится еще более эффективным, когда временной фактор рассматривается не изолированно, а в единстве с пространственным.

Пример такого «совместного» их рассмотрения приводит Э. Гидденс. Он говорит о том, что деятельность социальных общностей, занятых на производстве, «зонирована» как во времени, так и в пространстве. «Зона» их ежедневного рабочего времени — с 9 до 17 часов, она же включает в себя пространственные перемещения между домом и работой. Когда анализируется контекст социального взаимодействия, полезно рассматривать движение общностей во времени-пространстве. Социальные географы, говорит Гидденс, ввели интригующее понятие конвергенции (сближения, соединения) времени-пространства,

чтобы видеть, как социальное развитие и технологические изменения влияют на образцы деятельности социальных общностей и индивидов [3, 106]. Далее английский социолог приводит интересные данные по поводу пространственной миграции в городах, которая сопровождается «миграцией» во временных зонах — вечерней и ночной. Оказывается, что в США ежедневно 30 млн человек ведут активный образ жизни ночью, и даже тогда, когда она «умирает» — от 3 до 5 часов утра, — свыше 10 млн человек продолжают оставаться на ногах [Там же, 110].

Таким образом, рассматриваемое взаимодействие различных социальных общностей может быть охарактеризовано с точки зрения взаимосвязи временной и пространственной локализации их деятельности. Каждая социальная общность, обладающая собственной пространственно-временной структурой деятельности, оказывается связанной не просто с иными общностями, но и с их пространственно-временными структурами. Накладываясь друг на друга, пересекаясь, эти структуры создают сложную картину социального пространства-времени каждой социальной общности, равно как и общества в целом.

Говоря о социальных общностях, в образе жизни которых достаточно рельефно представлены основные, наиболее распространенные формы и виды деятельности в рамках их временных характеристик, сошлемся на наши исследования, которые показали, что существуют ведущие, лейтмотивные связи между ними, характерные для способов деятельности различных групп людей. Для одних это может быть связь трудовой и досуговой деятельности (рабочего и свободного времени), для других — труда и бытовой деятельности (рабочего времени и времени удовлетворения бытовых потребностей), для третьих — труда и учебы (рабочего и учебного времени), для четвертых — быта и досуга (времени удовлетворения бытовых потребностей и свободного времени) и т. д.

В соответствии с исследованиями, проведенными нами в 1980–1990-е гг. среди различных социальных общностей занятого в общественном производстве населения — рабочих, инженерно-технических работников, учителей школ, педагогов профтехучилищ и др., наиболее характерной, детерминирующей их образ жизни связью является соотношение профессионально-трудовой и досуговой (осуществляемой в свободное время) деятельности. Содержание и характер этой связи во многом обуславливают специфику образа жизни и даже позволяют вывести его определенные типы. При этом следует учитывать не только место, объективно занимаемое трудом и досугом, рабочим и свободным временем, их соотношение между собой в структуре образа жизни членов той или иной общности, но и интерес членов общности к ним, ценностные ориентации на профессионально-трудовую и досуговую деятельность, т. е. момент субъективный.

Почему именно соотношение трудовой и досуговой деятельности, рабочего и свободного времени составляет основу, «скелет» образа жизни? И в том и в другом случае реализуются наиболее глубокие, сущностные потребности членов социальной общности. И та и другая деятельность выступает главным пространством развития людей. Обе они в совокупности занимают большую часть времени жизни этих людей, включенных в систему профессиональной деятельности (свыше 50 %).

Даже полярность труда и досуга, рабочего и свободного времени оказывается построенной на своеобразном принципе «дополнительности». Если в трудовой деятельности (рабочем времени) господствует фактор непреложности обязанностей, функций, последовательности действий, строгой нормативности поведения, т. е. степень свободы выбора относительно невысока, то в досуговой деятельности (свободное время) свобода выбора варианта поведения приобретает максимально широкий простор. Да и функции досуговой деятельности — отдых, развлечение, разрядка, развитие, характеризующие ее как самоценность, как фактор преимущественно личностный, существенно дополняют функции труда, имеющего и личное, и общественное предназначение.

Что касается третьей основной формы деятельности в структуре образа жизни социальных общностей, включенных в общественное производство, — бытовой (реализуемой в рамках времени удовлетворения бытовых и физиологических потребностей), то она также оказывается достаточно значимой, хотя и не играет такой существенной роли в способе их бытия, какая принадлежит труду и досугу, рабочему и свободному времени. Выступая пространством воспроизводства социальных общностей, бытовая деятельность (время на ее осуществление), с одной стороны, является столь же непреложной по своему предназначению, что и трудовая (ибо без удовлетворения физиологических и бытовых потребностей, так же как и без труда, люди существовать не могут). С другой стороны, она содержит в себе определенную свободу выбора варианта поведения, последовательности действий, что является характеристикой преимущественно досуговой, нежели всякой иной деятельности, и соответственно свободного времени. Следовательно, бытовая деятельность в границах ее временных затрат оказывается, по сути, промежуточной между трудом и досугом, рабочим и свободным временем.

Итак, мы стремились представить образ жизни социальной общности как расчлененность, дифференцированность способа деятельности и его временных характеристик на отдельные составные элементы (формы деятельности и затраты времени на их осуществление) при наличии глубокой внутренней связи между ними. Фундаментом этого образа жизни является взаимосвязь основных видов производственной и внепроизводственной деятельности, рабочего и внерабочего времени, выступающая объективной необходимостью обеспечения условий существования социальной общности, удовлетворения разнообразных потребностей ее членов. При этом рассматривается образ жизни общности, включенной в общественное производство, что означает наличие в качестве основы способа деятельности профессионально-трудового начала.

Для понимания смысла и содержания образа жизни социальной общности существенное значение имеет осмысление практик ее повседневной жизни в рамках временных характеристик основных форм деятельности и того, что в Европе называют «Work — Life Balance» (равновесие, баланс между работой и «остальным» образом жизни). Эта формула находит сегодня в литературе все большее распространение и связана с удовлетворением широкого и растущего круга потребностей каждодневной жизни. Один из номеров журнала «European Societies» [2] целиком посвящен проблеме «Work — Life Balance» (WLB).

Установление баланса между работой и остальной жизнью является задачей всех субъектов социального процесса — человека (его индивидуальных повседневных практик), социальной общности, государства в рамках осуществления им определенной социальной политики, наконец, работодателей (предпринимателей). Смысл этого процесса состоит в том, чтобы преодолеть противопоставление рабочего и свободного времени в жизни человека и социальной общности за счет появления новых форм связи между работой и последующим образом жизни. Качественные изменения, происходящие в западноевропейских странах в последнее время, позволяют установить взаимодействие секторов экономики, семьи, социальной защиты нуждающихся в ней людей.

Формула «WLB» отражает дерегуляцию трудовых отношений, в которых происходят сдвиги в сторону большего учета интересов личности и конкретных социальных общностей. Эта формула также дает возможность взглянуть изнутри на новые социальные риски и проблемы, как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Необходима комбинация индивидуальных и общностных предпочтений и стратегий действия. Речь идет, в частности, о гибких графиках рабочего времени, которое в целом, по мнению западных социологов, не должно сокращаться.

Это обстоятельство особенно важно в связи с вопросом о женской занятости и ее связи с проблемой роста фертильности у женщин. В западноевропейских странах происходит переход от ситуации с одним «кормильцем» в семье (мужчиной) к дуальной системе, в которой работающая женщина также выполняет роль «кормилицы». Сочетание работы и заботы о детях и старших (пожилых) людях — новая проблема семьи, ее повседневных практик. Расширяется, таким образом, состав субъектов социальных практик.

Формула «WLB» рассматривается в связи с этим как либеральный ответ на демографические изменения. Вопрос заключается в том, как стимулировать с помощью этого баланса рост рождаемости. Существующая литература по WLB включает выявление способов решения ряда проблем, направленных на достижение поставленной цели. Они касаются и трансформации семьи, и типов занятости и моделей рабочего времени в изменяющихся стратегиях менеджмента, и широкого круга новых форм сервиса для облегчения повседневной жизни (что относится в первую очередь к социальной политике). Еще одна важная проблема — достижение взаимосвязи работы, семьи и досуга. Особенно это касается женщин и тех профессий, которые, по существу, идентифицируются с их трудовой деятельностью.

Все это приводит к тому, что на первый план вновь, как и много лет назад, выходит фактор рабочего времени. О его сокращении и росте за этот счет свободного времени сейчас почти никто не говорит. Если раньше доминирующей была идея сепаратизации этих временных сфер, то в последние годы преобладает иная позиция — их связи. По этой причине пропагандируется «приход» нового стиля жизни. Появилась даже метафора «искусство управлять жизнью» (*art of the conduct of life*). Она означает и искусство управлять временем жизни, т. е. эти понятия идентифицируются. Отсюда — отход от принципа «сначала работать, потом — жить» (*first work then live*) в сторону баланса

работы и жизни. Поскольку значимым становится успешное управление временем для совершенствования качества жизни, приобретает актуальность понятие «культура выбора» (culture of choice).

Ведущие зарубежные исследователи определяют WLB, во-первых, в терминах распределения и продолжительности рабочего времени, во-вторых, как право работников не работать больше, чем установлено контрактом. В связи с этим одна из центральных проблем, поднимаемых ими, — проблема качества (или качественного) времени (quality time).

Все это привело к тому, что в последние 10 лет концепция образа жизни социальных общностей превратилась в одну из главных исследовательских парадигм. В ее рамках образ жизни определяется как взаимозависимость последовательных социальных ролей в основных сферах жизни (семья, образование, работа, здоровье, досуг, домашний труд, забота о других людях, добровольные виды деятельности). В этом смысле он является продуктом связи государственных, рыночных, семейных институтов и демографического поведения в жизненном пространстве.

Образ жизни социальной общности представляет комбинацию деятельностей, относящихся к оплачиваемой работе и личностной активности в указанных выше сферах. Каждая комбинация выступает как продукт индивидуальных и коллективных предпочтений и потребностей, с одной стороны, и институциональных опций и принуждений — с другой.

Идея новой организации использования времени и доходов в течение рабочей жизни не нова. Еще в 1965 г. известный французский социолог Ж. Фурастье написал пионерскую работу на эту тему, назвав ее «40 000 часов». Исследование, проведенное в Европе в 2004 г., показало, что 66 % европейских работающих женщин и 42 % таких же мужчин комбинируют оплачиваемую работу с домашним трудом или уходом за детьми, по крайней мере, в течение 12 часов в неделю. Это исследование также показало, что каждый четвертый работник планирует сократить свои рабочие часы, а половина респондентов считает, что сокращение рабочих часов есть временное явление (временная стадия) в их рабочей жизни [2, 255].

Важным становится изучение не только индивидуальных, но и общественных траекторий образа жизни, как в рабочее, так и в остальное (дополнительное, как его часто называют западные социологи) время. Тенденция к выявлению индивидуальных и общественных особенностей в использовании времени жизни является одной из движущих сил на пути изменений в современном обществе в последние 10 лет, что отражается соответствующим образом в научных исследованиях. Эта концепция представляет важную инновацию в современном понимании комплексных социальных феноменов.

Как следует из сказанного выше, одна из главных особенностей изучения образа жизни социальной общности состоит в обнаружении решающей роли времени, которую оно играет в нашем понимании индивидуального и общественного поведения и структурных изменений в обществе. Время рассматривается как социальная конструкция, и образ жизни также конструируется индивидуально и социально и, следовательно, является предметом исторических и акту-

альных изменений. Усиливается дифференциация между индивидуальным и социальным временем в процессах модернизации. Другая особенность заключается в том, что концепция образа жизни позволяет получить целостную точку зрения, целостный взгляд, но не на отдельные изолированные проблемы, а на всю их совокупность и взаимосвязь. Это касается в первую очередь практик повседневной жизни человека и социальных общностей в современных условиях.

1. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009.
2. *European Societies.* 2006. № 2.
3. *Giddens A.* *Sociology.* Cambridge, 1989.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013 г.

УДК 371.134 + 371.21 + 37.04

**Г. А. Савчук
О. Я. Артем**

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ (на примере мегаполиса)

Анализируется современное состояние российской системы профессиональной ориентации старшеклассников. Рассматривается история развития профориентации в США и России. Приводятся результаты прикладных исследований, посвященных выявлению основных противоречий и проблем в функционировании системы профессиональной ориентации старшеклассников в российском обществе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: система профессиональной ориентации; факторы профессиональной ориентации; противоречия системы профессиональной ориентации.

Большинство выпускников школ сталкиваются с необходимостью выбора дальнейшего места обучения. В идеале старшекласснику важно иметь некий набор представлений о существующих в обществе профессиях. Он должен остановить свой выбор на одной из них, которая будет для него привлекательной, подходящей ему по склонностям и возможностям. Затем школьник определяет-

САВЧУК Галина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства, доцент кафедры прикладной социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Galina.Savchuk@usu.ru).

АРТЕМ Ольга Ярославовна — магистр кафедры прикладной социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Arteolya@yandex.ru).

© Савчук Г. А., Артем О. Я., 2014

ся с профессиональным образовательным учреждением, в котором можно получить подготовку по выбранной профессии. Очевидно, что «правильно» сориентироваться в выборе профессии непросто и это требует значительных усилий.

В современных условиях школьникам сложнее определиться, чем было несколько десятилетий назад, так как появляются новые профессии, растет число учреждений профессионального образования, в том числе негосударственных, кроме того, возникает больше возможностей получить образование за рубежом.

Приоритетным для подавляющего большинства старшеклассников является получение высшего образования, в то время как на рынке труда требуются не только специалисты с высшим образованием, но и со средним специальным. Выпускниками школ высшее образование часто рассматривается как возможность достижения определенного социального положения в обществе, а выбор профессии для них имеет второстепенное значение. Абитуриенты под воздействием общественного мнения иногда выбирают престижные в обществе профессии, не учитывая собственных интересов и способностей. Такая ситуация снижает мотивацию школьников к последовательной работе над профессиональным выбором.

Изменение структуры коммуникаций приводит к тому, что школьники самостоятельно не справляются с многообразием информации о профессиях и профессиональных образовательных учреждениях.

Государственные реформы в сфере образования проводятся без детального анализа способности старшеклассников адаптироваться к нововведениям.

Поэтому возникает потребность в исследовании системы профессиональной ориентации школьников в современном российском обществе. Но прежде чем перейти к анализу актуальной ситуации, необходимо рассмотреть историю возникновения и становления системы профессиональной ориентации, чтобы понять, что представляет собой это явление.

Изучение вопросов профессиональной ориентации стало привлекать внимание ученых еще в начале XX в. Ф. Парсонс в 1903 г. в Страсбурге (Франция) создал первый кабинет профориентации, а в 1908 г. в Бостоне (США) — бюро по выбору профессий [10, 7]. Им была разработана концепция «Черта — фактор», суть которой заключалась в том, чтобы черты личности соответствовали тем требованиям, которые предполагает та или иная профессия [5].

В 50-х гг. XX в. А. Маслоу была разработана новая теория профессионального развития, которая основывалась на идее самоактуализации человека [17]. Концепция ученого оказала влияние на работы Э. Гинсберга, С. Гинсбурга, С. Аксельрода, Дж. Херма. Они выделяли три последовательных возрастных этапа в подготовке к выбору профессии: до 11 лет — это время «фантазий», от 11 до 17 лет — это годы пробных выборов, 17–18 лет — это период реалистических решений [6].

Дальнейшее развитие концепции профессиональной ориентации было предложено Д. Сьюпером. В 1952 г. он сделал попытку создать единую теорию профессионального развития. Основные положения данной теории заключались в том, что профессиональное развитие — это длительный и динамичный процесс, имеющий определенную структуру [7, 15–16].

Подход к профориентационной работе в США постепенно менялся. Ей стали заниматься на государственном уровне. В 1981 г. вступил в силу закон о профессиональной консультации в начальной школе. Теперь, помимо специализированных бюро, реализация профориентации осуществлялась с помощью образовательных программ, введения новых курсов, компьютерных информационных систем. Так, программа «От школы к работе» была принята в США на федеральном уровне специальным актом в 1994 г. [5]. Главным по профориентации становился профконсультант, он должен был заводить отдельное досье на каждого школьника. Со временем кроме государственных служб занятости получили распространение и частные агентства. В 1998 г. была создана информационная сетевая база данных O*NET. Она содержала в себе сведения как о рабочих профессиях, так и о профессиях, требующих среднего и высшего образования [14].

Особенностью в реализации системы профессиональной ориентации в США являлось изучение ценностных ориентаций учащихся, мотивов выбора профессии, а также производственных требований со стороны той или иной профессии. Во главу угла ставились профессиональные намерения личности. Старшеклассник должен был соотнести свои интересы и способности с требованиями предполагаемой профессии и оценить свой потенциал для работы в данной профессиональной сфере.

В российской традиции историю реализации профессиональной ориентации связывают с созданием первой службы по поиску работы, которая появилась в России в 1897 г. Затем в «Кающемся энциклопедисте», вышедшем в 1900 г., был создан раздел, посвященный выбору профессии, в котором выделялись четыре типичных варианта выбора профессии: согласно семейным традициям; по призванию; случайно, необдуманно; по расчету [11, 5–6].

Отечественные ученые уделяли внимание не только профессиональным интересам учащихся, мотивации их выбора той или иной профессии, но и содействию в вопросах профессиональной ориентации со стороны семьи, преподавателей, профессиональных организаций и предприятий. Так, в Санкт-Петербурге профессор Н. Киреев на добровольческой основе помогал молодым людям в выборе факультета и специализации в университете, а чуть позже М. Рыбникова и И. Рыбников применили эту идею в работе некоторых гимназий.

Первая лаборатория профконсультации была создана при Ленинградском институте по изучению мозга в 1924 г., инициатором идеи выступал А. Кларк. Затем уже в 1927 г. Наркомтруд открыл при этом институте первое в СССР бюро профконсультации. В 30-х гг. центральная лаборатория по профконсультации и профотбору стала разрабатывать систему школьной профориентации. В 1932 г. был создан штаб по координации исследований проблем школьной профориентации [7, 19].

В 1984 г. вышло постановление ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», в котором говорилось о важности и необходимости развития трудового обучения и профориентации молодежи [9].

Отметим, что в дореволюционной России и СССР основной упор был сде-

лан на взаимодействии всех элементов системы профориентации. Система профессиональной ориентации функционировала как в школе, так и за ее пределами, уделялось внимание влиянию семейной профессиональной традиции, таким образом, происходила интеграция общественных усилий, работы школ, профессиональных образовательных учреждений, СМИ, учащихся и семьи.

В Российской Федерации система профессиональной ориентации приобрела иные черты. В 1991 г. был принят «Закон о занятости населения», в соответствии с которым школьной профориентацией должны были заниматься службы занятости [2]. В 1992 г. вышел «Закон Российской Федерации об образовании» [10, 10]. В новых условиях резко сократилось финансирование школы в целом, и особенно деятельности по профессиональной ориентации. Бюджетное финансирование отдельных центров профориентации было сведено до минимума или полностью прекращалось [7, 23].

Рассмотрев историю развития профессиональной ориентации в США и России, можно сделать вывод, что система профориентации включает в себя ряд взаимодополняющих элементов.

Поэтому под профориентацией мы будем понимать систему, состоящую из структурных компонентов, объединенных общей целью, образующих целостность. Этими элементами выступают семья, школа, друзья, профессиональные образовательные учреждения, СМИ, профессиональные организации и предприятия. Они оказывают помощь старшеклассникам в формировании выбора профессии и профессионального образовательного учреждения, с учетом личностных особенностей старшеклассников (профессиональных интересов, склонностей, физиологических особенностей). Вместе с тем на эту систему воздействуют социально-экономические факторы.

Содержание системы профессиональной ориентации включает в себя: профессиональное воспитание, профессиональное просвещение, профессиональную диагностику, развитие интересов, склонностей учащихся, профессиональную консультацию, профессиональный подбор (отбор), профессиональную поддержку, профессиональную адаптацию. Данное содержание представляет собой инструментарий, который наиболее полно характеризует способы реализации системы профессиональной ориентации старшеклассников.

Если действуют не все элементы системы профессиональной ориентации или их влияние противоречит друг другу, то профориентационная деятельность будет неэффективной. Поэтому социологи проводят прикладные исследования, которые позволяют зафиксировать состояние системы профессиональной ориентации и выявить существующие противоречия. Можно привести в пример ряд исследований, показывающих проблемные точки отечественной системы профессиональной ориентации.

В начале 60-х гг. XX в. под руководством В. Н. Шубкина были проведены крупные исследования социологических проблем образования. Исследователи выявили, что социальный статус родителей оказывает заметное влияние на жизненные ориентации детей, выбор профессии. Большинство юношей и девушек собирались продолжать профессиональную линию родителей. Авто-

ры исследования также обнаружили, что при наличии в стране значительной потребности в специалистах сферы обслуживания и сельского хозяйства данные профессии имели крайне низкий престиж среди школьников. Городские школьники были больше ориентированы на овладение профессиями умственного труда, а сельские школьники — физического [1].

В 80-х гг. XX в. М. Х. Титма в одной из своих работ указывал, что престиж профессии имеет непосредственное влияние на профессиональное самоопределение молодежи. Представления школьников о престижных профессиях формируются под воздействием общественного сознания, и эти представления определяют профессиональный выбор [12, 22–24]. В другой работе М. Х. Титма писал о том, что выпускники общеобразовательных школ стремятся занять позиции специалистов со средним специальным и высшим образованием, исключая возможность сразу после школы пойти на работу [13, 52–53].

В своей работе Е. И. Головаха на основании проведенных в 80-х гг. социологических исследований отмечала, что ученики 8-х и 10-х классов уже сформировали свой профессиональный выбор и считают его окончательным. Большинство выпускников школ ориентированы на получение дальнейшего образования в вузах, и лишь незначительная часть планирует утраиваться на работу без образования. Старшеклассники в ситуации неопределенности с выбором профессии испытывают стресс, поэтому для них важен сам факт выбора профессии. Успеваемость в школе является определяющим фактором получения конкретного уровня образования. Для выпускников школ больше важна перспектива ранней реализации своих интересов в рабочих профессиях, чем высокая заработная плата. Поэтому многие учащиеся выбирают преимущественно рабочие профессии [3, 31–34].

Позднее, в 2005 г., Г. А. Чередниченко представила результаты опроса выпускников школ Новосибирской области. Она выявила за последние несколько лет тенденцию увеличения числа старшеклассников, ориентированных на получение высшего образования. Вместе с тем для школьников становится актуальным вопрос получения платного образования, так как распространяются платные услуги в государственных вузах, выросло число негосударственных вузов. Получение высшего образования является доступом к высококвалифицированному и высокооплачиваемому труду. Разнообразие видов деятельности и гибких графиков, особенно в крупных городах, стало перспективой «совмещения работы с учебой» для молодежи, обучающейся не только на вечерних и заочных, но и на дневных отделениях [15].

А. В. Меренков в 2006 г. в одной из своих работ отмечал, что продолжение обучения выпускниками после 9-го класса в колледжах связано с затруднительным материальным положением семьи и низкими результатами в учебе. В то же время престиж получения высшего образования в современном обществе высок, поэтому многие старшеклассники, определившись сами или под воздействием мнения родителей, стараются получить диплом вуза. Зачастую определяющим фактором выбора профессии является предполагаемый уровень заработной платы, без учета индивидуальных склонностей учащегося. Успехи старшеклассника при получении специальности и реализации буду-

щей профессиональной деятельности связаны с умениями пользоваться различными источниками информации [8, 75–80].

М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги проанализировали специфику выбора профессии старшеклассниками, опираясь на результаты исследования 2008 г. Большинство школьников профессионально не ориентировано, основная причина, по мнению учащихся, — это отсутствие уроков, помогающих сформировать профессиональный выбор. Основными источниками информации о профессиях у старшеклассников выступают телевидение и Интернет. Выбор профессии большинством учащихся осуществляется самостоятельно, второстепенное значение при этом играют семья, школа, друзья [4].

В приведенных исследованиях авторы рассматривали проблемы профессиональной ориентации, характерные для определенных этапов развития российского общества. Результаты заключались в выявлении воздействия отдельных элементов системы профориентации на старшеклассников. В целом можно отметить, что система профессиональной ориентации функционировала недостаточно эффективно, социологи связывали это с массовым стремлением учащихся получить высшее образование, ориентацией при выборе профессии на ее престижность, без учета собственных склонностей, возможностей.

Кроме выявленных проблем, в современной ситуации появляются и другие, связанные с модернизацией образования, его реформированием, поэтому необходимо продолжить исследования системы профессиональной ориентации. На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на изучение системы профессиональной ориентации как комплекса взаимодействующих элементов. Это даст возможность оценить воздействие каждого из них на профессиональный выбор школьника.

В связи с этим мы провели прикладное социологическое исследование, посвященное системе профориентации старшеклассников в Екатеринбурге. Екатеринбург — это современный мегаполис с развитой системой образовательных учреждений. С нашей точки зрения, полученные данные можно рассматривать как характерные для крупных российских городов, в дальнейшем это потребует подтверждения в ходе проведения исследования, имеющего более широкий территориальный охват. Основная цель исследования — выявить противоречия в системе профессиональной ориентации старшеклассников, если они действительно существуют, и дать им объяснение.

Первый этап исследования проводился в ноябре — декабре 2012 г. Было опрошено 222 школьника, которые на момент исследования обучались в 11-х классах. Исследование проходило методом опроса, была использована методика раздаточного анкетирования. Способ отбора респондентов — случайная стратифицированная выборка. По таблице случайных чисел сначала было выбрано три района г. Екатеринбурга, затем в каждом выбиралось по две школы, два лица и две гимназии, далее — сплошное исследование в классах. В обычных школах было собрано 32 анкеты, в лицах — 86 и в гимназиях — 104. Профили класса обучения распределились следующим образом: гуманитарный — 36 %; информационно-технический — 22, экономический — 15, физико-математический — 9, химико-биологический — 8, филологический — 5, историчес-

кий — 5 %. По половой принадлежности респонденты распределились следующим образом: 38 % юношей и 62 % девушек.

На втором этапе исследования, проведенном в январе — феврале 2013 г., применялся качественный подход, использовалась методика полуструктурированного интервью. Опрос проводился с учителями, работающими в 11-х классах, и школьными психологами. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что учителя, работающие с 11-ми классами, как никто другой видят изнутри проблемы системы профессиональной ориентации. Они могут проанализировать то, как школа взаимодействует с учащимися, их родителями, профессиональными образовательными учреждениями, предприятиями. Школьные психологи участвуют в определении и организации в школе мероприятий по профессиональной ориентации, а также владеют информацией о сложности процесса профессиональной ориентации у старшекласников.

В качестве способа отбора учителей и психологов для исследования был выбран метод снежного кома. В ходе свободной беседы обсуждались выявленные по результатам опроса школьников противоречия в системе профессиональной ориентации старшекласников. Это исследование рассматривалось нами как дополнительное, поэтому формирование выборки было закончено после того, как данные, получаемые в ходе интервью, стали повторяться, не давая принципиально новой информации. В итоге было опрошено 3 учителя, преподающих в 11-х классах, и 3 школьных психолога. Данный этап исследования был необходим для объяснения причин тех противоречий в системе профессиональной ориентации, которые мы выявили на первом этапе исследования.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что 84 % старшекласников окончательно определились с выбором места дальнейшего профессионального обучения. Все определившиеся указали конкретное название вуза, в который они планируют поступать: УрФУ выбрали 54 %, УрГЮА — 9 % и СПбПУ — 9 %, остальные вузы выбирались реже. 16 % школьников не определились с местом дальнейшего обучения, поэтому не указали, куда они планируют поступать. В связи с этим все данные о деятельности профессиональных образовательных учреждений, полученные в исследовании, будут рассматриваться нами в отношении вузов.

Вместе с тем распределение по выбранным профессиям не вполне соответствует названным вузам: например, 17 % школьников желают получить в будущем профессию медика, 16 % — профессию в сфере транспорта. В то время как медицинская академия заняла 11-е место из 22, ее как предполагаемое место обучения указал 1 % школьников.

Мы поинтересовались у педагогов и психологов, почему так получается, что старшекласники хотели бы работать в сфере медицины или транспорта, а для поступления выбирают вузы, где такая профессиональная подготовка не ведется. По мнению экспертов, эти данные фиксируют разрыв между желаемым и действительным. Может быть, школьник и хотел бы быть медиком, но поступать собирается в другое место. На это влияют боязнь вступительных экзаменов, нехватка денег на репетиторов по химии и биологии, разные точки

зрения на престижность профессии медика в российском обществе. Кроме того, учиться в медицинском вузе трудно и долго, поэтому перед школьником возникает вопрос: оправдывает ли эта профессия все затраченные на нее усилия?

Таким образом, интересны школьникам могут быть и престижные и менее престижные профессии, но при выборе профессионального образовательного учреждения они выбирают престижные вузы, вне зависимости от того, ведется ли в них подготовка по интересующей профессии или нет. Для наглядности приведем выдержку из интервью:

Налицо противоречие между внутренними мотивами выбора профессии и мотивами престижа, что является характерным для современных старшеклассников. К сожалению, это становится нормой, поэтому побеждают мотивы престижа. Лишь некоторые старшеклассники ориентированы в выборе профессии на смысл труда (*Ольга Петровна, 40 лет, психолог в школе, стаж 21 год*).

Наше исследование было построено так, чтобы можно было провести сравнительный анализ ответов учащихся из обычных школ, лицеев и гимназий, так как деятельность по профессиональной ориентации среднего общеобразовательного учреждения зависит от его статуса.

Старшеклассникам предлагалось оценить влияние каждого из элементов системы профессиональной ориентации (семья, школа, друзья, СМИ, Интернет, профессиональные образовательные учреждения, профессиональные организации и предприятия), а также личных предпочтений. Важно было выявить, как влияют на формирование их профессионального выбора различные элементы системы профессиональной ориентации. Явных различий среди ответов старшеклассников, обучающихся в образовательных учреждениях разного типа, мы не выявили. По мнению школьников, в большей степени их профессиональный выбор определяют личные предпочтения, профессиональные образовательные учреждения, семья, Интернет. Эксперты комментируют, что помимо указанных школьниками влияний важно учитывать социально-экономическую ситуацию в обществе. Получается, старшеклассники и эксперты оценивают роль школы в системе профориентации как незначительную, что свидетельствует о невыполнении ею своих функций в этом процессе. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Сравним влияние мероприятий по профессиональной ориентации, проводимых в разных по статусу школах, на профессиональный выбор старшеклассников.

Независимо от того, где учится школьник, будь то обыкновенная общеобразовательная школа, лицей или гимназия, ответы большинства учащихся практически одинаковы и сводятся к тому, что мероприятия, проводимые в школах (стенды и витрины о профессиях, экскурсии на предприятия, профориентационные уроки и т. п.), не влияют на их выбор профессии (рис. 1).

Педагоги и психологи отмечают, что старшеклассникам трудно реально оценить роль школьных профориентационных мероприятий, потому что в школах сейчас они практически не проводятся и учащиеся с ними просто не

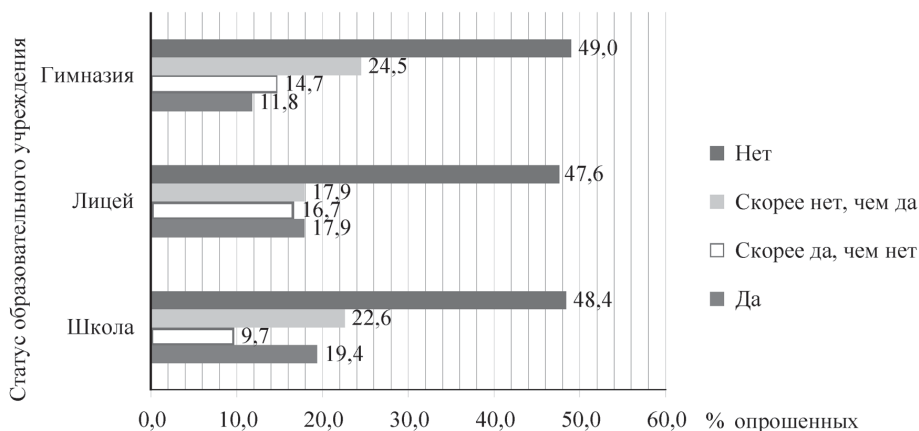

Рис. 1. Влияние проводимых в школе мероприятий по профессиональной ориентации на учащихся в зависимости от статуса образовательного учреждения

сталкивались. Проведение профориентационных мероприятий — для школы второстепенная задача, на ее решение не хватает квалифицированных кадров, и школа не заинтересована в их привлечении.

Проанализируем влияние профиля класса обучения на выбор профессии. Практически половина старшеклассников отметила отсутствие этого влияния: 47 % опрошенных ответили, что такого влияния нет, 21 % — что его скорее нет.

Гипотеза, что при обучении в классах с информационно-техническим, экономическим, физико-математическим, химико-биологическим профилями старшеклассники получают больше представлений о соответствующих профессиях, не подтвердилась. Причины этого можно проиллюстрировать высказыванием эксперта:

В профориентационных мероприятиях предлагается учащимся «казенное» представление о профессии, а стереотипное представление о работе, бытующее в среде школьников... формируется теми же СМИ, Интернетом, семьей. Профиль класса, в свою очередь, влияет на качество знаний, возможность более полно изучать «любимые» предметы и «избежать нелюбимые». К тому же зачастую профильный класс выбирается из-за будущего классного руководителя, конкретного учителя, а не в привязке к профессии. Происходит так потому, что школьник сам не до конца еще уверен, какую профессию ему нужно выбрать, поэтому и «идет» на конкретного учителя (*Анна Николаевна, 26 лет, учитель русского языка и литературы, гимназия, стаж 6 лет*).

По мнению учителей и психологов, проблема заключается не только в отсутствии мероприятий по профессиональной ориентации, но и в незаинтересованности школы в их проведении. В школах нет собственных квалифицированных кадров для оказания грамотной помощи старшеклассникам в формировании профессиональной ориентации и учебные заведения не заинтересованы в их привлечении. Для лучшего понимания проблемы приведем точки зрения экспертов:

Нужно проводить больше уроков по профессиональной ориентации в школе. И проводить их не с 11-го класса, а с 5-го, чтобы ученики с самого начала знали к чему стремиться. Многие ученики, находясь в 11-м классе, не знают куда идти, на кого поступать, потому что не знают и не могут понять к чему предрасположены, что им больше нравится (*Екатерина Андреевна, 32 года, учитель математики, лицей, стаж 10 лет*).

Главная проблема заключается в том, что на сегодняшний день профориентационная работа в школе не является той основной задачей, которую нужно решать. Поэтому во многом это приводит к тому, что дети желают одни профессии, а работают по другим (*Валентина Петровна, 30 лет, психолог в гимназии, стаж 4 года*).

Одна из наших гипотез заключалась в том, что перечень вступительных экзаменов в большей степени влияет на выбор профессии или профессионального образовательного учреждения у старшеклассников из обычных школ, потому что там нет углубленной подготовки по отдельным предметам.

По результатам исследования установлено, что во всех типах образовательных учреждений на выбор учащимися профессии в значительной степени влияет перечень вступительных экзаменов (рис. 2).

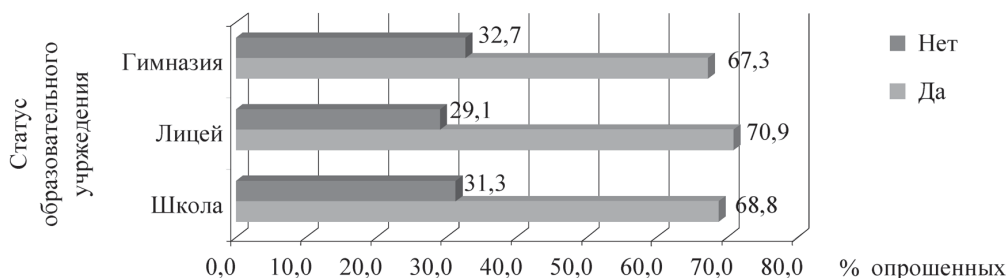

Рис. 2. Влияние перечня вступительных экзаменов на выбор учащимися профессии или профессионального образовательного учреждения в зависимости от статуса образовательного учреждения

Приведем одно из высказываний экспертов:

Когда выпускались наши дети, они планировали в основном все поступить на определенные профессии. Но когда ребята потом приходили на встречи в школу или на первое сентября, то мы узнавали, что больше половины выбрали совершенно другие профессии, вузы лишь потому, что не прошли, не поступили [куда хотели]. Лишь единицы, кто пошел, например, на платное [по первоначальному выбору], с надеждой на то, что потом переведется на бюджет (*Галина Тимофеевна, 48 лет, учитель истории, школа, стаж 23 года*).

Получается, что на профессиональный выбор школьника начинает существенно влиять новая система приема в вузы на основании ЕГЭ, и иногда это воздействие может поменять как профессиональный выбор, так и выбор дальнейшего места обучения. Вместе с тем школа в недостаточной степени готовит к сдаче ЕГЭ, что видно из ответов на вопрос о подготовке к поступлению

в выбранное профессиональное образовательное учреждение: 56 % старшеклассников готовятся к сдаче ЕГЭ самостоятельно, 54 % — с репетитором, 39 % — ходят на подготовительные курсы, 9 % — считают, что школьных занятий вполне хватает для подготовки.

Рассмотрим гарантированное трудоустройство как стимул выбора той или иной профессии и профессионального образовательного учреждения для школьников. В ходе опроса выяснилось, что для учеников из школ, гимназий и лицеев гарантированное трудоустройство может влиять на выбор места обучения или профессии, так ответили соответственно 59, 64 и 64 % респондентов. Большинство школьников отмечали важность проведения встреч с представителями предприятий в процессе формирования профессионального выбора. В ходе этих встреч старшеклассники хотели бы получать информацию о том, что их ждет на конкретной работе, или о возможностях трудоустройства.

Обратим внимание на источники информации о профессиях и профессиональных образовательных учреждениях. Основными источниками информации в этой сфере у старшеклассников выступают Интернет (89 %), семья (43 %) и профессиональные образовательные учреждения (36 %). Среди интернет-источников на первом месте по посещаемости у старшеклассников находятся сайты образовательных порталов, с возможностью прохождения пробного ЕГЭ (67 %), на втором — профессиональных образовательных учреждений (59 %), на третьем — сайты, содержащие тесты по профориентации (20 %).

Обобщая данные, полученные в ходе проведенного исследования, можно сделать основной вывод: система профессиональной ориентации не работает как комплекс взаимодействующих элементов, так как некоторые из ее элементов в полной мере не выполняют свои функции.

Влияние семьи уже не выражается в желании старшеклассников продолжить профессиональную деятельность родителей, большее значение приобретает материальное положение семьи, так как встает вопрос, смогут ли родители оплачивать обучение в вузе.

Старшеклассники и эксперты указывали на незначительное влияние школы как элемента системы профессиональной ориентации. В школах не реализуется комплекс мероприятий по профориентации, нет заинтересованности в привлечении квалифицированных кадров в этой сфере. При выборе профессии основное влияние оказывают личные предпочтения, которые формируются под воздействием информации, получаемой из интернет-источников, кроме того, старшеклассники отмечают существенное влияние деятельности профессиональных образовательных учреждений.

Школьники говорят о своей заинтересованности в участии предприятий в системе профориентации, что в настоящий момент не реализуется: отсутствуют экскурсии на предприятия, не проводятся встречи с их представителями и т. п.

Элементы системы профессиональной ориентации работают несогласованно. В идеале школа должна сотрудничать с предприятиями (организация экскурсий и встреч), а также с профессиональными образовательными учреждениями для того, чтобы школьники познакомились с различными профессиями, возможностями обучения и студенческой жизнью. Однако предприятия

со школой не сотрудничают. Вузы активно проводят дни открытых дверей, различные экскурсии, рекламные мероприятия в школах, ведут информационную деятельность, направленную на школьников, через Интернет, печатные издания, но взаимодействие нацелено на привлечение абитуриентов, а не на профессиональную ориентацию старшекласников.

Интернет выступает для школьников главным источником информации о профессиях и профессиональных образовательных учреждениях. Старшекласники обращаются к нему за получением той информации, которую не предоставили другие элементы системы профессиональной ориентации, хотя от них она могла бы быть более достоверной. Абитуриенты оперативно получают ответы на вопросы о профессиях, вузах, ЕГЭ в Интернете. В то же время информация из Интернета не может заменить непосредственную коммуникацию с учителями и школьными психологами, которые знают склонности учащихся, их личностные особенности и потенциал. А информация о профессиях будет более актуальной, если ее предоставят предприятия.

Из-за того, что часть элементов системы профессиональной ориентации не выполняет свои функции, у старшекласников возникают противоречия при выборе профессии. Школьники не соотносят выбор дальнейшего места обучения с желаемой профессией. Кроме того, старшекласники склонны сначала выбрать вуз, куда они хотели бы поступить, а затем уже направление подготовки, подходящее по ЕГЭ. Получается, что профессиональный выбор осуществляется от вуза к профессии, а не наоборот. В вузах реализуется новая система приема абитуриентов на основании ЕГЭ, и старшекласники отмечают, что конкретный перечень вступительных экзаменов оказывает определяющее воздействие на их выбор профессии и вуза. На данную ситуацию оказывает влияние также и то, что школа не осуществляет должную подготовку к ЕГЭ, в вузах сокращается число бюджетных мест, на которые увеличивается конкурс, растет плата за обучение.

Можно отметить противоречия и в работе средних общеобразовательных учреждений. Статус учебного заведения, в котором обучаются старшекласники, не влияет на построение работы по профориентации. Профильные классы не дают представления о профессиях по причинам отсутствия заинтересованности школы в формировании профессиональных интересов у старшекласников и выбора учащимися профиля класса в зависимости от любимых предметов, однокласников и учителей, а не в связи с будущей профессией. В то время как в законе «Об образовании в РФ», который вступил в силу с 1 сентября 2013 г., существенная роль в профориентационной работе отводится школе. В главе 7 «Общее образование» (ст. 66, п. 3) говорится о том, что среднее общее образование формирует навыки самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации, готовит школьника к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору [16].

В целом система профессиональной ориентации продолжает функционировать недостаточно эффективно: большинство учащихся стремится получить высшее образование; при выборе профессии старшекласники ориентируются

на престижность вуза, не учитывая собственные возможности и склонности; школа и предприятия мало задействованы в деятельности по профессиональной ориентации.

1. Астафьев Я. У., Шубкин В. Н. Социология образования в СССР и России [Электронный ресурс] // Мир России. 1996. № 3. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Astafev_Shubkin_Sociol_Obrazovan.pdf (дата обращения: 01.12.2013).

2. Баданина Е. С. Государственное регулирование рынка труда [Электронный ресурс] / Урал. гос. экон. ун-т. 2012. URL: [http://science.usue.ru/attachments/587_Konkurentosposobnost%20territoriy%20\(17-18%20maya%202012%20g.\)%20\(SNast%202\).pdf](http://science.usue.ru/attachments/587_Konkurentosposobnost%20territoriy%20(17-18%20maya%202012%20g.)%20(SNast%202).pdf) (дата обращения: 01.12.2013).

3. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.

4. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: http://www.isras.ru/files/File/Molodez_Rossii.pdf (дата обращения: 01.12.2013).

5. Гришину С. С. Профессиональная ориентация школьников в США [Электронный ресурс]: [портал «Профоринтир»] // Педагогика. 2005. № 9. С. 65–72. URL: http://www.cls-kuntsevo.ru/portal_proforientir/prof_obuch_uchashihsy_a_zarubezgom_v_sha.php (дата обращения: 11.09.2013).

6. Гришину С. С. Профессиональная ориентация школьников в США [Электронный ресурс] // [науч. онлайн-библиотека «Порталус»]. 2007. С. 65–71. URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1193920618&archive=1196814847&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.12.2013).

7. Гудкова Е. В. Основы профориентации и профессионального консультирования. Челябинск, 2004.

8. Меренков А. В. Методики формирования у школьников навыков самоопределения. Екатеринбург, 2006.

9. Пряжникова Е. Ю. Потребность в изменениях [Электронный ресурс] // Школьный психолог. 2000. № 24. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200002405> (дата обращения: 01.12.2013).

10. Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профоринтир. М., 2013.

11. Пряжников Н. С. Теория и практика профессионального самоопределения. М., 1999.

12. Титма М. Х. Социально-профессиональная ориентация молодежи. Ч. 2. Таллин, 1982.

13. Титма М. Х., Ашмане М. Е. и др. Молодежь: ориентации и жизненные пути (на материалах социологических исследований в Советской Прибалтике). Рига, 1988.

14. Топешкина Н. В. Зарубежный опыт организации профориентационной работы в школе [Электронный ресурс] / Моск. ин-т открытого образования. URL: <http://mioo.edu.ru/kaf-ekonomiki/2011-12-09-16-13-58/2011-12-09-16-14-49/1717-topeshkina-nv-zarubezhnyy-opyt-organizacii-proforientacionnoy-raboty-v-shkole> (дата обращения: 01.12.2013).

15. Чередниченко Г. А. Личные планы выпускников средней школы [Электронный ресурс] // Социол. исслед. 2005. № 7. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/399/924/1219/013_cherednichenko.pdf (дата обращения: 01.12.2013).

16. Федеральный закон [от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ] «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.educom.ru/ru/documents/273-fz.pdf> (дата обращения: 01.12.2013).

17. Maslow's Hierarchy of Needs [Electronic resource] / by S. McLeod. 2007. URL: <http://www.simplypsychology.org/maslow.html> (дата обращения: 01.12.2013).

Статья поступила в редакцию 24.09.2013 г.

УДК 17.023.34 + 316.6 + 159.922

Л. В. Карапетян

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Исследуются теоретические подходы к понятию благополучия как актуальной проблеме здоровья души человека в проблемном поле социально-психологических научных дисциплин, а также с позиций обыденного сознания людей. Этот многофакторный конструкт раскрывается посредством подробного проблемно-хронологического описания данного феномена, детального этимологического разбора понятия, с опорой на идеи классических и современных психологических теорий (Л. С. Выготский, К. Роджерс, Э. Эриксон, А. Уотерман, Э. Динер, С. Рифф, Б. Сингер).

Ключевые слова: субъективное и психологическое благополучие личности; удовлетворенность жизнью; счастье; профилактика депрессивных состояний; социум; смысложизненные ориентации.

Социокультурные трансформации последних столетий оказали огромное влияние на процесс формирования общественного сознания, что повлекло за собой изменение соотношения ценностных ориентиров и установок отдельно взятых индивидов и повлияло на понимание такой категории, как «благополучие личности», что, в свою очередь, напрямую связано с проблемой эмоционального здоровья человека.

В настоящее время вопросы эмоционального благополучия человека, методов профилактики массовых депрессивных состояний населения привлекают все больше внимания и выходят на государственный уровень. Социальная и экономическая нестабильность поставила под угрозу психическое и эмоциональное здоровье граждан нашей страны, и на этом основании многие специалисты оценивают положение большинства населения как критическое.

КАРАПЕТЯН Лариса Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России (e-mail: karapetyanl@mail.ru).

© Карапетян Л. В., 2014

В соответствии с различными психолого-социальными концепциями благополучие личности связано со сложными переживаниями индивидом собственной жизни на основе сравнения актуальных или потенциальных ее аспектов с эталонами, нормами, отраженными в сознании человека на уровне некоего варианта самооценки, обусловленного социокультурной спецификой усвоения им существующих в социуме и культуре представлений (Н. Бредберн, Э. Динер, А. С. Вотерман, А. А. Кроник, К. Рифф, П. П. Фесенко, А. В. Воронина, Т. Д. Шевеленкова, Р. М. Райан, Э. Л. Диси, Р. А. Ахмеров и др.).

Изучение проблемы субъективного благополучия уходит корнями в философию, психологию, социологию и другие науки. Трактовки понятия «благополучие» в значительной степени аналогичны в науках и обыденном сознании людей. Благополучие представляют как многофакторный конструкт, характеризующийся сложной взаимосвязью социальных, культурных, экономических, психологических, физических и духовных факторов.

События, произошедшие за предыдущие столетия в социальной сфере, культуре, политике, показали, что человек, сталкиваясь с природными и социальными явлениями, причиной разрушительности которых зачастую является он сам, все чаще встает перед вопросом о соответствии его представлений об «идеальном» — «идеальное психологическое благополучие» — и реально переживаемом состоянии — «актуальное психологическое благополучие».

Изучением субъективного благополучия западная психология стала заниматься в 60-е гг. XX в. За это время сложилась традиция, на основании которой психологическое благополучие рассматривалось через противопоставление психологическому нездоровью и неблагополучию. В то же время следует отметить, что на рубеже XX–XXI вв. активно формировалось мнение, утверждавшее недостаточность медицинской модели психологического благополучия.

Субъективное ощущение счастья и общая удовлетворенность жизнью выступают в психологии как тождественные понятию «психологическое благополучие». На формирование данного представления существенно повлияло развитие экзистенциально-феноменологического подхода в изучении проблемы личности. Существовавшая прежде в психологии дихотомия «здоровье — болезнь», а также актуализация исследований в сфере позитивных аспектов функционирования личности расширили рамки изучения психологического благополучия, повлияли на поиск его взаимосвязи с различными сторонами человеческого бытия. Именно в связи с этим обнаруживается необходимость не только определить основания и структуру внутреннего равновесия личности, но и выявить сущность эмоционально-оценочных отношений, лежащих в основе равновесия личности, а также механизмы их воздействия на регуляцию поведения.

Переживание благополучия является важнейшей составной частью доминирующего настроения личности, поскольку субъективное благополучие, как интегративное, особо значимое переживание, оказывает постоянное влияние на различные параметры психического состояния человека и, как следствие, на успешность поведения, продуктивность деятельности, эффективность меж-

личностного взаимодействия. Эти переживания выступают значимым фактором состояния общественного сознания, групповых настроений, ожиданий, отношений в обществе. Без их учета невозможно строить научно обоснованную социальную политику, социальное управление, социальное планирование.

Л. С. Выготский полагал, что «поведение человека как продукт... системы социальных связей и отношений, коллективных форм поведения и социального сотрудничества» не только закреплено и опосредствовано в языке, но и регулируется им [2, 55–56]. На основании сказанного представляется необходимым рассмотреть ценностное содержание значений и смыслов основных понятий, отражающих субъективное либо объективное представление носителей языка о благополучии человека.

На сегодняшний день в науке используется несколько терминов, которые в той или иной степени отражают состояние индивида как «благополучие». Это понятия «субъективное благополучие» и «удовлетворенность жизнью», к ним следует добавить также «психологическое благополучие» — термин, К. Рифф, включающий такие элементы, как «принятие себя» (позитивная оценка себя, своей жизни), «личностный рост», «цель в жизни», «позитивные отношения с другими», «контроль над окружающей средой» (способность эффективно управлять своей жизнью и окружающей средой) и «автономия». Несмотря на то что данная модель значительно шире гедонистической, она не раскрывает сущности самой категории «благополучие», не объясняет истинного смысла, вкладываемого в это понятие.

В западной психологии понятие «благополучие» определяется как «well-being» (дословный перевод: «хорошо» и «бытие») и подразумевает широкую, но достаточно динамичную для индивида систему социальных связей, предполагающую наполненные позитивными переживаниями межличностные отношения.

Отметим, что в романских языках «благополучие» также характеризуется через слова, обозначающие «хорошо» — «bien(e), bon(o), bene» (например, в испанском — «bienestar», эсперанто — «bonfarto», французском — «bien-etre», итальянском — «benessere»). В русском языке понятие «благополучие» определяется как «спокойное и счастливое состояние», а счастье — как «чувство и состояние полного высшего удовлетворения» [6]. «Субъективное» раскрывается как принадлежащее человеку как субъекту; не соответствующее объекту познания [10]. Таким образом, исходя из семантического анализа субъективным благополучием можно считать определяемое человеком как субъектом состояние удовлетворения, основанное на достижении необходимых благ, не всегда совпадающее с объективными условиями.

В словарной структуре русского языка существует достаточно большое количество слов, начинающихся с корня «благо-», кроме того, большинство словарей использует слово «благополучие» при объяснении значения слова «счастье» либо в качестве одного из его синонимов. Вероятно, небольшое психосемантическое исследование слова «благо» и его производного «благополучие» позволит нам определить ценностно-смысловое содержание основных

понятий, описывающих состояние субъективного благополучия личности. Русское «благо» восходит к церковнославянскому «блаж-», вытеснившей существовавшую в древнерусском форму «болог» (добро, благо), базировавшуюся на идее счастья как состояния духа, в то время как «блаж- / блаж-» подразумевало материальное счастье, выгоду, прибыль, пользу и т. п. В ряде славянских языков (например, болгарском — «благосъстояние», сербском — «благостање», чешском — «blahobytu», хорватском — «blagostanje») сохраняется древняя семантика праславянского «материальные блага», или «земные блага». В этом же значении выступает другое слово — «добро» (имущество, вещи), также присутствующее в понятии «благополучие» в других славянских языках (например, белорусском — «дабрабыт», польском — «dobre samopoczucie»), что согласуется с принятым в западноевропейской терминологии «well-being». Данные наблюдения показывают, что традиционно представление о благополучии у большинства народов складывалось на основе оценки состояния духа народа (в очень глубокой традиции) либо, в более позднее время, связывалось с наличием материальных ценностей. Обобщенно, вероятно, следует предположить, что такой кардинальный разброс координат благополучия связан исключительно с существующей и одобренной в социуме системой ценностей, выраженной в той или иной лексической единице, а в более поздние периоды — переосмысленной и дополненной содержательно (в том числе смысловыми, мотивационными, установочными детерминантами). Уже в праславянском периоде «благо» входит в семантику «счастья» через довольно длинную цепочку понятий, вследствие чего материальное благо преобразуется в некоторой степени в духовную ценность: «богатство» — «имущество» — «добрая (хорошая) вещь» — «добро» — «счастье» [9]. В более поздний — старославянский — период в текстах религиозного содержания основа «блаж-» в большей степени приобретает духовную окраску и входит в структуру слов, описывающих духовные ценности в жизни человека, соотносимые с древнерусским «блаженный» (счастливый, достойный прославления, почитания, святой). По мнению лингвистов, изменение вектора с материальных на духовные ценности в значении слова «благо» свидетельствует о том, что духовный мир человека, с приходом христианства на Русь и все славянское пространство, стал вызывать пристальный интерес социума, что является неким знаком культурного перерождения и формирования определенного типа культуры. Не случайно в русском языке появляются слова такого рода, как «благоденствие», «благосостояние», что соответствует старорусскому «благоденно» и выстраивается в цепочку значений «счастье, довольство, достаток, мир, покой и т. п.». Основа «благо-» входит в такие лексемы, как «благоприятный», т. е. «удачливый», «выгодный», правда, в значении, приближенном в корысти, но именно такая семантическая близость позволяет выявить семантическую близость к «счастью», «благоприятному случаю». В любом случае слова «благополучие», «дабрабыт», «dobre samopoczucie», «bienestar» и другие указывают на то, что человек не просто испытывает некое состояние, описывая его подобными вербальными единицами, но и отражает свое положение в контексте культуры и социально одобряемой системы ценностей (причем в качестве такого

значимого одобряющего социума может выступать, например, социальная микрогруппа, наиболее приближенная к индивиду и, соответственно, имеющая преимущества перед социальной макрогруппой в части воздействия на формирование и функционирование личности за счет более частотных контактов). Именно поэтому личность, оценивая собственную жизнь (актуальное или потенциальное состояние), может базироваться на разных критериальных подходах, которые, в свою очередь, будут укладываться в различные системы измерения: во-первых, признанные на определенном историческом промежутке времени для данной культуры; во-вторых, сложившиеся в субъективной системе, основанной на субъективной иерархии жизненных ценностей и субъективных представлений о благополучии.

В философии и этике «благо» — это все то, что содержит положительный смысл и представляет ценность для человека, добро; это могут быть явление или предмет, которые отвечают целям, интересам человека, его устремлениям и обеспечивают удовлетворение определенной человеческой потребности. Традиционно блага делят на естественные, являющиеся следствием природных процессов, такие как, например, полезные ископаемые, здоровье и т. п., и общественные — результат человеческой деятельности. Независимо от природы происхождения благо входит в структуру социального определения предмета, составляет полезность для человека. Кроме того, существует условное деление благ на духовные и материальные, что связано с видом удовлетворяемых потребностей.

Наблюдение за функционированием в языке и метаморфозами понятий «благополучие», содержащих основу «благо-», «блаж-» позволяет отметить прямую связь с такими представлениями о состоянии благополучия, которые могут быть выражены словами «добро» (или синонимом «хорошо»), «счастье», «мир», «удача», «везение». При этом, скажем, «удача» объясняется как «счастливый, желательный исход, счастливое стечение обстоятельств». Переживание своего актуального состояния человек может описывать словами «судьба», «случай», «божий промысел», с помощью нейтральных лексических единиц, а также содержащих как отрицательные, так и положительные эмотивные векторы: «стечение обстоятельств», «происшествие», «несчастье», «посчастливилось», «приключилось», «выпало на долю», «удача пала», «счастье пало» и т. д.

Изучение понятия «благополучие» дает основание расставить акценты не только на субъективной оценке индивидом себя и своей жизни, но и на аспектах позитивного функционирования личности. Личность, осознавая свое актуальное или потенциальное состояние, выводит своеобразное субъективное представление об уровне своего социального, а следовательно — психологического, благополучия, способна влиять на этот уровень, поддерживая его, выбирая здоровьесберегающие, самосохраняющие способы существования в социуме и окружающей среде, способствующие ее физическому, психическому здоровью, снижая степень отрицательных переживаний, возникающих вследствие преодоления объективных трудностей либо оцениваемых в качестве таковых сопутствующих жизни человека событий. Как правило, субъективные

оценки выражаются лексемами, содержащими оценочные характеристики различных степеней соответствия переживаемого состояния субъективным представлениям о желаемых состояниях. Актуальное состояние благополучия в оценке каждого индивида будет отличаться уровнем его оценки, в том числе на уровень оценки может повлиять прошлый опыт, мнение значимого окружения, социальные установки, навязываемая окружением и культивируемая социумом система ценностей, ценностные иерархии, воздействующие на сознательные и бессознательные ресурсные установки. Как показал проведенный выше психосемантический анализ концепта «благополучие», в качестве критериев субъективного благополучия могут выступать и собственно «благополучие», а также «счастье», «удача», «радость» и т. п. При этом «счастье», с точки зрения внутренней формы слова, должно выражать наивысшую степень переживаемого благополучия в субъективной личностной оценке (ср.: «благополучие»: 1. Спокойное — без неудач и потрясений — течение дел, жизни // Материальная обеспеченность, достаток // Счастье в любви, в семейной жизни; 2. *разг.* Обычное — без отклонений от нормы, нежелательных явлений — состояние кого-либо; «счастье»: 1. Состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости; 2. Успех, удача // Счастливый случай, счастливое стечение обстоятельств) [7]. Следует обратить внимание, что во всех случаях толкования понятий отсутствует указание на приложение собственных сил к достижению потенциального состояния, все термины характеризуются через нечто «прибывшее, притекшее» извне. Этимологический анализ понятия «счастье» дает возможность в определенной мере приблизиться к установлению его смыслового пространства как философского понятия: корень — «част-», однокоренные ему слова «участь», «участник», «причастность», «причастие», приставка «с-» в русском языке обозначает соединение с чем-либо, совместное бытие, со-причастие чему-то. Таким образом, понятие «счастье» в данном контексте можно понимать как соединение с некоей частью — а именно со своей долей, т. е. постижение собственной судьбы, собственного места и назначения. В предлагаемом понимании «счастье» становится возможным, когда в жизни человека наличествуют смысл, цель, предназначение, возникает осмысленность [9].

Известно, что в представлениях о себе и своем благополучии человек придает особое значение идее собственного величия, неоспоримого права изменять окружающий мир и самого себя, в связи с чем степень оценки собственного благополучия может выражаться в субъективных, личностно воспринимаемых оценках в превосходной степени, а состояние актуального благополучия может быть определено на основании такого восприятия собственного состояния, как «счастье».

Человек всегда пытался объяснить, что такое счастье, представления о нем берут свое начало в философии и религии. В античной философии бытовало два основных представления: гедонистическое (идущее от Аристиппа из Кирены) и эвдемонистическое (термин «эвдемония» введен Аристотелем). Эвдемонистическое счастье связано с внешним фактором, внешней оценкой со стороны, т. е. данное направление можно назвать объективным. Объективность

данного направления подтверждается этимологией слова «*eudaimonia*» («судьба человека под покровительством богов»).

Гедонистические идеи в более позднее время развивались бихевиоризмом, психоанализом и позднее легли в основу названия отдельного направления современной психологии — гедонистического.

Эвдемонистические идеи отражаются во многих современных теориях личности, принадлежащих гуманистической, экзистенциальной и позитивной психологии. Так, они представлены в концепции К. Роджерса о «полностью функционирующей личности», в теории Э. Эриксона о «личностной идентичности» (*personalidentity*); у А. Уотермана эти идеи представлены как «личностная выраженность» (*personalexpressiveness*); Э. Динер, С. Рифф, Б. Сингер и другие развивают идеи эвдемонизма в психологической теории «субъективного благополучия», М. Селигман — в концепции «аутентичного счастья». Объективности ради стоит заметить, что наиболее детально проблема счастья проработана в зарубежной психологии. Следует признаться, что «счастье» — это междисциплинарное явление, это подтверждает обширная философская, литературоведческая, культурологическая, социологическая, богословская библиография. Однако примерно до 1960-х гг. научная психология практически не занималась изучением данного феномена.

На основании сказанного следует провести философско-психологический анализ подходов к оценке такой специфической особенности мировоззрения человека, как личностное представление о счастье в качестве меры субъективного благополучия. Именно на основе трактовки данного понятия еще с древнейших времен человек не только отбирал критерии предпочитаемого образа жизни, но и формулировал основные этические принципы и социальные идеи. Близкие к понятию «счастье» слова «благоприятная судьба», «везение», возникшие в древней этике и трактовавшиеся как «добрая судьба», в древнегреческих мифах и философских трактатах обозначались как «эвдемония». Этот термин получил развитие в сочинениях Аристотеля и обозначал «обладание высшими благами». Для передачи наивысшей степени переживания счастья использовалось понятие «блаженство» как удовольствие в наивысшей степени, причем удовольствие означало исключительно внутренние положительные переживания, для обозначения положительных условий жизни применялось понятие «удача». Впервые о роли личности в осознании меры счастья, удачной жизни заговорил Демокрит, подчеркивая, что человек и его воображение являются внутренними условиями самоудовлетворенности. В отличие от Демокрита Платон, Сократ и их последователи считали самоудовлетворенность лишь следствием счастливой жизни, состоящей в обладании высшими благами.

Благодаря Аристотелю понимание «счастья» приобрело сложную систему условий, включающих желание, волю, воспитание и образование, и, что особенно важно, деятельностьную окраску, лежащую в основе фелицитарного блага, когда счастье возможно только в результате деятельности души — «в полноте добродетели», доставляющей человеку наслаждение и моральное удовлетворение. Отсюда Аристотель выводит детерминированность цели и деятельности на том основании, что высшее благо, будучи счастьем, и есть

цель, а совершенная цель заключена в деятельности; в итоге, по его мнению, добродетельный человек может обладать высшим благом. Данная теория перекликается с представлениями о добродетели основоположника кинической школы Антисфена, который в качестве условий добродетели называл желание и волю человека, включенные Аристотелем в систему детерминант.

Таким образом, по мере осмысления действительности и отражения ее в мировоззренческих концепциях представление человечества о счастье как форме благополучия претерпело развитие от дофилософского понятия «благоприятная судьба» через мифологическое «блаженство» к философскому «удовлетворение жизнью», правда, в двух системах координат: одна рассматривает его как внутреннее состояние (Демокрит), другая — как обладание высшими благами (эвдемония). Исходя из сказанного, мы приходим к необходимости рассмотрения эвдемонического и деонтологического понимания вопроса об источнике счастья относительно его субъекта — внешнего или внутреннего. По мнению Аристиппа из Кирены, как и всех последователей гедонистического направления, в качестве высшего блага и цели жизни предстают личные удовольствия, разнообразные чувственные наслаждения, различающиеся своей интенсивностью. Далее содержание понятия в концепте «добродетель» развивал Эпикур, который, а вслед за ним и его последователи, считал счастье важнейшей нравственной целью, склонностью следовать в поступках нормам морали для спокойной совести, кроме того, в структуру добродетели он включает познание как способ освобождения от невежества, суеверия и разум как условие достижения счастья на основе соизмерения своих действий. Позднее Сенека выделил в качестве источника счастья и основной добродетели способность человека следовать моральным принципам и противостоять злу. Краткий анализ дает основание заключить, что эвдемонические теории признают как внутренние, так и внешние источники счастья, а высшее благо в них может иметь и моральную, и натуралистическую природу. Деонтологические теории признавали счастье производным от добродетели, а источник счастья на этом основании являлся внутренним.

Кроме двух основных подходов к пониманию счастья, каждый философ античности, так или иначе, касался понятия счастья. В I в. до н. э. римский философ Варрон выявил 289 точек зрения на счастье, и в каждом новом определении вычленялась какая-либо одна точная идея, без которой счастье действительно неосуществимо.

Понятие счастья, употреблявшееся в философии с IV в. до н. э. вплоть до XVII в., сегодня не используется. Начало нашей эры отмечено возникновением новых взглядов на понимание и постижение счастья. Так, Евангелие подразумевает, что счастье — это, прежде всего, смирение с тем, что дано человеку — и физически, и метафизически. Основной аргумент для такого понимания счастья в христианской мысли содержится в тексте первой из девяти заповедей блаженств — «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», где традиционно добродетель смирения выдвигается на первое место среди всех прочих христианских добродетелей. Лишь жертвенная любовь дает людям возможность стать счастливыми. Христианская философия по мере раз-

вития все в большей степени сближала понятие «счастье» с добродетельной жизнью, сочетанной с верой в Бога и любовью. Последние мотивы были специфическими в христианской философии счастья. Труды Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница подвели черту пониманию счастья как совершенства, обладания высшими благами. Средневековая христианская философия, считавшая чувственные побуждения греховными, сменилась в эпоху Возрождения культом естественного и чувственного. В этот период гедонистические теории переживали ренессанс благодаря материалистическим теориям потребностей П. А. Гольбаха, К. А. Гельвеция, Бернара Ле Бовье де Фонтенеля и др., объяснявших причины несчастья человека его ложными представлениями и неспособностью пользоваться тем, что человеку дано. Поэтому П. А. Гольбах, выводя основную формулу счастья, назвал полезность людям добродетелью, которая делает человека счастливым. Этот же принцип пользы обнаруживается в качестве базового в теории счастья этики утилитаризма XIX в. Например, Дж. С. Милль также считал, что человек должен содействовать счастью других, но в его учении появляется индивидуально-ситуативная окраска анализируемого состояния личности. В отличие от П. А. Гольбаха и Дж. С. Милля, И. Бентам — основоположник утилитаризма в английской философии понимал под пользой частные интересы человека, влияющие на моральную оценку действий и отношений между людьми. И. Бентам, считая, что «полезный» предмет приносит выгоду, счастье, удовольствие, относит к удовольствиям ряд показателей, часть которых может быть измерена объективными методами, другая же часть явно носит субъективную оценку. Так, И. Бентам называет в одном ряду здоровье, умение, дружбу, доброе имя, власть, благочестие, доброжелательность, память, воображение, общение, утешение, при этом содержание этих понятий соответствует ценностным ориентирам эпохи индивидуальной конкуренции, основной принцип которой требует при совершении действия или поступка исходить из расчета «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов». В более поздних подходах к пониманию благополучного, счастливого существования человека начинает проявляться роль государства. Человек рассматривается с точки зрения собственных способностей творить ценности, и сам начинает выступать как высшее благо. В связи с этим благо приобретает не только общечеловеческий, но и классовый характер. Данная характеристика возникает в марксистском учении, уделяющем серьезное значение вопросам нравственной жизни человека. По мнению марксистов, средства достижения счастья состоят в том, «чтобы выступать регулятивной идеей морального сознания, помогающей человеку в процессе поиска ценностных ориентиров и моральных маяков своей жизни» [5], мораль не отождествляется со счастьем; при этом марксизм, утверждая таким образом детерминированность счастья и добродетели, сходен с эвдемонизмом. XIX в. ознаменовался появлением утопических идей о всеобщем благе и счастье. Так, К. А. Сен-Симон считал, что для воплощения этих идей необходимо вмешательство государства.

Для достижения трансцендентного счастья — вечной блаженной жизни и земного счастья по учению Православной церкви необходимо участие

человека в таинстве святого причастия (одном из семи таинств), где и совершается физическое и метафизическое единение Бога и человека. Термин «святое причастие» указывает на то, что именно участие в этом таинстве присоединяет человека к Божественной благодати, которая дает человеку жизнестойкость [1]. Отсюда можно сделать вывод, что в православии человеческое счастье невозможно без причастия.

В русской философской мысли идея взаимосвязанности благополучия личности и роли государства начинает развиваться еще в XVII в. Так, В. Н. Татищев в сочинении «Разговор о пользе наук и училищ» утверждает, что «желание к благополучию в человеке, бесспорно, от Бога вкоренено есть», что «естественный закон» человеческой природы такой же «божественный закон», как записанный в Священном Писании. С петровских реформ усиливается интерес русских писателей к человеческой личности, которая воспринимается как активная личность, ценная и сама по себе, и еще больше — за «услуги отечеству». Я. П. Козельский в «Философских предложениях» подчеркивает, что политика должна не только укреплять благополучие общества, но и содействовать развитию добродетели и благопристойности, гармонизировать натуру человека, которая по своей природе «шероховата, следовательно, и не выполирована».

Во второй половине XVIII в. российские просветители защищали идеал свободной творческой личности, способной не только познавать законы природы и своего бытия, но и прилагать их на благо человека и человеческого общества. В XIX — начале XX в. российская религиозная философия развернула интенсивную критику идеи счастья как главного основания и объяснительного принципа жизни человека. В. Розанов, Н. Бердяев, А. Введенский и другие философы противопоставляли принципу стремления к счастью принцип стремления к смыслу как к чему-то ценному. Несмотря на то, что счастье, как и прежде, рассматривалось в качестве субъективного переживания, тем не менее оно оценивалось уже не как замкнутое в себе, а интенциональное переживание, порождаемое открытием и реализацией смысла посредством действий в мире.

Вслед за Б. Паскалем и Ф. М. Достоевским русский религиозный мыслитель Вл. Соловьев выражает свое отношение к благополучию личности как полноте бытия, свободе личности через противоположную оценку (от противного), считая истоком всякого неблагополучия личности в первую очередь метафизическое несоответствие духа и плоти человека: «Человеческое я, безусловное в возможности, ничтожно в действительности. ...освобождение от этого рабства может состоять только в достижении того безусловного содержания, той полноты бытия, которая утверждается бесконечным стремлением человеческого я. ...человек есть вместе и божество и ничтожество» [8, 137]. В. Соловьев утверждал, что понятие счастья, как и понятия пользы и наслаждения, не имеет нравственной природы и не может служить основой этики. Принцип стремления к счастью бессодержателен: из него выводятся абсолютно противоречащие друг другу учения, счастье эквивалентно остановке всех стремлений и неведению добра и зла. По этой же причине идея счастья не

может служить объяснением человеческой жизни, а мысль человека об устройении своем на земле по принципу счастья является ложной [4].

Социально-философский анализ понятия «благополучие» показывает, что оно начинает свой путь задолго до нашей эры. При этом в начале своего пути оно существует как «счастье», называемое благоприятной судьбой, везением. На протяжении длительного периода античности и Средних веков его расценивали как способность, возможность человека обладать наивысшими достоинствами и благами. Новое время наполнило его более натуралистическими оттенками, и исследуемое понятие свелось к понятию «удовольствие». Развитие рационализма дало толчок новому — более широкому — толкованию содержания понятия: от понимания его в качестве совершенного состояния человека, согласующего свое поведение с моральными нормами и голосом разума, до (снова) удовольствия, но с учетом моральных благ как условия, увеличивающего величину удовольствия.

В многовековой истории можно выделить дихотомическое («объективное — субъективное») понимание счастья. Объективное понимание счастья свойственно эпохе античности. Позднее, в раннехристианских учениях, постепенно формируется субъективное понимание счастья, которое подразумевает, что ощущение счастья не зависит от внешних факторов. В такой двойственной природе феномена счастья заключается его двоякая обусловленность — объективная, связанная с условиями и обстоятельствами жизни человека, и субъективная, связанная с внутренним миром человека и обуславливающая его восприятие жизни, отношение к ней. Эта дихотомия переходит из философии в психологию, где также имеются объективный и субъективный подходы к психологии счастья, и в последние десятилетия психология пытается выработать способ разрешения данного противостояния, подходя к счастью как интенциональному переживанию, понимая счастье как объективное благо и как субъективное переживание.

В аксиологии «благо» обозначает факт удовлетворения исконных потребностей, исторически исходный и подтвержденный житейским опытом. Для сравнения: «счастье» в аксиологическом понимании представляется как ценность, мера добра в жизни человека, идеал совершенства [3, 61]. По мере развития родового строя благо воспринимается человеческим сознанием как бессознательно переживаемая и интуитивно удовлетворяемая функция. Цивилизационное развитие человечества сталкивается с необходимостью осознать благо как изначальное, единственное всеобщее основание, сохраняющее актуальность и возможность неоднородности социальных и личностных интересов, изменчивость ментальности, обеспеченную множественностью социокультурных ориентаций индивидов.

Понятие «благополучие» изучалось в психологии, как и в большинстве гуманитарных наук, в контексте анализа таких концептов, как «счастье», «удовлетворенность жизнью» (Life Satisfaction), «качество жизни» (Quality of Life), «субъективное благополучие» (Subjective Well-Being).

Сегодня в мировой психологической науке наметились два стержневых подхода к пониманию природы благополучия: гедонистический и эвдемонистический.

Данные определения возникли благодаря основным концепциям счастья, появившимся еще в эпоху античной философии. В психологии они получили развитие на основе классификации теорий благополучия Р. Райана и Э. Дисси, разделивших все разработанные к этому времени подходы по осмыслению понятия «благополучия» на гедонистическое и эвдемонистическое течения. До сих пор не сложилось единого мнения относительно соотношенности понятий субъективного благополучия и психологического благополучия. Так, К. Рифф, Э. Динер, С. Ю. Семенов считают, что субъективное благополучие является составляющей психологического благополучия, Н. К. Бахарева, Л. В. Куликов, М. В. Соколова, Р. М. Шамионов, Г. Л. Пучкова и другие полагают, что, наоборот, психологическое благополучие часть субъективного. Встречается трактовка этих понятий как синонимичных (Н. Брэдбурн, Е. Н. Панина, Е. Е. Бочарова и др.). Не прекращаются споры о тождественности терминов субъективного и психологического благополучия; субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью; субъективного благополучия и счастья.

В настоящее время активно изучается связь психологического благополучия с различными особенностями личности (смысложизненными ориентациями, суверенностью психологического пространства, стратегиями жизни и т. д.) и ее социальными характеристиками; разрабатывается валидный и надежный инструментарий для измерения психологического благополучия, происходит уточнение и операционализация самого понятия; исследуется также влияние разнообразных объективных и субъективных факторов на психологическое благополучие личности (М. Аргайл, Н. Брэдбурн, Э. Динер, К. Рифф, М. Селигман, Р. Эммонс, Н. К. Бахарева, М. В. Бучацкая, А. В. Воронина, А. Е. Созонтов, П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова и др.).

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : синод. изд. М., 2004.

2. *Выготский Л. С.* Собр. соч. М., 1984. Т. 6.

3. *Дубко Е. Л., Титов В. А.* Идеал, справедливость, счастье. М., 1989.

4. История философии. Запад – Россия – Восток : в 4 ч. М., 1996. Ч. 2.

5. *Нешев К.* Этика счастья. М., 1982.

6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

7. Словарь Ефремовой : толковый словарь русского языка онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/efr.html> [дата обращения: 10.07.2013].

8. *Соловьев Вл. С.* Чтения о богочеловечестве. М., 2011.

9. *Урбанович Г. И.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля «Судьба, счастье, удача» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

10. Энциклопедический словарь в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2005.

Статья поступила в редакцию 09.12.2013 г.

УДК 159.944.4 + 331.101.3

И. О. Куваева**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА
У СОТРУДНИКОВ КОНТАКТ-ЦЕНТРОВ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГРАФИКА РАБОТЫ***

В статье представлено исследование специфики профессионального стресса у сотрудников контакт-центров. Описан целостный синдром стресса у данной категории специалистов. Выдвигается предположение, что график работы сотрудника оказывает влияние на особенности проявлений стресса и его устойчивые негативные последствия. Доказана повышенная напряженность трудовой деятельности персонала, график работы которого включает ночные смены.

Ключевые слова: профессиональный стресс; график работы; дневная смена; ночная смена; контакт-центр; оператор.

Современные организации, работающие в сфере обслуживания, стремятся к круглосуточному и оперативному взаимодействию с реальными и потенциальными клиентами. Поддержание постоянного контакта с потребителями приводит к тому, что деятельность персонала организовывается по нестандартным графикам, предполагающим посменную работу в различное время суток. Круглосуточный режим работы компаний, позволяющий взаимодействовать с клиентами в любое время, является мощным конкурентным преимуществом в сфере обслуживания.

Одним из эффективных способов поддержания постоянного контакта с потребителями является создание и функционирование контакт-центра (англ. call center, далее — КЦ). КЦ представляет собой подразделение организации, цель которого заключается в быстрой обработке входящих обращений и исходящих звонков, во взаимодействии с клиентами по другим каналам связи. Любой контакт с потребителем персонал выполняет строго в соответствии с принятыми в компании стандартами обслуживания. Работа операторов поддерживается программным обеспечением и разными техническими средствами (телефон, гарнитура, ПК и т. д.). Большинство современных КЦ осуществляют свою деятельность круглосуточно, поэтому работа операторов организована по нестандартным графикам. Этот режим труда предполагает посменную работу с предоставлением дней отдыха по скользящему графику. Такая организация рабочего времени у персонала КЦ позволяет каждому клиенту оперативно получать информационную и техническую поддержку в любое время суток.

* Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых Уральского федерального университета в рамках реализации программы развития УрФУ (договор № 2.1.1.1./20 от 27.05.2013 г.).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что посменная работа является значимым рабочим стрессором и приводит к изменениям биологических ритмов человека. Нестандартный график работы оказывает негативное влияние на физическое и психическое состояние человека, рабочую мотивацию и производительность труда, личную и семейную жизнь [2, 3, 10]. Однако в отечественной психологии недостаточно исследований, посвященных изучению влияния графика работы на специфику проявлений профессионального стресса (далее — ПС) и его устойчивых негативных последствий у персонала КЦ.

Необходимо отметить, что содержательные особенности и организационные аспекты деятельности операторов КЦ дают основание отнести данную группу специалистов к категории повышенного риска с точки зрения развития ПС [1, 7–9]. Так, персонал непрерывно взаимодействует с широким кругом клиентов по однотипному кругу вопросов. Количество социальных контактов оператора с потребителями варьируется 60 до 800 звонков за смену [6, 12]. Деятельность персонала находится под постоянным контролем супервизоров, каждое действие оператора фиксируется и подвергается оцениванию. Сотрудник КЦ длительно находится в сидячем положении в общем помещении с коллегами. Рабочее время персонала строго регламентировано, перерывы на обед и отдых фиксированы. По мнению самих операторов, организация работы по нестандартным графикам негативно сказывается на их состоянии: нарушается режим питания, изменяется привычное время сна, снижается внимание, появляется хроническая усталость, развиваются заболевания желудочно-кишечного тракта и т. д. [9, 11]. Таким образом, указанные стресс-факторы содержательно-организационных характеристик труда обуславливают напряженность персонала КЦ; негативные последствия стресса проявляются в ухудшении здоровья, снижении психических показателей человека и накоплении хронических эффектов.

Организация исследования

Целью эмпирического исследования является изучение специфических синдромов ПС у сотрудников с различными графиками работы в КЦ. Наше предположение заключается в том, что персонал, в графике работы которого есть ночные смены, в большей степени подвержен развитию ПС по сравнению с теми сотрудниками, которые работают в дневное и вечернее время.

Общая характеристика выборочной совокупности. Всего в исследовании приняли участие 262 человека, это операторы КЦ, работающие в телекоммуникационной и банковской сферах г. Екатеринбурга. В выборочной совокупности большую часть составляют женщины (222 чел.). Возрастной диапазон обследованной профессиональной группы — от 18 до 57 лет (средний возраст — 27 лет). Средний стаж работы респондентов составляет 6 лет 7 месяцев (средний опыт работы оператором — 2 года 3 месяца). В соответствии с целью исследования выделены две группы работников: 1) операторы, график которых не предполагает работу по ночам (124 чел., средний операторский стаж —

2,6 года); 2) операторы с чередованием дневных, вечерних и ночных смен (138 чел., средний операторский стаж — 1,8 года).

Методика исследования. Основным психодиагностическим инструментом, направленным на определение целостных синдромов ПС у выборочной совокупности, является диагностико-превентивная система «Интегральная диагностика и коррекция профессионального стресса» (сокращенно — ИДИКС). ИДИКС выявляет особенности ПС в полном цикле развития стресса: стрессоры — субъективная оценка трудовой ситуации — негативная симптоматика острых и хронических стрессовых состояний — личностные и поведенческие деформации [4]. Диагностический компонент системы ИДИКС является структурированным психометрическим тестом опросного типа. В его состав входят следующие основные шкалы: «Условия и организация труда» (TV1); «Субъективная оценка профессиональной ситуации» (TV2); «Вознаграждение за труд и социальный климат» (TV3); «Переживания острого стресса» (TV4); «Переживания хронического стресса» (TV5); «Личностные и поведенческие деформации» (TV6); «Общий индекс стресса» (TV0) [подробно: 5]. Анализ показателей по основным шкалам и субшкалам ИДИКС позволяет выявить зоны повышенного риска, требующие пристального внимания организационных психологов.

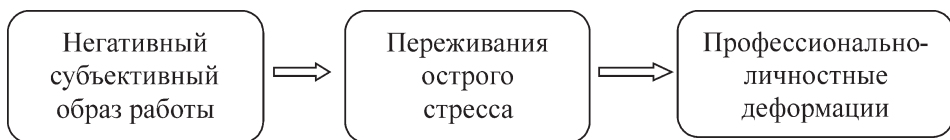
При обработке данных применяются следующие методы анализа: статистическая обработка и качественная интерпретация целостных синдромов ПС.

Описание и анализ полученных результатов

Особенности профессионального стресса у операторов контакт-центров

Исследование выраженности ПС у персонала продемонстрировало, что для большинства (97 %) работников трудовая деятельность в КЦ является стрессогенной (показатели общего стресса находятся за пределами умеренного уровня). К категории повышенного риска относится одна пятая часть (23 %) операторов, у которых отмечаются высокий и предельно высокий уровни ПС. Для этой части выборочной совокупности работа в КЦ представляет серьезную угрозу для здоровья и успешности выполняемой деятельности.

Качественный анализ целостных синдромов ПС у персонала КЦ продемонстрировал наличие общих проявлений стресса у двух групп операторов в независимости от графика работы. На рисунке отображена концептуальная модель развития ПС у сотрудников.

Развитие профессионального стресса у операторов контакт-центров

Так, общие проявления ПС у работников КЦ выражены в субъективном восприятии трудовой ситуации, переживаниях актуального стресса и способах совладания с напряженными рабочими ситуациями. Сотрудники воспринимают работу как простую по содержанию, малозначимую для других коллег и не предполагающую принятие самостоятельных решений. Тотальный контроль за деятельностью оператора и неэффективная система обратной связи являются факторами напряженности для представителей обеих групп. Негативная симптоматика острого стресса проявляется в сниженном самочувствии, затруднениях в поведении и общении, когнитивной напряженности. Персонал купирует рабочее напряжение с помощью вредных для здоровья привычек — интенсивного курения, употребления алкоголя после рабочего дня, переедания и т. д.

Рассматривая специфические особенности ПС у персонала КЦ, необходимо подчеркнуть, что качественное своеобразие проявлений стресса обусловлено содержанием деятельности сотрудников и организационными характеристиками труда данной категории специалистов.

Влияние режима труда на специфику проявлений ПС у операторов контакт-центров

По результатам сравнительного анализа выдвинутое предположение о повышенной стрессогенности графика с ночными сменами для операторов КЦ подтвердилось (см. таблицу).

Для сотрудников, график которых включает работу по ночам, характерен более высокий показатель общего стресса. В частности, среди специалистов данной группы каждый третий оператор имеет высокий и предельно высокий уровень ПС, среди сотрудников с дневным графиком — только каждый второй (28 % и 17 % соответственно). Эти специалисты относятся к группе риска и переживают негативное воздействие стресса при выполнении профессиональной деятельности.

График с ночными сменами представляется сотрудникам более напряженным и включает следующие стрессоры: интенсивность трудовых нагрузок, условия и особенности содержания труда. Персонал, работающий по такому графику, отчетливее ощущает колебания нагрузки в течение суток (в «часы пик» — много, ночью — мало), преимущественный тип контактов (днем — общение по телефону, ночью — другие каналы связи), изменение условий работы и отсутствие естественного света. У данной группы сотрудников сильнее сформированы негативные переживания острого и хронического стресса. Текущее стрессовое состояние операторов выражается в эмоциональной напряженности, хронические эффекты — в тревоге, астении, депрессивных и психосоматических проявлениях. Невротические реакции являются признаком личностных и поведенческих деформаций у этой группы специалистов в КЦ.

Таким образом, график операторов КЦ, включающий занятость в ночное время, представляет собой значимый фактор в формировании специфических особенностей ПС и его негативных психологических последствий у сотрудников.

Значимые различия в синдромах профессионального стресса у операторов с разными графиками работы (по результатам дисперсионного анализа)

Показатели ИДИКС	Вариант графика работы*		Значимые различия	
	без ночных смен	с ночными сменами	F	p
<i>Источники развития профессионального стресса</i>				
Условия и организация труда (TV1):	34,8 (6,9)	38,2 (7,1)	14,37	0,000
– условия труда	38,2 (7,5)	42,8 (8,3)	21,50	0,000
– интенсивность трудовых нагрузок	46,5 (5,8)	48,5 (6,1)	7,20	0,008
– особенности содержания труда	29,1 (9,2)	33,1 (9,5)	11,62	0,001
<i>Переживания острого, хронического стресса и накопленные эффекты</i>				
Эмоциональная напряженность (TV43)	41,3 (2,8)	42,1 (3,5)	3,95	0,048
Переживания хронического стресса (TV5):	47,7 (5,0)	49,7 (5,2)	8,19	0,005
– тревога	48,6 (6,2)	50,5 (6,9)	5,70	0,018
– агрессия	40,6 (5,6)	43,6 (8,3)	11,39	0,001
– депрессия	49,4 (6,6)	52,1 (7,8)	8,66	0,004
Психосоматические реакции	50,8 (7,2)	53,3 (9,1)	6,07	0,014
Невротические реакции (TV63)	48,8 (7,0)	51,6 (7,9)	8,87	0,003
<i>Интегральный показатель стресса</i>				
Общий стресс (TV0)	50,5 (4,1)	52,4 (4,5)	11,57	0,001

* Приводятся данные описательной статистики: средние значения и стандартное отклонение (в скобках).

По результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Большая часть сотрудников контакт-центров переживает профессиональный стресс на рабочем месте. Понимание содержательных и организационных характеристик труда операторов способствует интерпретации специфических особенностей в целостном синдроме профессионального стресса у персонала КЦ.

2. Пусковым механизмом в развитии стресса у сотрудников являются негативный образ работы и типичные субъективные затруднения, возникающие при выполнении профессиональной деятельности. В синдроме стресса у операторов выявлена негативная симптоматика острого стресса и неконструктивное купирование рабочего напряжения.

3. Доказано, что для сотрудников КЦ график работы с ночными сменами является более напряженным и определяет специфические проявления ПС.

В заключение заметим, что проведенное исследование позволило выявить основные зоны повышенного риска развития профессионального стресса у персонала контакт-центров. Особенности графика работы являются значимым

стрессором и влияют на специфику проявлений стрессовых состояний у операторов. Деятельность в ночные смены способствует формированию признаков хронического стресса и профессионально-личностных деформаций у сотрудников. Выявленные синдромы стресса у персонала контакт-центров дают основание организационным психологам внедрять профилактические и коррекционные мероприятия, направленные на снижение негативного воздействия посменной работы на функциональное состояние специалистов.

1. Жеглова К. Ю. Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007. 26 с.
2. Картрайт С., Купер К. Л. Стресс на рабочем месте. Харьков, 2004. 236 с.
3. Купер К. Л., Дэйв Ф. Дж., О'Драйсколл М. П. Организационный стресс: теории, исследования и практические применения. Харьков, 2007. 336 с.
4. Леонова А. Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психол. журн. 2004. № 2. С. 75–85.
5. Леонова А. Б. Методика интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса (ИДИКС) : метод. руководство. СПб., 2006. 56 с.
6. Леонова А. Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. 2007. № 1. С. 87–103.
7. Оператор: от найма до увольнения / В. В. Вольский, О. В. Веселова, Н. К. Золкина. Тверь, 2008. 200 с.
8. Самолюбова А. Б. Call Center на 100 % : практ. руководство по организации центра обслуживания вызовов. 2-е изд. М., 2010. 351 с.
9. Bohle P., Willaby H., Quinlan M., Namara M. Flexible work in call centres: working hours, work-life conflict & health // Applied Ergonomics. 2011. № 42. P. 219–224.
10. Jamal M. Burnout, stress and health of employees on non-standard work schedules: a study of Canadian workers // Stress and Health. 2004. № 20. P. 113–119.
11. Noronha E., D'Cruz P. Organizing call center agents: emerging issues // Economic and Politically Weekly. 2006. 27 May. P. 2115–2121.
12. Zapf D., Isic A., Becholdt M., Blau P. What is typical for call centre jobs? Job characteristics and service interactions in different call centres // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2003. № 12 (4). P. 311–340.

Статья поступила в редакцию 28.10.2013 г.

УДК 159.947.5 + 17.026 + 378.147

О. В. Ломтатидзе
О. В. Мылтасова

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАБОТЫ
С МЕТОДИКОЙ А. А. РЕАНА И В. А. ЯКУНИНА
«ИЗУЧЕНИЕ МОТИВОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ»**

Изложены результаты исследования учебно-профессиональной мотивации студентов. Наиболее информативным способом признан сбор данных об учебной мотивации студентов путем ранжирования. Наиболее значимым мотивом для студентов всех форм обучения является стремление стать высококвалифицированными специалистами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: учебно-профессиональные мотивы; форма обучения; способы изучения мотивации; ценные и значимые мотивы.

Задумываться о выборе профессии большинство подростков начинает в старших классах школы. Однако предпочтения ими того или иного вуза, направления подготовки нередко мотивированы внешними или случайными факторами (мода, отсутствие устойчивого интереса к какой-либо сфере профессиональной деятельности, неготовность к самостоятельному принятию решения и т. д.). В процессе обучения в вузе отношение к будущей профессиональной деятельности у молодых людей становится более осознанным.

Студенты, после школы окончившие колледж и затем поступившие в вуз, изначально более профессионально ориентированы — многие из них либо продолжают обучение по специальности, которую они получили в колледже, либо, имея недостаточно удачный опыт первого выбора будущей профессии, выбирают то, что в наибольшей степени соответствует их истинным интересам и склонностям.

На этапе обучения в вузе студенты осваивают профессиональные навыки, получают знания, вырабатывают профессионально значимые умения. Именно на этапе профессионального обучения важную роль играет формирование учебной мотивации к овладению будущей профессиональной деятельностью.

На учебную мотивацию оказывает влияние множество факторов. Анализируя мотивационные установки студентов вузов, следует учитывать как доминирующие мотивы, так и структуру мотивационной сферы в целом. Такой подход к изучению данной проблемы позволяет понять, почему студент выбрал данную профессию, пришел учиться именно в этот вуз, каково его отношение у учебному процессу, планирует ли он в будущем работать по выбранной

ЛОМТАТИДЗЕ Ольга Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: olya.l@mail.ru).

МЫЛТАСОВА Ольга Валерьевна — старший преподаватель кафедры социологии и психологии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург (e-mail: Olg-gor@mail.ru).

© Ломтатидзе О. В., Мылтасова О. В., 2014

специальности, и в конечном счете прогнозировать, какого специалиста вуз выпустит.

Отечественными исследователями изучались различные аспекты проблемы: структура учебно-профессиональной мотивации [4], развитие мотивации к овладению профессией в период обучения в вузе [2], влияние мотивации и интеллекта на уровень учебной активности студентов, становление студентов в процессе их обучения в вузе [7], мотивационный компонент психологической готовности к выбору профессии в ранней юности [5], психологическая подготовка студентов к будущей профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе [6] и др.

Во многих исследованиях обращается внимание на то, что успешность учебной деятельности связана с определенной мотивацией. Например, Л. И. Божович указывала, что учебная мотивация побуждается иерархией мотивов, в которой доминирующими могут быть либо внутренние мотивы, связанные с содержанием этой деятельности и ее выполнением, либо широкие социальные мотивы, связанные с потребностью личности занять определенную позицию в системе общественных отношений. При этом с возрастом происходит развитие соотношения взаимодействующих потребностей и мотивов, изменение ведущих доминирующих потребностей [1, 235]. Ю. М. Орлов отмечает, что «наибольшее влияние на академические успехи оказывает познавательная потребность в сочетании с высокой потребностью в достижениях» [3, 21].

Мотивация студентов разных форм обучения имеет свои особенности. В данном исследовании было задействовано 389 человек. Из них 217 — студенты очной формы обучения на базе среднего образования (20 студентов 2-го курса, 189 студентов 3-го курса и 8 — четвертого); 172 — студенты очной сокращенной формы обучения на базе среднего специального образования (45 студентов 2-го курса, 108 студентов 3-го курса и 19 — четвертого).

Испытуемые условно были поделены на шесть групп: три группы — студенты очного дневного отделения, 2, 3 и 4-й курсы; три группы — студенты факультета сокращенной подготовки (ФСП), 2, 3 и 4-й курсы.

Для исследования мотивации учебной деятельности испытуемых была использована методика А. А. Реана и В. А. Якунина «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» [3, 216]. Методика имеет два варианта: в одном случае по 7-балльной шкале оценивается каждый из 16 представленных мотивов учебной деятельности по их значимости для студента, в другом — испытуемые выбирают по пять наиболее значимых мотивов из списка в 16 мотивов.

При работе со вторым вариантом методики у студентов нередко возникают затруднения: некоторые из них называют менее пяти значимых мотивов, другие — более пяти. В связи с этим нами было принято решение провести исследование с применением процедуры ранжирования мотивов: студентам предлагалось определить значимость всех 16 мотивов, распределив их от наиболее значимого к наименее значимому. Выбор пяти наиболее значимых мотивов осуществлялся нами с учетом рангов, присвоенных студентами каждому мотиву.

Перед нами стояли две основные исследовательские задачи:

во-первых, установить, какой из способов сбора данных является наиболее информативным для изучения мотивации;

во-вторых, определить, у какой группы студентов — обучающихся на базе среднего образования или обучающихся на базе среднего специального образования по сокращенной форме — более выражена адекватность сформированных мотивов целям высшего профессионального образования.

Исследование проходило в 2 этапа: на первом — каждый из 16 предложенных мотивов учебной деятельности оценивался испытуемыми по 7-балльной шкале; на втором — респондентами проводилось ранжирование всех 16 мотивов.

Согласно методике, для ранжирования испытуемым предлагалось 16 мотивов: «Стать высококвалифицированным специалистом»; «Получить диплом»; «Успешно продолжить обучение на последующих курсах»; «Успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»»; «Постоянно получать стипендию»; «Приобрести глубокие и прочные знания»; «Быть постоянно готовым к очередным занятиям»; «Не запускать изучение предметов учебного цикла»; «Не отставать от сокурсников»; «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности»; «Выполнять педагогические требования»; «Достичь уважения преподавателей»; «Быть примером для сокурсников»; «Добиться одобрения родителей и окружающих»; «Избежать осуждения и наказания за плохую учебу»; «Получить интеллектуальное удовлетворение».

Для выявления взаимосвязей между исследуемыми мотивами при разных способах сбора данных результаты, полученные путем шкалирования (оценивания каждого мотива по 7-балльной шкале), результаты, полученные при ранжировании всех мотивов, и результаты, полученные при выделении пяти наиболее значимых мотивов, были обработаны с помощью корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

Обсудим результаты, полученные в группах студентов очного дневного отделения. У второкурсников установлены прямые корреляционные связи между шкалированием (оцениванием всех мотивов в баллах) и их ранжированием (присвоением каждому мотиву определенного ранга, исходя из степени его значимости для студента) по 8 мотивам: «Успешно учиться», «Постоянно получать стипендию», «Приобрести глубокие и прочные знания», «Не отставать от сокурсников», «Стать высококвалифицированным специалистом», «Получить диплом», «Получить интеллектуальное удовлетворение», «Достичь уважения преподавателей». Между шкалированием и выделением пяти наиболее значимых мотивов у студентов второго курса корреляционные связи проявились по 7 мотивам: «Стать высококвалифицированным специалистом», «Получить диплом», «Успешно продолжить обучение на последующих курсах», «Успешно учиться», «Приобрести глубокие и прочные знания», «Добиться одобрения родителей и окружающих», «Получить интеллектуальное удовлетворение».

У студентов третьего курса установлены связи между шкалированием и ранжированием по 15 мотивам, т. е. по всем, кроме мотива «Выполнять педагогические требования». При расчете корреляций между шкалированием и

наиболее значимыми пятью мотивами прямые связи установлены по 13 мотивам. Не установлены связи по мотивам «Не запускать изучение предметов учебного цикла», «Не отставать от сокурсников». Что касается мотива «Выполнять педагогические требования», то здесь выявлена обратная корреляционная связь.

Интересно, что у студентов четвертого курса связей между мотивами очень мало: при расчете корреляций между шкалированием и ранжированием связь установлена по мотивам «Не отставать от сокурсников» и «Добиться одобрения родителей и окружающих»; между шкалированием и выделением пяти наиболее значимых мотивов установлена слабая связь по мотиву «Стать высококвалифицированным специалистом».

У студентов, обучающихся по сокращенной форме, результаты корреляционного анализа схожи с результатами студентов очного дневного отделения. У второкурсников сравнение балльного оценивания с ранжированием позволило установить связи по всем мотивам учебной деятельности, кроме мотивов «Быть постоянно готовым к очередным занятиям» и «Выполнять педагогические требования», т. е. по 14 мотивам. А связи между оцениванием всех мотивов в баллах и наиболее значимыми мотивами выявлены только по 9 мотивам из шестнадцати.

Анализ результатов, полученных у студентов третьего курса, показал, что между оцениванием мотивов в баллах и ранжированием корреляции имеются по 14 мотивам. Исключения составляют «Выполнять педагогические требования» и «Быть примером для сокурсников». В то время как расчет корреляций между мотивами в их балльном оценивании и выделенных в качестве наиболее значимых показал связи только по 10 мотивам.

У студентов 4-го курса ФСП, как и у студентов 4-го курса дневного отделения, связей между мотивами очень мало: при расчете корреляций между балльным оцениванием и ранжированием связь установлена по мотивам «Быть постоянно готовым к очередным занятиям», «Не отставать от сокурсников», «Выполнять педагогические требования», т. е. по трем мотивам. А при расчете корреляций между шкалированием и наиболее значимыми пятью мотивами — по четырем: «Получить диплом», «Успешно продолжить обучение на последующих курсах», «Успешно учиться», «Приобрести глубокие и прочные знания».

Таким образом, установлено, что при ранжировании мотивов имеется больше корреляционных связей между ними, чем при балльном оценивании мотивов. Исходя из этого, наиболее информативным может считаться сбор данных путем ранжирования.

В результате ранжирования становится очевидно, какие мотивы и группы мотивов более значимы для студентов, какие — менее. Причем процедура ранжирования позволяет не только определить значимость для студента каждого мотива, но и охарактеризовать структуру его мотивационной сферы в целом.

При выделении 5 ведущих мотивов мы лишаемся возможности установить степень значимости каждого из предложенных мотивов. Однако выделение 5 доминирующих мотивов дает возможность установить основные факто-

ры, определяющие отношение студентов к учебной деятельности. Соответственно, исходя из исследовательских задач, можно выбирать один или другой способ сбора данных.

Определение значимости каждого мотива с помощью процедуры ранжирования было проведено нами в каждой группе студентов. Таким образом, выявлены наиболее значимые и наименее значимые мотивы внутри каждой группы. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значимость учебных мотивов для студентов разных форм обучения

Место	Дневная очная форма обучения			Сокращенная форма обучения		
	2-й курс	3-й курс	4-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс
1-е	1-СВКС	1-СВКС	3-УПО	1-СВКС	1-СВКС	1-СВКС
2-е	2-ПД	2-ПД	6-ПГЗ	2-ПД	2-ПД	2-ПД
3-е	10-ОПД	6-ПГЗ	10-ОПД	6-ПГЗ	6-ПГЗ	6-ПГЗ
4-е	3-УПО	10-ОПД	1-СВКС	3-УПО	10-ОПД	10-ОПД
5-е	6-ПГЗ	4-УУ	16-ПИУ	4-УУ	3-УПО	16-ПИУ
15-е	13-БПС	13-БПС	12-ДУП	5-ППС	13-БПС	15-ИОН
16-е	5-ППС	15-ИОН	15-ИОН	15-ИОН	5-ППС	5-ППС

Примечание. Здесь и в табл. 2, а также на рисунке использованы условные обозначения: 1-СВКС – «Стать высококвалифицированным специалистом», 2-ПД – «Получить диплом», 3-УПО – «Успешно продолжить обучение на последующих курсах», 4-УУ – «Успешно учиться, сдавать экзамены на “хорошо” и “отлично”», 5-ППС – «Постоянно получать стипендию», 6-ПГЗ – «Приобрести глубокие прочные знания», 7-БГЗ – «Быть постоянно готовым к очередным занятиям», 10-ОПД – «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», 12-ДУП – «Достичь уважения преподавателей», 13-БПС – «Быть примером для сокурсников», 15-ИОН – «Избежать осуждения и наказания за плохую учебу», 16-ПИУ – «Получить интеллектуальное удовлетворение».

Практически для всех студентов, вне зависимости от формы и курса обучения, главным является мотив «Стать высококвалифицированным специалистом». Исключение составили студенты четвертого курса дневного отделения, для которых этот мотив стоит на 4-м месте. Кроме того, к числу наиболее значимых для большинства студентов относятся мотивы «Приобрести глубокие прочные знания», «Получить диплом» и «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности». У студентов вторых курсов обеих форм обучения и у трехкурсников ФСП в группу пяти наиболее значимых вошел мотив «Успешно продолжить обучение на последующих курсах». У студентов четвертого курса обеих форм обучения – мотив «Получить интеллектуальное удовлетворение», что говорит о личностном развитии и профессиональном становлении, когда будущему специалисту важно не просто обрести определенную профессию, но и испытывать удовлетворение в процессе ее освоения.

Наименее значимы для студентов всех форм обучения мотивы «Избежать осуждения и наказания за плохую учебу» и «Быть примером для сокурсников». На наш взгляд, это свидетельствует о том, что для современной молодежи система воспитания через общественное поощрение/порицание малоэффективна. Важнее определять себя в контексте отношения к будущей профессии (что я знаю? что я умею? чего я могу достичь в профессиональной деятельности?). Для студентов ФСП также к наименее значимым относится мотив «Постоянно получать стипендию», что закономерно, так как на этой форме обучения все студенты учатся платно.

В силу того, что ценность мотивов определяется балльным оцениванием каждого из них, в соответствии с их балльными значениями выделено 5 наиболее и 2 наименее ценных мотива для каждой группы испытуемых. Результаты, полученные в группах, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ценность учебных мотивов для студентов разных форм обучения

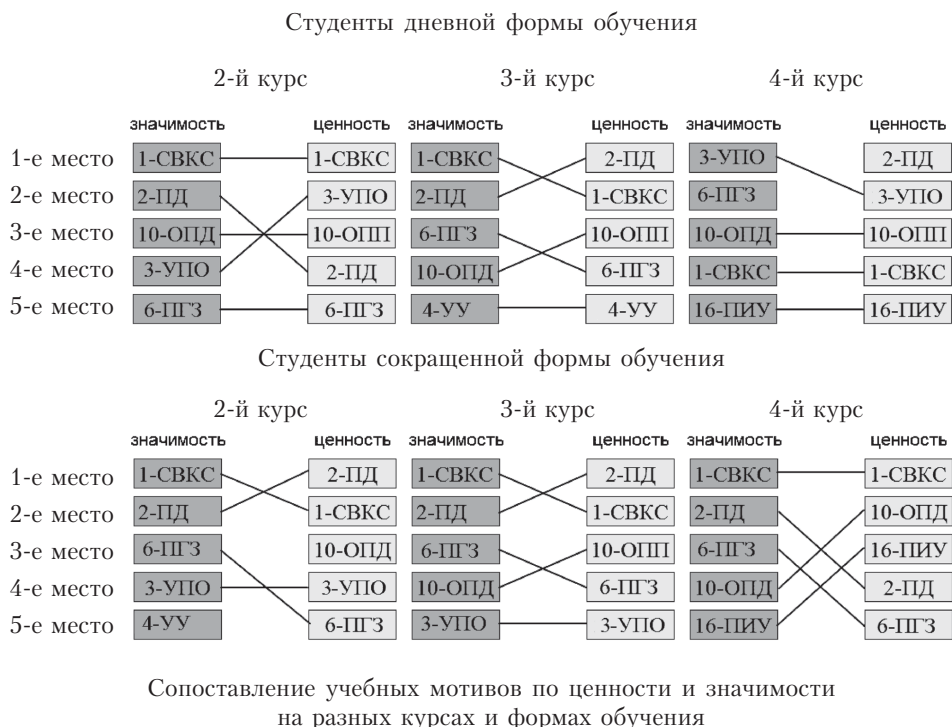
Место	Дневная очная форма обучения			Сокращенная форма обучения		
	2-й курс	3-й курс	4-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс
1-е	1-СВКС	2-ПД	2-ПД	2-ПД	2-ПД	1-СВКС
2-е	3-УПО	1-СВКС	3-УПО	1-СВКС	1-СВКС	10-ОПП
3-е	10-ОПП	10-ОПП	10-ОПП	10-ОПП	10-ОПП	16-ПИУ
4-е	2-ПД	6-ПГЗ	1-СВКС	3-УПО	6-ПГЗ	2-ПД
5-е	6-ПГЗ	4-УУ	16-ПИУ	6-ПГЗ	3-УПО	6-ПГЗ
15-е	7-БГЗ	5-ППС	12-ДУП	15-ИОН	13-БПС	15-ИОН
16-е	5-ППС	15-ИОН	15-ИОН	5-ППС	5-ППС	5-ППС

Анализ ценности мотивов показал, что наиболее ценными мотивами для студентов являются: «Стать высококвалифицированным специалистом», «Получить диплом», «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», «Приобрести глубокие прочные знания» и «Успешно продолжить обучение на последующих курсах». Причем высокая ценность этих мотивов определена для большинства групп студентов. Однако среди наиболее ценных для студентов четвертых курсов обеих форм обучения оказался мотив «Получить интеллектуальное удовлетворение», что совпадает с высокой оценкой его значимости, а для третьекурсников очной формы обучения к числу как наиболее значимых, так и наиболее ценных относится мотив «Успешно учиться, сдавать экзамены на “хорошо” и “отлично”».

При анализе наименее ценных мотивов установлено, что у студентов ФСП это тот же самый набор, что и в плане значимости: «Постоянно получать стипендию» и «Избежать осуждения и наказания за плохую учебу». Для студентов очной формы обучения эти мотивы тоже не обладают высокой ценностью, но следует отметить, что для студентов четвертого курса очного отделения в числе наименее ценных оказались и такие мотивы, как «Быть

постоянно готовым к очередным занятиям» и «Достичь уважения преподавателей».

Анализ полученных результатов свидетельствует, что значимость и ценность мотивов выражены в равной степени — что значимо, то и ценно. На рисунке показано соотношение пяти наиболее важных мотивов в каждой группе.

При сопоставлении полученных данных было установлено, что вне зависимости от места расположения внутри первых пяти мест значимые и ценные мотивы практически совпадают. Тем не менее определенные расхождения были выявлены: у студентов четвертого курса дневной формы обучения на первом месте среди ценных стоит мотив «Получить диплом», а среди значимых его нет; значимым определен мотив «Приобрести глубокие прочные знания», который не отмечен как ценный. У студентов ФСП, второкурсников, в списке значимых мотивов выделен мотив «Успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»», а в списке ценных — «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности».

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что для студентов дневной формы обучения самыми важными мотивами — и с позиции ценности, и с позиции значимости — являются мотивы «Стать высококвалифицированным специалистом» и «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности». Для студентов ФСП как наиболее значимыми, так

и наиболее ценными являются мотивы «Стать высококвалифицированным специалистом», «Приобрести глубокие прочные знания» и «Получить диплом».

У студентов дневной формы обучения к числу наиболее значимых и ценных относятся также мотивы «Приобрести глубокие прочные знания» и «Получить диплом». Но значимость выше у первого из них, а ценность — у второго.

Аналогичная картина относительно мотива «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», который входит в пятерку как наиболее значимых, так и наиболее ценных у студентов ФСП: его ценность для данной группы испытуемых выше, чем его значимость.

Таким образом, очевидно, что студенты, вне зависимости от формы обучения и курса обучения, наиболее ценным и значимым в процессе учения в вузе определяют для себя мотив «Стать высококвалифицированным специалистом». Следовательно, сегодняшние студенты и завтрашние специалисты более всего ориентированы на становление себя как будущего профессионала, и это очень важно, так как главной задачей при подготовке будущего профессионала как раз является выработка профессионально важных качеств. Следующим по значимости и ценности для испытуемых был определен мотив «Получить диплом». Безусловно, наличие документа, подтверждающего, что человек имеет профессиональное образование, является одним из важных итогов его обучения в вузе и условием начала его профессиональной деятельности. Но, к сожалению, сегодня сам факт получения диплома становится для многих студентов самоцелью. Мотив «Приобрести глубокие прочные знания» и ценен, и важен для всех категорий студентов. Если главной задачей студента является получение знаний, которые он сможет применять в своей дальнейшей профессиональной деятельности, то он будет максимально нацелен на освоение образовательной программы в вузе, конструктивен при подготовке к занятиям, включен в получение информации на лекциях. Мотив «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности» важен для студентов всех курсов обеих форм обучения. Становление будущего профессионала начинается еще в период обучения в вузе, когда студент впитывает в себя профессионально важные знания, умения и навыки, осваивает профессиональную этику, профессиональные категории, с которыми впоследствии он будет сталкиваться.

Полученные результаты позволяют расширить возможности работы с методикой А. А. Реана и В. А. Якунина «Изучение мотивов учебной деятельности студентов». Для нас наиболее показательными с точки зрения установления значимости мотивов оказались результаты, полученные при использовании процедуры ранжирования. При таком способе работы над методикой исследователь получает возможность оценить значимость для испытуемых каждого мотива в отдельности и в совокупности всех представленных мотивов, что расширяет возможности самого использования методики.

2. *Комусова Н. В.* Развитие мотивации к овладению профессией в период обучения в вузе. Л., 1983.
3. *Орлов Ю. М.* Потребностно-мотивационные факторы эффективности учебной деятельности студентов вуза : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1984.
4. *Реан А. А., Коломинский Я. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб., 2000.
5. *Сорокоумова Т. В.* Мотивационный компонент психологической готовности к выбору профессии в раннем юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
6. *Шишигина Т. Р.* Психологическая подготовка студентов к будущей профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 1993.
7. *Якунин В. А.* Психология учебной деятельности студентов. М. ; СПб., 1994.

Статья поступила в редакцию 20.11.2013 г.

УДК 008 + 351.85(470) + 316.7

Е. В. Головнева

МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Феномен региональной идентичности рассматривается как совокупность относительно автономных дискурсов (мифологического, религиозного, художественного, философского и политического), имеющих свои источники формирования и пополнения, свои базовые постулаты и способы развертывания знания. Выявляется динамичный характер взаимодействия дискурсов региональной идентичности в современной культуре.

Ключевые слова: региональная идентичность; дискурс; современная культура.

Несмотря на то, что исследование идентичности является традиционной темой в гуманитарных науках, изучение проблем, непосредственно связанных с явлениями регионального и кроссрегионального уровня, до сих пор носит в отечественных работах эпизодический характер. Такое положение дел во многом связано с отсутствием теоретико-методологической концептуализации понятия «региональная идентичность», а также с междисциплинарными барьерами в ее изучении.

В действительности, как показывает мировой и российский опыт, актуальность «регионального фактора» не снижается, а лишь варьируется соответственно политической обстановке. Анализ региональной идентичности позволяет сегодня обозначить следующую проблему: ослабление и потеря региональной идентичности способствует переходу от «эпохи обустроенности» к «эпохе бездомности» (М. Бубер), развитию «проблемной» идентификации. Вариативность культуры и осознания себя в ней заложены на уровне природы самого человека — носителя культуры, не терпящего однообразия. В связи с этим

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: golovneva.elena@gmail.com).

© Головнева Е. В., 2014

актуально не только создание привлекательного образа своей территории с помощью политических технологий, но и конкретно-научное изучение содержания региональных идентичностей, изучение механизмов их развития и возможных сценариев дрейфа.

Целью данной статьи является выделение и описание различных дискурсов в структуре региональной идентичности. Под дискурсом в данном случае имеется в виду выраженная в языке форма воплощения содержания сознания, регулируемая преобладающим в данной социокультурной традиции типом рациональности. Дискурс ориентирован на раскрытие вполне конкретного горизонта смыслов. Многообразие дискурсов в современном информационном пространстве порождает разногласия, пересечение новых и зачастую диссонирующих друг с другом смыслов [3, 17–20].

Представляется, что активно обсуждаемый сегодня в гуманитарных науках феномен региональной идентичности до некоторой степени также образует собой систему дискурсов. Так, очевидна разница в системах высказываний о региональной культуре на бытовом и профессиональном уровне, в представлениях обывателей и декларациях политической элиты. Согласно британской исследовательнице Дорин Мэсси, сегодня региональная идентичность выражается именно в рассказываемых историях, в том, как они рассказываются и какая из этих историй превалирует [7]. Причем различные дискурсы в рамках региональной идентичности реализуются не только непосредственно, спонтанно, но и создаются целенаправленно, конструируются усилиями политической и культурной элиты.

В рамках региональной идентичности, на наш взгляд, можно выделить (по формам общественного сознания) мифологический, религиозный, художественный, политический и философский дискурсы. Каждый из этих дискурсов региональной идентичности представляет собой до некоторой степени самостоятельный способ отношения к региональной культуре, имеющий свои источники формирования и пополнения, свои базовые постулаты и свои специфические логические приемы и способы развертывания знаний.

Содержательную сторону мифологического дискурса составляют мифы и мифологемы, в которых воплощаются представления субъектов региона о своем происхождении, историческом прошлом, ключевых событиях развития, идеал будущего.

Собственно, уже противопоставления «мы — они», «центр — периферия», являющиеся ключевой особенностью региональной идентичности, демонстрируют явное присутствие в них мифологических канонов рассуждения. В рамках данной логики, как и в древней мифологии, образ «своего» сопровождается исключительно положительной оценочной реакцией, в то время как «другие» оцениваются отрицательно (как агрессивные, честолюбивые, хитрые, коварные, ленивые и т. п.). В рамках мифологического дискурса присутствует склонность региональных субъектов к возвышению истории и культуры своего региона. Рассуждение по мифологическому типу подразумевает, что уже простое указание на региональную принадлежность содержит в себе выражение определенного отношения к нему, поскольку через выяснение происхождения

субъекта происходит обнаружение каких-то типичных черт его характера, темперамента, его принадлежности к определенной общности и т. п. Образец: когда произносится фраза типа «я сибиряк», то тем самым уже имплицитно подразумевается то, *что* есть «сибирскость» и *как* она должна обнаруживаться во внешних формах жизнедеятельности. Наконец, находясь в мифологическом дискурсе, региональная идентичность оказывается нечувствительной к логическим противоречиям, что обуславливает в конечном итоге амбивалентность восприятия и поведения региональных субъектов. Например, на уровне обыденного сознания это выражается в воспроизводстве стереотипов различного плана (как, например, в суждениях о том, что главной чертой уральского характера является терпение, дополненное упорством, суровостью, прямотушением и детской наивностью, и вместе с тем цепкость и предприимчивость).

Религиозная форма также может занимать существенное место в системе суждений о своем регионе, поскольку в ее построении действует и оказывается значимой религиозная логика. Дискурс региональной идентичности принимает религиозную форму, когда, к примеру, исходит из сакрализации объектов и канонизации текстов, относящихся к региональной истории.

Феномен сакрализации может выражаться как в обожествлении и идеализации авторитетов (основателей региона, регионального политического лидера и т. п.), почитании сакральных объектов региональной культуры (памятников, знаменательных мест, элементов ландшафта и т. п.), так и в наделении собственного региона и его истории «мистическими», сакральными чертами (например, в характеристике региона как «вечного», «исключительного»). Канонизация текстов в региональной идентичности обычно проявляется в объявлении региональными элитами части своих исторических сочинений «священной историей», которая, как правило, наполнена драматическими и героическими событиями. Наконец, для дискурса региональной идентичности, разворачивающегося по религиозному типу, характерен консерватизм мышления и приверженность силе обычая и традиции. В этом случае имеет место безусловная ориентация на прошлое, жесткое следование социально передаваемым нормам и правилам, враждебность и сопротивление любым нововведениям.

Художественный дискурс региональной идентичности в содержательном плане заключается в осознании представителями региональной культуры себя приверженцами определенной художественной традиции, выражающейся как в форме словесно-художественного устного народного творчества (свойственных данному региону песнях, сказаниях, героических преданиях, легендах, быличках и пр.), так и в форме профессионального художественного творчества.

Значимость художественного творчества для оформления регионального самосознания очевидна и является традиционной темой культурологического рассмотрения. Так, по отношению к литературной традиции региона Е. К. Созина указывает, что «интенции художественного сознания, направленные на “место” и сфокусированные, сгущенные текстуальностью, позволяют литературе занять точку над местом». Они позволяют «встать на позицию “мета” и увидеть это место целостно, как бы сверху, осуществить рефлекссию на него,

оставаясь в то же время в его ауре, в потоке его дыхания (ибо художественный образ-символ места отличен от научного своей чувственной плотью, которая дается лишь погружением в предмет и его симпатическим внутри-разглядыванием). Именно литература, движимая энергией языка, обращает пространство некоего места в текст» [4, 54].

Следует обратить внимание и на несколько менее разработанный аспект художественного дискурса — использование за пределами собственно литературы художественных средств для построения образа региона. В этом случае общая развернутая характеристика региональной культуры выражается через отдельные примеры (через эпизоды его исторического развития и т. п.), как правило, весьма яркие, выразительные и эмоционально окрашенные. В результате такой логической процедуры возникает образ региональной культуры, который не всегда является объективным и адекватным, но который при этом нагляден.

Видимо, представители регионального сообщества находятся в рамках художественного дискурса также тогда, когда относятся к событиям своей истории и ее действующим лицам не только этически (как к славным или позорным, справедливым или несправедливым и т. п.), но и эстетически, давая им эстетические оценки (например, воспринимая их как трагические, драматические, комические); когда воспринимают события своей истории не в терминах академической науки, а посредством художественных метафор, наглядных (часто литературных) образов (здесь, к примеру, особый интерес представляет исследование об «уральской матрице» писателя А. Иванова, где выделенные им черты — «преображение», «место встречи», «труд», «неволя» — точно и характерно описывают особенности уральской идентичности [2, 131, 153]); когда мыслят свое историческое прошлое не в форме рационально-оценочного знания, а в эмоционально-чувственном контексте (через «вживание», «вчувствование» в события прошлых лет и их субъективную, личностную оценку).

В структуре региональной идентичности философский дискурс представлен как теоретическо-концептуальный уровень осмысления культуры региона. Философские региональные сообщества, изучающие культуру региона, как правило, формулируют ее ключевые особенности. Философский дискурс целенаправленно ставит задачу выразить, перевести из неявного в явный план глубинные интенции регионального субъекта, в том числе — «дух региона»; это вытекает из статуса философии как «самосознания культуры» (Гегель).

Опираясь на представления, сложившиеся в философской и научной литературе, можно зафиксировать несколько аспектов исследования региональной идентичности, актуальных для ее современного философского осмысления. Это эссенциалистская идея об обусловленности региональной идентичности рядом факторов (территориальным, этнокультурным, языковым, религиозным, историко-культурным и т. п.); указание инструменталистов на такие основные функции региональной идентичности, как психологическая защита в мире отчуждения и мобилизация социальных групп на защиту своих интересов; идея конструктивистов о пространственно-временной и ситуационной относительности содержания региональной идентичности. Пос-

ледний подход акцентирует внимание на том, что идентичность — это нечто такое, что может выбираться, что может быть сконструировано и чем можно манипулировать.

При всей значимости для формирования региональной идентичности философских и научных традиций нельзя не отметить роль административного ресурса, позволяющего артикулировать свою отличительность принципиально новыми способами. Сюда можно отнести целенаправленное создание политического дискурса, конструирование новых значимых идентичностей, превращающих культурные и символические различия в политические. На уровне политического дискурса суждения о региональной идентичности систематизируются, приобретают определенность, обрастают эмпирической базой. В современной действительности, по мнению Анри Лефевра, репрезентации пространства выступают чаще всего именно как репрезентации власти и идеологии, которые находят свое воплощение в обжитом пространстве [5].

В рамках политического дискурса образы региональной культуры создаются целенаправленно. Такие образы можно определить как имидж региона. Имидж представляет собой не просто образ как результат отражения в сознании субъекта под определенным углом зрения, а образ, сформированный в процессе целенаправленной деятельности по искусственному изменению данного отражения, т. е. имидж региона выступает как инструмент преобразования и конструирования социальной реальности. Деятельность по созданию имиджа региона оказывается парадоксальным образом уподобленной разыгрыванию спектакля как наиболее очевидному пути демонстрации игры (в том числе игры политической). В трактовке Г. Дебора, спектакль — это «непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог» [1, 28].

В конце XX в. формируется также новый тип бытия — виртуальная реальность и новый тип языка. Этот новый вид реальности предоставляет новые возможности и новые средства самопрезентации региона. Сейчас практически каждый крупный город имеет свой сайт в Интернете, свой виртуальный образ. Развитие еще одного способа репрезентации — виртуального — становится важным способом конструирования региональной идентичности.

Исходя из присутствия различных типов мышления в пространстве региональной идентичности, представляется возможным говорить и о наличии разных языковых средств ее выражения (региональных мифологем, художественных образов, догматических суждений, философем, идеологем и др.). С одной стороны, образы региональной идентичности являются продуктом восприятия региональной культуры общественным сознанием, с другой стороны, они представляют собой результат и форму концептуальной организации и интеграции представлений о регионе [7, 165]. Речь, таким образом, идет о существовании различных способов рассуждения о специфике региональной культуры на «официальном» и «низовом» уровне.

В процессе формирования целостного представления о региональной идентичности столкновение различных дискурсов может приводить (и приводит) к конфликту, разногласиям в ее понимании (например, представления о сво-

ем регионе, как правило, различны у представителей культурной элиты и обывателей, носителей разных региональных субкультур).

Таким образом, учитывая многообразие способов развития и артикулирования региональной идентичности в современной культуре, этот феномен логично рассматривать как гибридное образование, порожденное различными дискурсами.

Разнородность содержания региональной идентичности вызвана в том числе и объективными условиями — продолжающимися изменениями в физическом пространстве (перемещением границ, изменением ландшафта, сменой архитектурных сооружений, институциональных форм и т. п.). С изменениями физического пространства меняются и ценностные представления, символы, жизненный уклад и социальные отношения индивидов. В силу этого региональная идентичность — постоянно генерируемое и изменчивое явление, она может нагнетаться, рассеиваться, дробиться в зависимости от актуализации тех или иных социальных взаимодействий и связей. Отдельные дискурсы в рамках региональной идентичности могут усиливаться (иметь статус «артикулированной региональной идентичности») и ослабляться («исчезающая региональная идентичность»).

В свою очередь, это обозначает актуальность следующих вопросов при исследовании региональной идентичности в настоящее время: из каких дискурсов складывается та или иная региональная идентичность? Как они создаются и поддерживаются? Как обеспечить их мирное «сосуществование»? Почему политическая/культурная элита в данный период времени выбирает те или иные дискурсы?

-
1. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. 184 с.
 2. Иванов А. Хребет России. СПб., 2010. 272 с.
 3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. 160 с.
 4. Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800–1820 гг. // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 53–68.
 5. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, 1991. 454 p.
 6. Massey D. A global sense of place // Space, place and gender. Cambridge, 1994. P. 146–156.
 7. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. 2011. № 71–72. P. 163–178.

Статья поступила в редакцию 13.11.2013 г.

УДК 392.12 + 39(=512.156)

Ч. А. Кара-оол

НАЧАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЫВИНЦЕВ XIX — НАЧАЛА XX в.

Рассматриваются начальные обряды социализации ребенка в традиционной культуре тывинцев XIX — начала XX в. Данные процессы маркировались специальными предметами, такими как шерсть овцы или козленка, клыки марала или когти медведя. Они наделяли ребенка сакральной субстанцией, определяли родовую принадлежность, моделировали будущее.

Ключевые слова: обряд укладывания в колыбель; обживания; крик; обереги; шерсть; клыки марала; когти медведя; культовые предметы; имянаречение; обряд обрезание волос; прическа.

Целью данной работы является структурно-семантический анализ обрядов в традиционной культуре тывинцев, призванных выполнять функции отделения ребенка от иного мира, наделения его свойствами живого человека и включения в этот мир.

К ним в первую очередь относится **обряд укладывания в колыбель** (*кавайже чыттырары*). Следует отметить, что колыбель (*кавай*) свято почиталась тывинцами. Ее называли «семейной» (*ог-буле*) и передавали по наследству. Согласно воззрениям, «чтобы колыбель не осталось пустой», к ее изготовлению приступали только после рождения ребенка, причем мастером мог быть близкий родственник роженицы (отец, муж) или уважаемый, пожилой, многолетний человек. Это также связано с воззрениями тывинцев: «чтобы ребенок дожил до преклонных лет, имел многочисленное потомство».

Когда привозили колыбель, то в семье проводили обряд ее обживания, который проходил в несколько этапов. На первом этапе мастер, изготовивший колыбель, клал в колыбель свою голову и произносил определенные слова, желая счастья и долголетия младенцу. На втором — в нее на некоторое время укладывали щенка. На третьем — действия и слова мастера повторяли уже родители ребенка [3, 156]. И только после этого мать укладывала в колыбель ребенка, привязывала ремнями вязками, прикрепленными к боковым стенкам. Под его спинку стелили мягкую шерсть овцы или козий пух, сверху прикрывали меховой пеленкой. На голову ребенка до года обычно ничего не надевали, но в случае надобности надвигали шерсть или пух.

Колыбель обычно помещалась возле кровати родителей или подвешивалась к крюку, прикрепленному к концу ремненной веревки, спускавшейся по жерди с крыши юрты. Когда крик изнашивался, его заворачивали в шелко-

КАРА-ООЛ Чинчи Александровна — аспирант кафедры этнологии и народной художественной культуры Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ (e-mail: Chinchi.Karaool@mail.ru).

вый платок и прятали в укромном месте. За новый крюк мастеру давали серую козу, считалось, что этот цвет олицетворяет цвет неба [3, 157]. М. Б. Кенин-Лопсан отмечал, что укладывали в колыбель в соответствии с сезонами года. Он писал: «Колыбель, как родное гнездышко ребенка, искусный продукт народного творчества: весной, когда дует студёный ветер, летом в палящую жару, в осенние заморозки, в зимний трескучий мороз — в каждом случае имеется свой способ укладывания младенца в колыбель» [4, 53].

Таким образом, мы видим, что обряд укладывания в колыбель сопряжен с апотропейными функциями, согласно которым колыбель как жилище «обживалось» вначале сакрально значимым человеком, выполняющим роль демиурга, после чего это пространство очищалось собакой, с одной стороны, отпугивающей злых духов, а с другой — являющейся проводником из иного мира, и наконец наступал черед родителей, которые наделяли пространство колыбели энергией этого мира.

Обереги (*камгалалдар*). У тывинцев бытовали следующие атрибуты-обереги: во-первых, шерсть или пух, которые стелили на дно колыбели. Во-вторых, клыки марала (все четыре), которые подвешивались по одной штуке у плечевого шва колыбели и по одному — со стороны лопаток, и когти медведя. В-третьих, специальные культовые предметы (*ээрен, онгут*). К культовым предметам Л. П. Потапов относит фигурки «духов-охранителей» (*уруглаар ээрен*), вырезанные из войлока, иногда из других материалов.

Согласно представлениям тывинцев, они защищали ребенка от злых духов, от сглаза и наделяли его сакральной силой (*фарном*). Считалось, что к пугливому ребенку может приблизиться что-то плохое, и клыки (*диштер*), когти (*дыргак*) предохранят, защитят его от беды.

Обереги в семье хранились долго, ими пользовались не менее четырех поколений детей. Когда ребенок подрастал, клыки марала, иногда в сочетании с когтями медведя (*адыг дыргаа*), прикреплялись к его верхней одежде или поясу.

Кроме того, специально колыбели посвящали белую с черным пятном на лбу овцу (*ыдык, ак кара баштыг ошку*). В случае болезни ребенка ее приводили в юрту и ставили возле колыбели. Считалось, что она должна была вобрать в себя болезнь ребенка, дыша над ним. Сохранился текст, произносившийся шаманом при обряде установления этого *ээрена* в юрте:

Вы будете жить и расти, выпивая молоко из этой овцы.
Вы, малыши, родные и милые.
Молодая овца с черной отметкой на лбу,
Красивая эта молодая овца,
Белая молодая овца с горячим дыханием,
Будь защитой своим маленьким детям [7, 25].

Дети в колыбели находились долго, иногда до 2-летнего возраста. Согласно поверьям тывинцев, ребенок, рано начавший ходить, не будет долго жить. Поэтому тывинцы задерживали самостоятельное хождение ребенка, привязывая к его шубе деревянную ступку.

Имянаречение (*чаш толге ат адаары, тыпсыры*) новорожденного. У современных тывинцев имянаречение происходит примерно на третий день после рождения младенца. Но в традиционной культуре, как сообщает С. И. Вайнштейн, тоджинцы иногда это делали только на третий год. У южных тывинцев для этого специально приглашали исполнителя благопожеланий (*тоолчу*) [1, 71]. В его импровизациях содержались пожелания новорожденному долгого срока жизни, благополучия:

Долго, счастливо идешь ты.
 В счастливый год родился,
 В самый хороший (лучший) день родился.
 Как звери передней горы играют,
 Как рыбы в воде свободно плавают,
 Таким ты будешь!
 Как расцветают ветви и деревья обширной Земли,
 Здравствуй так в жизни и ты! [3, 157].

В раннем детстве ребенок имел два имени: настоящее, которое никогда не произносили вслух, пока он не достигнет хотя бы 3-летнего возраста. К этому времени считалось, что злые духи уже не так опасны, как при рождении. И «скверное» — имя, благодаря которому ребенка делали непривлекательным для злых духов: *Багай-оол* — «плохой мальчик», *Тыртък-оол* — «кривой мальчик», *Отпек-оол* — «понос-мальчик», *Чудек-кыс* — «некрасивая девочка», *Чудек-оол* — «некрасивый мальчик».

С именем связано много суеверий (*сагылгалар*). Например, в случае если ребенок много болел, считалось, что имя выбрано неудачно. Тогда его имя заменяли другим.

Взрослые мужские и женские имена тывинцы получали в период полового созревания. В героическом эпосе юноша получал имя только после того, как укротит подаренного ему коня, т. е. станет мужчиной [2, 54]. Выбор имени не всегда зависел от воли родителей, хотя без их согласия ребенок не нарекался. Имя взрослого человека ему могли дать или отец, или принимавшая роды женщина, или старейший уважаемый человек, сейчас — лама.

Следует отметить, что традиционно в семьях тывинцев не обращались к ребенку и друг к другу по имени, а пользовались половозрастными терминами родства, прозвищами — *шола ат* [3, 157].

Таким образом, обряд имянаречения выполнял важную функцию по надению ребенка признаками живого человека этого мира. Имя ребенка было сакральным и влияло на его судьбу. Поэтому тывинцы, в целях оберега младенца от злых духов и сглаза, скрывали от всех его настоящее имя, а использовали различные названия, в том числе некрасивые, что также являлось защитой, делая ребенка непривлекательным для сил зла.

Обряд обрезания волос (*чашты хылбыктаары*). Суть этого семейного праздника заключалась в том, что ребенку, достигшему 3-летнего возраста (*уш хар*), обстригали волосы или их часть. В назначенный день, чаще всего в начале лета, родители приезжали с ребенком к уважаемым людям — бабушке,

дедушке или состоятельному почтенному соседу, если он высказывал желание принять участие в обрезании волос. Приглашали также родственников и соседей. Стрижка выполнялась ножницами, и первый пучок состригал уважаемый человек, у которого год рождения по 12-летнему календарному циклу совпадал с годом рождения малыша. Остальные могли дотрагиваться руками до волос ребенка или состригать небольшие клочки волос. Весьма обстоятельное описание процедуры обряда стрижки волос у тывинцев дает М. Б. Кенин-Лопсан: «О дне стрижки волос просили узнать у шамана, *чарынчы* (тот, кто гадает по бараньей лопатке), или у того, кто гадает по камешкам *хуванак*. С приходом желтой религии люди стали обращаться и к ламам. По тывинскому обычаю, после стрижки волос ребенок становится обладателем собственного имущества — *ончу*. Если собственность ребенка (скот) решили использовать в качестве *чиши* — запаса на зиму, то обязательно брали разрешение у него с последующим восстановлением копыт животных, т. е. взамен давали другой скот» [4, 51].

Перед процедурой родители подносили дедушке или бабушке (кто начнет первым стричь волосы) белый *кадак*, чай (*шай*), материю, угощали его и говорили: «Мы хотим, чтобы вы обрезали волосы нашему ребенку, потому что вы достойный, уважаемый человек». Затем подавали ему ножницы (или нож) с привязанным к ручке белым *кадаком* (такое привязывание называлось *хачы актаар*) и подводили ребенка [5, 145].

В начале этого торжественного момента дедушка — *кырган-ачай* (бабушка — *кырган-авай*) гладил ребенка по головке три раза слева направо, по движению солнца, обводил вокруг нее ножницами, задевая ими и концом *кадака* волосы. Обрезание первых, или утробных, волос делалось в определенной последовательности. Сначала состригали волосы с левого виска, потом спереди до темени и затем переходили на правый висок. Таким образом, снятие волос шло как бы по ходу солнца. Следует сказать, что мальчиков и девочек стригли по-разному. Девочкам символически стригли только боковые волосы, заплетали одну косичку (*чъааш*), завязывали ее концы украшением из нитей и бус (*боошкун*). Считается, что накосное украшение *боошкун* тоже было оберегом. Мальчикам стригли волосы по внешнему кругу, а оставленные на темени заплетали в одну косичку (*кежеге*) и завязывали ее шнуром или тесьмой. Последние могли быть синего или черного цвета, так как эти цвета считались благополучными для представителей мужского рода. У тывинцев в Овюрском кожуне и у тоджинцев эта прическа сохранялась только три дня, после чего и у мальчика и у девочки волосы обрезали окончательно.

Состриженные волосы убирались в узелок или специальный мешочек и припрятывались матерью в специальный сундук или же в подушку, на которой спали родители. Г. Н. Курбатовский пишет, что первые волосы считались дорогостоящими и грешными. К ним нельзя было прикасаться острым предметом. Чтобы они не лезли в глаза, заплетали косы. В традиционной культуре волосы ассоциировались с нитью, а также с ее аналогом — пуповиной, которая связывает человека с миром природы. Поэтому вычесанные или выстриженные волосы тщательно сохранялись.

Волосы, согласно традиционным воззрениям, были значимы для человека, считалось, что любые манипуляции с ними приводят к изменению состояния человека. Действия с волосами входили во многие возрастные обряды (например, свадьба).

После обрезания волос человек, который первым начал стрижку, благословлял ребенка: «*Мен ышкаш узун назынныг, Удаа чыргалдыг болзун!*» («Будь, как я, долголетним. Пусть твоя жизнь будет счастливой!») — и обещал корову. После чего каждый родственник также произносил благопожелания: «Я обрезаю твои волосы. Доживи до моих седин, будь богатым, как я. Будь честным, порядочным, удалым, как орел или сокол, сильным, как тигр» — и одаривал ребенка скотом: козленком, жеребенком или теленком.

Затем начинался пир (*той*), во время которого главному благославляющему оказывали особое уважение. Родственников усаживали на почетное место (*дор*) около сундука (*антара*), им дарили подарки, например *кадак*, и преподносили вареный курдюк барана [5, 214].

Следует отметить, что прическа *кежеге* была издавна традиционной для тывинцев, и ее носили члены богатых, уважаемых семей. Это подтверждается и тем, что на каменных изваяниях, найденных на территории Тувы, можно видеть изображения головы с косой на затылке. Беднякам же предписывалось правило стричь только чубы. Как видим, ребенок наделялся свойствами человека этого мира, способного «заплести косу». «Избавляясь от первых, младенческих волос, ребенок отделялся от потустороннего мира и ставился в один ряд с людьми. Только человек может заплести косу» [6, 57].

Как сообщает Л. П. Потапов, человек, который первым постриг волосы ребенка, дарил ему четыре вида скота (барана — *хой* или ягненка — *хураган*, козу — *оцку* или козленка — *анай*, теленка или жеребенка). Остальные — кто сколько мог. Этот скот становился собственностью ребенка, и с него начиналось формирование его *ончу-хоренки*, т. е. стада, которое выделяли родители взрослым детям [7, 57].

Таким образом, в традиционной культуре тывинцев обряды первых лет жизни были связаны с важнейшими функциями, призванными на магическом уровне защитить ребенка, наделить его сакральной субстанцией, свойствами живого человека, определить его полосоциальный статус и интегрировать в семейно-родственный коллектив.

1. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М., 1961. 11 с.

2. *Вайнштейн С. И.* История Тывы. М., 2007. Т. 2.

3. *Дьяконова В. П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л., 1988. С. 152–186.

4. *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная этика тывинцев. Кызыл, 1994.

5. *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл, 2001.

6. *Кустова Ю. Г.* Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб., 2000. 160 с.

7. *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тывинцев. М., 1969. 400 с.

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

УДК 316.728 + 304.3 + 374.7

Н. Г. Хорошкевич

КУЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В «ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Рассматривается культура потребления в рамках современного общества потребления. Дано определение культуры потребления, представлены основные ценности потребления в современном обществе. Анализируются перспективы потребления материальных и нематериальных объектов с учетом дальнейших перспектив развития общества. В качестве важнейших объективных факторов, которые окажут наиболее заметное влияние на потребление, отмечены техническое совершенствование производства, как его следствие — повышение общего благосостояния общества и изменение ценностных ориентиров в сторону духовного развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура потребления; общество потребления; духовное развитие; потребление материальных и нематериальных объектов.

В настоящее время общество крайне увлечено потреблением товаров и услуг. Данный процесс приобрел такие масштабы, что современное общество иногда стали называть «обществом потребления», нередко вкладывая в это понятие негативный оттенок. В обществе возникло достаточно большое количество негативных моментов, связанных с потреблением и, соответственно, с культурой потребления. В связи с этим изучение культуры потребления становится весьма актуальным.

В данной статье под *культурой потребления* мы понимаем часть культуры, представляющая собой совокупность элементов культуры, регулирующих потребление товаров и услуг в данном обществе. Так как культура потребления — одна из разновидностей культуры, культура отдельной сферы деятельности, то она имеет свои ценности, нормы, а также санкции, регулирующие процесс потребления [10].

ХОРОШКЕВИЧ Наталья Геннадьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: natali_gx@r66.ru).

© Хорошкевич Н. Г., 2014

Элементы культуры потребления зависят от культуры, господствующей на данный момент в обществе. Можно сказать, что каждому обществу присуща своя культура потребления. По мнению К. Маркса, для каждого этапа исторического развития характерен свой способ производства и свой способ распределения товаров [7, 457]. Структура распределения определена структурой производства [Там же, 721]. Производство создает товар, который будут потреблять; влияет на способ потребления; побуждает в потребителе потребность в произведенном товаре [Там же, 718]. Следовательно, для каждого общества характерно свое потребление товаров и услуг, своя совокупность элементов культуры, регулирующих этот процесс. Для общества потребления также характерна своя культура потребления.

Общество потребления стало следствием развития массового производства. Развитие науки и техники способствовало росту объемов производства товаров и услуг. Однако идея прогресса трансформировалась в сознании современного общества в убеждение, что все новое лучше старого. Производство стало ориентироваться на уменьшение жизненного цикла товаров, что породило экономику предложения, а также общество потребления [2]. Сегодня в массовом сознании господствует культ тотального потребительства. Именно он обуславливает поведение человека в обществе. В потребительском обществе также трансформировалось и понятие свободы. Многие стали ассоциировать свободу с увеличением уровня потребления материальных благ, гедонизмом, социальным паразитизмом, отсутствием ответственности перед менее удачливыми согражданами. Озабоченность современного человека все возрастающим потреблением материальных благ сделала его неспособным к моральному самоограничению и нетерпимым к позициям других сограждан [2].

Объявление «смыслом жизни» *потребления утилитарных ценностей* привело к *культуре повседневного быта*. Последний стал проявляться в двух формах:

- культуре бытовых вещей (пища, одежда, интерьер, мебель и т. д. и т. п.);
- культуре бытовых поступков (отдых и развлечения: туризм, игры, телесериалы, ток-шоу и т. д. и т. п.) [8].

В потреблении бытовых вещей современный человек более всего уделяет внимание одежде. Сложился целый культ одежды. Среди развлечений доминируют игры разного вида. Это тоже своего рода культ. При том он постоянно развивается, совершенствуется за счет изобретения все новых игр. Культ игры сопровождается появлением такой социальной практики, как институт болельщиков, — выработалась система сопереживания игре. Культ игры становится все более близок к ритуалу. Мода стремится заполнить «духовную пустоту, возникающую в обществе при отказе от идеалов» [Там же].

Так когда-то благая идея — сделать доступными материальные блага для всех трансформировалась в потребительство. Но это не означает свободу потребления. Человеку только кажется, что он свободен в своем выборе. Ж. Бодрийяр отмечал, что современный человек вынужден потреблять, даже если он этого не хочет, «...потребителю вменяется в обязанность наслаждаться, он становится предприятием по наслаждению и удовлетворению» [3].

В современном обществе все потребности потребителя вычленены в категориальные секторы потребностей. Сами потребители разделены на статусные группы и опознаются через тот или иной набор вещей [3]. «...категории вещей, которые самым тираническим образом создают категории личностей, — они стерегут порядок социального смысла,...» [Там же]. В настоящее время понятие статуса имеет тенденцию все более совпадать со словом «стэндинг», которое означает опознавательные характеристики предмета. В современном обществе при всей его толерантности культура потребления имеет также ощутимую принудительную силу. Индивид может выбрать, какие товары потреблять, но он должен потреблять именно так, как это принято в данном обществе, в его социальной группе. В противном случае он подвергнется неофициальным санкциям со стороны этой группы [5, 133]. Все это диктует современная культура потребления.

Однако все чаще общественность, ученые критикуют чрезмерное увлечение потреблением. Так, Л. Улицкая на российско-немецком форуме «Староновые российские мифы: кризис знания и сознания» критиковала чрезмерный характер потребления и поставила вопрос о необходимости регулирования потребления: «Последствия деятельности приобрели невозвратный характер... Никогда уже в мире не будет столь чудовищного расточительства, такой роскоши. ...никогда мы не хотели добровольного ограничения или самоограничения — теперь оно станет необходимым. Мы подошли ко временам, когда произойдет — и уже происходит — переоценка ценностей, и инфляция коснется не только денег, но и наших представлений о жизни. О ее ценности, о ее первичности, о ее подлинном смысле».

Здесь возникает вопрос: какой должна стать культура потребления? Если обратиться к работам известных ученых, в особенности социологов, то во многих из них присутствует идея о прогрессивном развитии общества. Так, у К. Маркса — это учение об экономических формациях, где самой передовой и конечной является коммунизм. К. Маркс говорит о формировании нового человека уже при социализме. Ученый считает, что для социалистического и коммунистического общества необходим новый человек, развивающий свои способности, способный возвыситься над вещественными элементами современного производства. Соответственно, это будет человек другой культуры [4, 124]. Что касается потребления, то оно также изменится. К. Маркс считал, что в коммунистическом обществе будет действовать принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Можно отметить исследования П. Сорокина, прогнозирующего наступление новой культуры, которая станет сочетать в себе примерно в равных долях духовное и чувственное [9, 152–153].

Что касается современных исследований, то они подтверждают идею прогрессивного культурного развития личности. Как отмечает Дж. Хикс, «при низких уровнях дохода правильно будет сосредоточиться на экономике; но с увеличением богатства появляются иные критерии; потребность в получении все больших материальных благ утрачивает свою остроту» [11, 139].

Развитые страны вступили в постиндустриальное общество, превосходящее по своим мощностям производства выпуска товаров все предыдущие

стадии. Благополучие постиндустриального общества основано на высоко-развитом техничном производстве, организация которого невозможна без быстрого и правильного использования информации. И если индустриальное общество определяется уровнем жизни, то «постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами — здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, — которые становятся желанными и доступными для каждого» [1, 171]. Именно материальная база постиндустриального общества создает возможность насыщения населения товарами и услугами и является основой для увеличения интереса к нематериальным ценностям.

Как подтверждение этой тенденции, можно отметить изменения в потреблении товаров и услуг в развитых странах. Исследуя потребление в развитых странах, Гэдбрейт отмечает, что неравенство не исчезает, оно продолжает существовать, перемещаясь из материальной сферы в другие. Предметы обычного потребления более не являются свидетельством социального положения. Но именно потребление «выступает как социальное основание становление новой структуры... гибридируя глобальные и локальные особенности и производя новые системы социального неравенства и стратификации» [3]. Относительное уравнивание в обладании предметами первой необходимости сопровождается «скольжением ценностей» и переносом неравенства на другой уровень. Социальные различия переносятся в сферу ответственности, культуры, власти. У богатых стало почти законом недопотребление. «Ситуация стала более тонкой. Появляется стиль потребления» [Там же].

Так, в развитых западных странах не принято сорить деньгами, выставлять свое благополучие «на показ», наоборот, становится модным вести относительно скромный, умеренный образ жизни и т. д. По мнению профессора Н. Е. Покровского, «на Западе, вступившем в фазу посткапиталистического общества, ценности потребления уже отошли на задний план, будучи заменены другими общественными ценностями».

В настоящее время в развитых странах отмечается экономический кризис. Однако если страны вошли в постиндустриальную фазу развития, то кризис должен быть преодолен, что, разумеется, потребует времени. Но причины и длительность кризиса — это уже другой вопрос.

В данной статье рассматривается культура потребления. Это понятие может применяться как в отношении потребления товаров и услуг, так и более широко. В настоящее время выделяют два подхода в понимании потребления: экономический и социологический. Первый подход — экономический. С его позиций потребление рассматривается как процесс приобретения благ или услуг в целях удовлетворения потребностей.

С позиций социологии потребление рассматривается более широко — как потребление знаков, посредством которых передается та или иная информация. «Изучение потребления в развитых странах современного Запада привело исследователей к выводу, что оно становится для широких масс, населения, прежде всего, “систематическим актом манипуляции знаками”» [6].

В условиях массового общества, когда происходит обезличивание людей посредством одинаковых вещей, человеку свойственно стремление выделиться. Он пытается сделать это за счет знаков: одежды, обуви, потребления тех или иных товаров, услуг [6]. По мнению Ж. Бодрийера, знаковое потребление распространяется на все сферы человеческой деятельности, от потребления материальных предметов до культуры досуга и т. д. [3]. С этой точки зрения в поле потребления актора входят любые явления: и первой, и второй природы.

Тогда можно утверждать, что ориентация на духовные ценности повлияет и на возникновение в обществе идей, концепций, учений и т. д. Как известно, иерархия ценностей определяет господство в обществе тех или иных идей, культурных ценностей. Появление идей, концепций, предметов «второй природы» определяется объективными условиями. В первую очередь это условия среды, геополитическая ситуация, исторические условия. Как известно, они определяют ценностную иерархию в обществе. Культура (нормы и ценности в особенности) — это инструмент организации человеческих отношений в данных объективных условиях. Это второй фактор, определяющий возникновение в обществе идей, концепций, верований и т. д. Таким образом, создание в обществе новых предметов, идей, воззрений происходит в условиях среды, с одной стороны, и культуры (хотя культуру тоже можно рассматривать как среду) — с другой.

Если основной идеей станет духовное развитие, важность человека, и эти ценности будут разделять большинство населения различных стран, то в обществе чаще будут возникать идеи, направленные на благо человека, и реже — идеи, приносящие человечеству вред. В философском, социальном плане идеи станут более «мирными», менее экстремистскими, агрессивными и т. д. Разумеется, споры о технических возможностях улучшения жизни общества не исчезнут. Но человек окажется более защищенным от воздействия различных вредоносных для него идей. Сознанием человека станет сложнее манипулировать создателям и популяризаторам подобных воззрений.

До этого момента в статье рассматривалась только содержательная сторона культуры потребления (включающая в себя содержание и форму), теперь обратимся к процессу потребления.

В настоящее время процесс потребления вещей и услуг имеет очень высокие темпы и объемы. Вещи становятся немодными, не успевая износиться.

Можно отметить два элемента, предшествующие процессу потребления, — элемент неосознанности и элемент пассивности. Товар человеку очень часто навязывается. Иногда человек даже не успевает осознать, нужна ли ему эта вещь. Реклама постоянно торопит его быстрее купить и быстрее потратить. Более того, реклама тут же говорит, где можно приобрести данную вещь, т. е. человек не тратит время и силы на поиск.

СМИ задают высокий темп процессу потребления, начиная с момента рекламирования вещи и заканчивая ее потреблением. Человек еще не использовал недавно купленный предмет, а его уже торопят купить следующий. Из-за высокого темпа потребления и рекламы уже более совершенной вещи у людей уменьшается радость от потребления: от приобретения вещи, от процесса

ее использования. Они стремятся поскорее использовать вещь и заменить ее новой. Еще потребляя старую, они уже нацелены на новую. Главное — быть модным, не отстать от других.

В условиях же более толерантного потребления сам процесс потребления становится более спокойным. Выбор товара осуществляется осмысленно, отсутствует постоянная гонка за модой, страх отстать от других, и как следствие — человек получает большее удовлетворение от использования вещи.

С изменением характера потребления изменится и культура, которая регулирует, координирует этот процесс. Культура потребления станет другой. Выделим основные направления ее изменений.

Во-первых, изменится основной компонент любой культуры — ценности. Материальное потребление перестанет быть наиважнейшей ценностью. Возрастет значение духовных ценностей.

Во-вторых, изменения в ценностной иерархии, приоритет духовных ценностей приведут к доминированию в обществе позитивных идей, направленных на благо человека.

В-третьих, как следствие изменения ценностей, изменятся нормы потребления. Это произойдет не сразу. Вначале, как уже было отмечено выше, произойдет смещение потребления в сторону «недопотребления» и потребления нематериальных благ. Это станет следствием моды, т. е. потребление товаров и услуг будет совершаться под влиянием внешнего воздействия. Общество в целом осознает необходимость увеличения интереса к нематериальным ценностям, но это не станет на начальном этапе внутренней потребностью каждого человека. Только позднее у людей возникнет внутренняя *потребность* в этом.

В-четвертых, осознание необходимости обращения к нематериальным ценностям первоначально произойдет в более обеспеченных классах, что подтверждает вышеприведенный вывод Гэлбрэйта. И только впоследствии данное явление станет более масштабным. Причины этого, как отмечал Т. Веблен, в том, что моде всегда задает высший класс. Как утверждают многочисленные исследования, интерес к нематериальным ценностям всегда возрастает в стабильных, благополучных обществах и снижается в период социальной нестабильности. Это характерно больше для западного общества. Так, например, в России при переходе страны к капиталистической формации, сопровождающемся сбоями в экономике, безработицей и снижением жизненного уровня населения, значительно обострилась проблема потребления в сравнении с дореволюционным периодом. Если на Западе более половины населения составляет средний класс, то у нас столько же — бедные. Как известно, в эти годы в России многие отступили от жизненных стандартов, характерных для советского периода, происходила примитивизация жизни, сводящейся к выживанию. Люди отказались от удовлетворения высших духовных потребностей во имя обеспечения насущных. В высокоразвитом обществе, каким предполагает быть постиндустриальное общество, население не должно испытывать недостаток в товарах и услугах, а значит, меньше значения должно придаваться потреблению.

В-пятых, как следствие того, что материальному потреблению станет придаваться меньшее значение, исчезнет необходимость в приобретении товаров,

служащих средством идентификации индивида и группы, теряет свой престиж статусное потребление.

В-шестых, нормы и санкции общества будут более толерантны, т. е. человек станет более свободен в выборе товаров и услуг. Это позволит ему в большей мере удовлетворять свои потребности, развивать свои способности.

Наконец, сам процесс потребления будет протекать более спокойно, что предполагает обдуманый выбор товара и получение большего удовлетворения от его использования.

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.

2. Беляков А. Общество потребления [Электронный ресурс]. URL: www.beliakov.net/polit/consum.html (дата обращения: 21.04.2013).

3. Бодрийяр Ж. Общество потребления [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.es/b/153916/> (дата обращения: 22.12.2012).

4. Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии» // *Вопр. философии*. 1967. № 7.

5. Ильин В. И. Потребление как дискурс : учеб. пособие. СПб., 2008.

6. Ильин В. И. Потребление как текст [Электронный ресурс]. URL: <http://5ballov/qip.ru/referats/proviow/98921?referat> (дата обращения: 11.04.2013).

7. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. М., 1958.

8. Оганян К. М. Закономерности потребления ценностей и потребительские автоколебания. Роль моды в потреблении ценностей [Электронный ресурс]. URL: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_articl (дата обращения: 21.04.2013).

9. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

10. [Электронный ресурс]. URL: www.consumers.narod.ru/lections/consulture.htm (дата обращения: 01.03.2013).

11. Hicks I. *Wealth and Welfare*. Oxford, 1981.

Статья поступила в редакцию 10.09.2013 г.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 929 Татищев + 94(470.5) + 908(470.5) + 930(470.5)

В. В. Запарий

ДЕСЯТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ

В статье дается характеристика материалов юбилейных Десятых Татищевских чтений. Анализируются состав участников научного форума, тематика выступлений. Указываются сильные стороны и недостатки состоявшихся конференций.

Ключевые слова: Татищев; конференция; Урал; Россия; история; краеведение; индустриальное и культурное наследие; историография.

21–22 ноября 2013 г. состоялись внеочередные Десятые Татищевские чтения, посвященные 290-летию Екатеринбурга, 90-летию образования Уральской области и 80-летию Свердловской области.

Прошло пятнадцать лет со дня организации периодической конференции на Урале, получившей название «Татищевские чтения» и ставшей заметным явлением в исторической жизни страны. В условиях развала единого научного пространства, которое существовало в рамках Советского Союза, ученым-историкам стало сложно взаимодействовать. Непросто было получить командировку в столичные научные центры. Нужна была площадка для общения региональных ученых между собой. Именно тогда возникает ряд конференций, которые стали традиционными в региональной исторической науке. Это в первую очередь конференция «Урал индустриальный» [7], возникшая в 1996 г., и не менее известная конференция «Татищевские чтения», которая впервые состоялась в 1997 г.

В отличие от первой конференции («Урал индустриальный»), которая была организована историками и преподавателями вузов, Татищевские чтения были организованы Обществом уральских краеведов и Свердловским

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: vvzap@mail.ru).

областным краеведческим музеем (СОКМ). Особую роль в организации чтений сыграли председатель Общества уральских краеведов В. М. Слукин и ученый секретарь общества Л. И. Зорина, сотрудники музея В. В. Дубленных и В. К. Уфимцев. Идею конференции с широким участием любителей старины и знатоков родного края поддержали Министерство культуры Свердловской области и Институт истории и археологии УрО РАН.

Первые Татищевские чтения были посвящены 275-летию Екатеринбурга, которое отмечалось в 1998 г. Очень долго организаторами этого мероприятия являлись профессор, доктор исторических наук С. П. Постников, профессор В. М. Слукин, Л. Н. Зорина, ряд региональных общественных деятелей.

За это время прошли десять конференций и выпущено одиннадцать книг. Первая конференция состоялась 14–15 ноября 1997 г.; вторая — 22–29 апреля 1999 г.; третья — 19–20 апреля 2000 г.; четвертая — 18–19 апреля 2002 г.; пятая — 22–23 апреля 2004 г.; шестая — 20–21 апреля 2006 г.; седьмая — 17–18 апреля 2008 г.; восьмая — 27–28 мая 2010 г.; девятая — 19–20 апреля 2012 г.; десятая — 21–22 ноября 2013 г.

На первой конференции было принято решение проводить чтения раз в два года, в апреле, так как день рождения В. Н. Татищева — 29 апреля 1686 г. Таким образом, конференция имеет традиционную периодичность — один раз в два года. Материалы издавались, как правило, к началу конференции. Ответственным редактором материалов конференции с первого по восьмой выпуск был С. П. Постников, в восьмом выпуске он разделил редакторство с профессором, доктором исторических наук В. В. Запарием, в девятом — редактором был профессор, доктор исторических наук В. А. Шкерин, в десятом — доктор исторических наук Г. Е. Корнилов.

Материалы первой конференции не имеют четкой структуры. Большая часть их посвящена вопросам, связанным с В. Н. Татищевым, историей Екатеринбурга и уральских заводов. Было представлено более 80 статей. Непосредственно В. Н. Татищеву было посвящено более 10 выступлений, в которых рассматривались биография Татищева и его работа на Урале, в Швеции, его деятельность как организатора первых государственных школ на Урале и многие другие вопросы.

Таким образом, уже первая конференция продемонстрировала многообразие тем и аспектов региональной истории. За исключением четырех авторов, все остальные были из г. Екатеринбурга. В состав участников конференции входили 40 работников вузов города, 16 ученых из Института истории и археологии (ИИА) УрО РАН, 11 работников музеев и 6 краеведов. Конференция заявила о себе и особым логотипом оформления с портретом В. Н. Татищева, который стал традиционным. К недостаткам публикации сборника конференции следует отнести краткость материалов, объем которых в основном соответствует объему тезисов.

Тогда же сложился и стиль оформления материалов конференции — белый том с рисованным портретом В. Н. Татищева, ставший традиционным.

Вторая конференция представлена сборником, имеющим стройную структуру и включающим материалы пленарного заседания и трех секций. Первая

секция — «Наследие Татищева и экономика Урала в исторической динамике», вторая — «Культурное наследие, наука, образование и религия», третья секция — «Архитектура Урала: от В. Н. Татищева до наших дней». В «Содержании» сборника внутри секций фамилии авторов размещаются по алфавиту. Такое деление является наиболее удобным для работы с текстом. (К сожалению, в следующих выпусках была продолжена традиция, заложенная в первом выпуске, — публикация кратких тезисов выступлений, не дающих полной картины результатов, полученных в результате работы исследователей.)

Пленарное заседание включает традиционный доклад, посвященный В. Н. Татищеву, присутствуют доклады, посвященные юбилею области и региональной политике, и доклад группы историков о перспективной концепции интерпретации истории.

Особенностью Вторых Татищевских чтений было то, что расширилась география участников: кроме Екатеринбурга, были представлены ряд городов Урала и Сибири. В конференции приняли участие около 100 чел., в том числе 20 ученых ИИА УрО РАН, 50 преподавателей вузов города, 9 музейных работников, 8 краеведов и др.

Представительными были Третьи Татищевские чтения. Они прошли 20–21 апреля 2000 г. Эти чтения были посвящены 600-летию Татищевых и 250-летию со дня смерти В. Н. Татищева. На мероприятии присутствовала потомок Татищева М. Татищева, которая является профессиональным историком. На конференции она выступила с докладом о своем предке — В. Н. Татищеве. Стал более широким географический охват: на конференции были представлены Москва, Тула, Нижний Новгород.

Всего на чтениях было заслушано 135 докладов и сообщений, а общее количество участников достигло 145 чел. Материалы конференции представляли собой тезисы сообщений. Отсутствие пояснений о профессиональной и территориальной принадлежности авторов конференции не позволяет проанализировать региональный и профессиональный состав участников. Тем не менее удалось установить, что 65 выступающих было из вузов Урала и России в целом, 25 ученых — из Института истории и археологии УрО РАН, также среди участников было 18 работников музеев, 9 краеведов и 7 работников архивов. Следует отметить необычно большое количество вузовских работников и работников музеев.

Четвертые Татищевские чтения состоялись 18–19 апреля 2002 г., они стали авторитетным и достаточно престижным историко-краеведческим форумом на Урале. В этот раз в конференции приняли участие ученые и краеведы из ряда уральских и сибирских городов и Москвы. Отрадно отметить, что по итогам конференции был выпущен уже не сборник тезисов, а материалы, в которых содержались доклады и сообщения.

В конференции приняли участие около 80 чел., среди них из вузов — 28 чел., из Института истории и археологии УрО РАН — 20 чел., работники музеев — 10, архивисты — 4 чел.

Пятые Татищевские чтения «Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем» состоялись 22–23 апреля 2004 г. По итогам конферен-

ции были изданы тезисы докладов и сообщений. Конференция открывалась пленарным заседанием, на котором было заслушано пять докладов. Профессор С. П. Постников вместе с В. В. Маслаковым сделали доклад, где впервые проанализировали Татищевские чтения как феномен культурной и научной жизни Урала.

На конференции работало четыре секции: «Духовная культура Урала в прошлом и настоящем»; «Церковь и религия в формировании духовности и нравственности»; «Образование, духовность, нравственность»; «Неизвестные страницы отечественной истории».

Всего на конференции выступило около 100 участников с 96 докладами. Однако В. Н. Татищеву было посвящено только 7 из них. В числе выступивших — 42 преподавателя вузов, что говорит о заинтересованности их в тематике конференции, зато ученых из ИИА УрО РАН на сей раз было меньше, чем раньше, — всего 13 чел., 6 — музейных работников и 7 — краеведов. В конференции приняли участие ученые и краеведы из городов Урала и Сибири.

Шестые Татищевские чтения прошли 20–21 апреля 2006 г. и были посвящены 320-летию со дня рождения В. Н. Татищева. Это были первые и последние чтения, материалы которых были изданы в двух томах.

Отличительной особенностью чтений было то, что одна из секций специально была посвящена В. Н. Татищеву и включала 6 выступлений на различные темы, в частности, о роли этого крупного государственного деятеля в создании профессионального образования, формировании патриотизма и воспитании гражданственности.

Всего было шесть секций, среди них секция, рассматривающая вопросы истории промышленности и индустриальное наследие Урала, секция, посвященная экономике региона в исторической динамике, а также секции, рассматривающие вопросы социальной сферы, общественно-политической жизни, культуры и роли личности в истории Урала. Это была первая конференция, затрагивающая весь спектр исторического полотна крупнейшего из регионов России.

На конференции было сделано 109 докладов и выступило 110 чел. Как всегда были представлены преподаватели вузов — 55 чел., ученые ИИА УрО РАН — 24, музейные работники — 4, краеведы — 3 чел.

Седьмые Татищевские чтения состоялись 17–18 апреля 2008 г. и имели подзаголовок: «В. Н. Татищев и культурное наследие Урала в исторической динамике». К сожалению, организаторы конференции не остановились на достижениях предыдущей конференции и внедрили ряд новаций, нашедших свое отражение как в количестве секций, так и в их названиях.

На конференции прозвучало более 100 докладов. Новацией изданных материалов был отказ от указания места работы выступающих. Поэтому сложно проанализировать количество представленных организаций и структуру участников.

Восьмые Татищевские чтения проходили 27–28 мая 2010 г. в г. Екатеринбург. В материалах чтений нашли отражение вопросы деятельности В. Н. Татищева на Урале и сопредельных территориях, проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, истории уральской промышленности, обще-

ственной жизни и духовной культуры Урала в широкой исторической ретроспективе.

Было сделано 138 докладов. Многие доклады были подготовлены несколькими авторами, и поэтому участников конференции было больше — более 145. Так же, как и в материалах прошлой конференции, не был дан список участников, поэтому проанализировать географию и категории участников конференции не представляется возможным.

Девятые Татищевские чтения состоялись в г. Екатеринбурге 19–20 апреля 2012 г. В этот раз их структура была более рациональной: пленарное заседание и три секции. Первая секция была посвящена развитию уральского региона до начала XX в., вторая — Уралу в XX в. и третья — историко-культурному и индустриальному наследию Урала. Возможно, это оптимальная структура и ее следует придерживаться впредь.

Чтения были достаточно представительными: сделано 90 докладов, в работе конференции приняли участие 96 чел. В публикации материалов конференции приведен список сокращений, но нет списка выступающих, что усложняет проблему анализа состава ее участников. При анализе выяснилось, что работников вузов было 35 чел., из Института истории и археологии УрО РАН — 26 чел. и работников музеев — 13 чел. В работе конференции приняли участие ученые и краеведы более чем из десятка городов России.

Новацией сборника можно считать расположение статей внутри секций: не по фамилиям авторов, расположенных в алфавитном порядке, а по хронологии тем статей.

Подробная характеристика девяти из десяти Татищевских чтений была дана автором данной статьи в публикации, посвященной этому важному историко-краеведческому форуму [5]. Здесь же мы хотели проанализировать последнюю юбилейную конференцию.

На конференции и, соответственно, в ее материалах нашли отражение вопросы, касающиеся деятельности В. Н. Татищева; проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, истории уральской промышленности, общественной жизни и духовной культуры Урала в широкой исторической ретроспективе.

В конференции приняли участие 18 профессоров, 29 кандидатов наук, 13 аспирантов, магистрантов и студентов, 23 работника музеев.

Формат конференции снова изменился. Наряду с пленарными заседаниями работало четыре секции: «Уральский регион до начала XX в.»; «Урал в XX — начале XXI в.»; «Сохранение историко-культурного и индустриального наследия» и «Человек на фоне эпохи». Завершает материалы конференции гимн Татищеву, написанный известным краеведом профессором В. М. Слукиным.

Всего было подготовлено 97 докладов и сообщений, в написании которых приняли участие более 100 чел. [4].

По давней научной традиции конференция открылась пленарным заседанием, где было прочитано восемь докладов. Первое сообщение сделал автор этих строк [6]. В сообщении был дан анализ чтений как научного явления, прослежен путь их развития и формирования традиционной конферен-

ции, занимающей достойное место в историко-краеведческой жизни Урала и соседних регионов. Остальные сообщения характеризовали В. Н. Татищева как ученого, политического деятеля (отношение к буддистам Калмыцкого ханства), администратора [10, 18, 20].

Первая секция была посвящена истории уральского региона до начала XX в. В ее работе приняло участие 24 чел. Тематика сообщений была разнообразной. Можно выделить выступления, связанные с историей Урала и его регионов [3, 11, 17], посвященные военным проблемам, проблемам духовной жизни региона, социальным вопросам [22], здравоохранению [23].

Вторая секция называлась «Урал в XX — начале XXI в.». В ней приняли участие 32 чел. В ее работе были представлены самые разнообразные темы. Наибольшее количество выступлений посвящено историографическим проблемам истории [20, 16,]. В ряде выступлений анализировались проблемы уральской промышленности, ее ведущей отрасли — металлургии [8] и машиностроения [9], и даже промышленных выставок. Всего четыре выступления были посвящены проблемам Великой Отечественной войны [14, 19]. Как всегда интересным было выступление профессора С. А. Нефедова, в котором раскрывались особенности новой теории военной революции, что приобретает особенное звучание в контексте российской истории [15]. Авторы целого ряда выступлений касались проблем Гражданской войны и периода НЭПа.

На третьей секции традиционно рассматривались вопросы сохранения историко-культурного и индустриального наследия. Она была менее представительной по сравнению с предыдущей, хотя в ее работе приняли участие более двух десятков исследователей. Наибольшее число выступлений было посвящено такому интересному и необычному вопросу, как модели техники в собрании ряда музеев Алтая, Германии и Петербурга [1, 13]. Были также выступления о разнообразных музеях, от архитектурных памятников до самых необычных, таких как онлайн-музей. Ряд выступлений касался историко-культурного наследия [12, 21].

Четвертая секция называлась «Человек на фоне эпохи» и была посвящена личностному фактору в истории. Жизненный путь каждого человека неразрывно переплетается с эпохальными событиями, происходящими в государстве. Те или иные этапы нашего прошлого всегда отражаются на судьбах отдельных личностей, составляющих единое и многоликое общество, поэтому изучение персоналий представляет значительный интерес для историков. Богатой источниковой базой таких исследований служат личные фонды архивов. Государственный архив Свердловской области располагает целым рядом подобных собраний.

В первую очередь это материалы об историках и краеведах. Среди них академик Немчинов, археолог Толмачев, коллекционер Кузнецов, краевед Пудваль. Секционные доклады посвящались судьбам интересных, значимых в истории людей, таких как предприниматели Корольковы и Каржавины, Вяткины, президент Берг-коллегии А. Ф. Томилов. Среди них были и нестандартные личности — участник судебной реформы П. С. Насонов, венецианский граф М. Ивелич, и люди ординарные, но представляющие свою эпоху. Хотелось бы

обратить внимание на комплекс документов Алексея Викторовича Подсосова, где сосредоточены биографические и творческие материалы человека, участвовавшего в Русско-японской войне, Первой мировой войне, Гражданской войне, изобретавшего политехнические игры для детей и, наконец, написавшего первый в истории советской литературы Урала фантастический роман.

В целом материалы конференции получились интересными и многогранными, вполне достойными своего юбилейного — десятого выпуска.

Таким образом, региональная конференция Татищевские чтения в Екатеринбурге стала постоянным и значимым явлением в научной и общественной жизни Уральского региона и сопредельных регионов. За эти годы в материалах конференции было опубликовано более 1000 выступлений и докладов. Материалы составляют 11 томов общим объемом около 4500 страниц. Самой представительной конференцией была восьмая, на которой прозвучало 138 докладов.

Татищевские чтения в Урале имеют свое лицо и традиции. Их отличительной чертой является научно-краеведческая направленность и большое представительство вузовских работников и ученых ИИА УрО РАН. По своему составу конференция, будучи всероссийской, остается в основном уральской, екатеринбургской.

Наряду с уральской конференцией «Татищевские чтения» многие годы конференция с подобным названием существует на Волге, в г. Тольятти, она во многом отличается от уральской, хотя тоже посвящена этом великому человеку. Но это уже другая история.

-
1. *Абрамова Ю. А.* Уникальные экспонаты по истории горного дела на Алтае XVIII–XIX вв. в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Десятые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 21–22 нояб. 2013 г. / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2013. С. 352–358.
 2. *Данилова О. С.* Военная интервенция союзников в Сибири : библиогр. обзор франкоязычной литературы // Там же. С. 217–221.
 3. *Дашкевич Л. А.* Образ Урала в трудах Н. А. Фирсова // Там же. С. 70–74.
 4. Десятые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 21–22 нояб. 2013 г. / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2013. 568 с.
 5. *Запарий В. В.* Татищевские чтения на Урале // Десятые Татищевские чтения. С. 3–13.
 6. *Запарий В. В.* Татищевские чтения на Урале: история и анализ этого научного явления // Экономическая история (Саранск). 2013. № 1. С. 91–100.
 7. *Запарий В. В., Камышин В. Д.* К юбилею конференции «Урал индустриальный» // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4(95). С. 279–282.
 8. *Запарий В. В., Фарманов Б. И.* Модернизация управления черной металлургией Урала в 1950–1960-е гг. // Десятые Татищевские чтения. С. 233–240.
 9. *Запарий Вас. В.* Кризисные явления в уральской танковой промышленности в 1946–1950 гг. (на примере Челябинского Кировского завода) // Там же. С. 241–248.
 10. *Зубков К. И.* Представления В. Н. Татищева об Урале и Птолемея традиция в географии // Там же. С. 14–19.
 11. *Казакова-Анкаримова Е. Ю.* Столичность Екатеринбурга: у истоков мифа // Там же. С. 81–86.

12. *Кругликова Г. А.* Современная архитектура в контексте охраны культурного наследия // Десятые Татищевские чтения. С. 399–404.
13. *Куглер Й.* Собрание моделей Технического университета — Горной академии г. Фрайберга (Саксония) // Там же. С. 405–415.
14. *Мотревич В. П.* Эксгумация останков немецких военнопленных на Урале в 1995–1999 гг. // Там же. С. 274–279.
15. *Нефедов С. А.* Теория военной революции и ее использование в изучении истории России // Там же. С. 280–285.
16. *Панькин И. Д.* Историки о создании уральской плановой комиссии (Уралплана) в первой половине 1920-х гг. // Там же. С. 286–289.
17. *Побережников И. В.* Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Там же. С. 140–145.
18. *Рабинович Я. Н.* Избрание на царство Михаила Федоровича Романова в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Там же. С. 26–31.
19. *Сперанский А. В.* «К штыку приравняли перо»: взаимодействие властных структур и литераторов Урала в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 308–313.
20. *Татищева М. Д.* Педагогические идеи и технологии В. Н. Татищева // Там же. С. 52–59.
21. *Черненко Е. А.* Общественное памятникоохранительное движение на Урале в 1960–1980-е гг.: структурный и кадровый аспекты // Там же. С. 458–463.
22. *Шумкин Г. Н.* К вопросу о социально-правовом положении мастеровых казенных горных заводов во второй половине XIX — начале XX в. // Там же. С. 165–170.
23. *Яхно О. Н.* Гигиена — залог здоровья и красоты: повседневные практики горожан начала XX в. // Там же. С. 175–178.

Статья поступила в редакцию 03.02.2014 г.

УДК 378.4(470.5) + 378-057.175:070

Р. Л. Исхаков

КУРСИВЫ ПРО ALMA MATER КАК ТОЧКУ ВОЗВРАТА

Автор, опираясь на книги воспоминаний выпускников факультета журналистики УрГУ 1975–1977 гг., показывает эпистемологические возможности такого исследовательского направления, как «биографика»: рассматривает его использование для преодоления кризиса историографии журналистики, восстановления истории журналистики как повседневного бытописания и для описания менталитета журналистского сообщества.

Ключевые слова: Alma mater; «точка возврата»; «новая историческая школа» (La Nouvelle Histoire); биографика; история повседневности.

Исторический путь журналистского образования на Урале невозможно представить без истории факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького и предшествовавших ему учебных заведений Екатеринбург-Свердловска — курсов хроникеров УралРОСТА (1920),

ИСХАКОВ Рафаиль Лутфуллович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: rafa-iskhakov@yandex.ru).

© Исхаков Р. Л., 2014

редакторского отделения Урало-Сибирского коммунистического университета им. В. И. Ленина (комвуза, 1931–1932), Уральских областных курсов коммунистов-журналистов (1932–1935), Свердловской областной газетной партийной школы (1936–1938) и, конечно же, Свердловского коммунистического (государственного) института журналистики им. В. В. Маяковского (1936–1941).

Всякий раз на юбилейных встречах выпускников факультета журналистики УрГУ возникает идея написания книги об однокашниках и своем курсе. Книги об истории уральской школы журналистики пока нет. До последнего времени воспоминания уральских педагогов и студентов журфака бытовали в устном творчестве — легендах, преданиях, байках. Кроме того, были многочисленные публикации в многотиражной газете УрГУ «Сталинец»-«Уральский университет» к юбилеям факультета и его педагогов.

Но в начале второго десятилетия XXI в. выпускники факультета журналистики Уральского государственного университета по собственной инициативе выпустили три книги мемуарного характера [1, 4, 8]. Они рассказывают о студентах начала 1970-х гг. и их преподавателях. Это книги исповедального характера — своего рода отчет перед однокурсниками о времени и о себе. Три книги — это уже тенденция и можно говорить о рождении традиции.

Авторы книги «Точка возврата» [8] пришли в журналистику в 1975 г., после окончания университета, авторы сборника «Курс и вы: о товарищах и о себе» [4] — годом позже, книги «Без труб и барабанов» [1] — еще через год, в 1977 г.

Осевший после Хабаровска, Новосибирска, Холмска, Екатеринбурга у себя на исторической родине, в Пензе, писатель Сергей Корниенко в предисловии сравнил тех, кто собрался на юбилейную встречу, с летчиком, который помнит про «точку возврата». Летчик, покидая аэродром, всегда должен помнить о «точке возврата» — о том моменте, когда он должен взять обратный курс, чтобы бензина хватило до посадки. Выпускники факультета журналистики Уральского университета 1975 г. в книге вспоминают общую «точку возврата» в своих биографиях. Так их книга и называется — «Точка возврата».

В 1975 г. факультет журналистики УрГУ закончили 54 выпускника. Далее о каждом — лишь в одном предложении. В уралмашевской газете «За тяжелое машиностроение» проявился талант Тани Батуриной. Хранит наследие декабристов собкор «Тюменской правды» по Ялуторовску, а ныне — директор музейного комплекса Павел Белоглазов. Немного не успел к выпуску 1 сентября 1975 г. первого номера новой газеты под красивым названием «Сияние Севера» ее редактор Алексей Бочарников (город Вуктыл, Республика Коми). Редактирует «Деловой Камышин» на родине известного летчика Алексея Маресьева чернобылец-орденоносец Владимир Бронченко. Двадцать тассовских лет на Южном Урале — фотокорреспондент Валерий Бушухин. Прошла многотиражку, городскую газету «Симбирский курьер», областную «Ульяновскую правду» Галина Григоренко. Заслуженным работником культуры РФ стала председатель Волгоградской организации Союза журналистов Татьяна Давыдова, отслужившая 35 лет в газете «Волгоградская правда». Своих коллег из «Амур-

ского комсомольца» вспоминает в начале творческой биографии организатор «Радио Орджоникидзевского района» в Екатеринбурге Ирина Демченко. Ответсек газеты «Карпинский рабочий» Татьяна Дыхановская, поработав в «Вечернем Донецке», до пенсии служила в экологической газете «Наш край». Пять лет абсолютной свободы в альтернативной газете «Известия Удмуртской Республики» вспоминает Ольга Евсеева (Ромашкина). Остается репортером шеф-редактор газеты «Марийская правда» Геннадий Емельянов. Поневоле стала директором первого информационного агентства в Челябинской области — «Урал-пресс» Галина Иванова (Бочкарева). Настоящим гуру для будущих журналистов является бывший собкор «Российской газеты», а сейчас доцент Оренбургского университета Булат Калмантаев. Повезло в Сибири спортивному обозревателю газеты «Красноярский рабочий» и собкору «Советского спорта» Анатолию Касаткину. В книжном издательстве «Аркаим» (Челябинск) опубликованы 10 книг Ирины Кирилловой (Коробейниковой). В конце 1992 г. ушел из «Комсомолки» Сергей Кожеуров, избранный главным редактором «Новой ежедневной газеты». Все, что есть в сибирской провинции, прошла Ольга Юдина — и «Вечерний Омск», и «Омскую правда», и «Омский вестник», и частную газету «Ореол». Два десятилетия стихия Людмила Коробейниковой — в Челябинском театре оперы и балета. Завел свою школу репортеров в «Московском комсомольце» Владимир Кравченко. Директора областной парламентской газеты «Тюменские известия» Владимира Кузнецова на трех конференциях коллеги из Югры, Ямала и Тюменской области избирают председателем Союза журналистов. «Комсомолка», «Литературка», «Газета» — адреса Юрия Куликова. Два десятилетия отдала радио продавец книг из Барнаула Ирина Логинова (Таушканова). Этажами жизни стали этажи профессии Елены Лозовской (Орешковой). Чего только не было у Бориса Лозовского — и техникум железнодорожного транспорта, и Группа советских войск в Германии, и аспирантура МГУ, и представительство журнала «Земля Сибирь», но главное — Уральский университет: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, декан с 1985 по 1990 г. и с ноября 1993 г. Все годы после окончания УрГУ газетным делом в Соликамске занималась Алевтина Мазунина. С 1977 г. живет и работает на севере Свердловской области редактор газеты «Заря Урала» (Краснотурьинск) Людмила Makeева (Чилимова). Декан факультета журналистики из Барнаула, доктор философских наук, профессор Валентина Мансурова признается, что в городе студенческой юности сердце бьется как-то по-особому сладко. Трамвай на фоне мэрии — таковы символы профессионального пути редактора «Электоропути» и сотрудника пресс-службы мэрии Екатеринбурга Ольги Масленниковой (Симоновой). Второй родиной стала Тюмень для Людмилы Машиновой (Пухлий). Двадцать лет назад вполне надежную и престижную работу в газете «Советское Зауралье» Вера Мусина поменяла на «перестроечную» газету «Курган и курганцы». Люба Новикова (Балеевских), следуя советам психологов (каждые 10 лет надо менять работу), первое десятилетие проработала в Анжеро-Судженске (газета «За уголь»), второе — в Крыму (газеты «Перекоп», «Крымская газета»), третье — в Нижневартовске (заместитель главного редактора газеты «Не-

фтяник»). Наталья Новикова организовала первый в Челябинске специализированный журнал «Ч.А.С.: Человек. Архитектура. Строительство». Редактора газеты «Красная Печора» Елизавету Носову (Кожевникову), а не второго секретаря обкома партии, в 1989 г. избрали народным депутатом РСФСР. Более 6 тыс. моряков объединил в общественную организацию «Морское собрание Республики Мордовия имени адмирала Ф. Ф. Ушакова» у себя на родине в сухопутном Саранске военный журналист газет «Приморье», «Тихоокеанец», «Тихоокеанской вахты», капитан 2-го ранга Александр Олеск. Два десятилетия Людмила Орлова (Железцова), имея 12-летний журналистский стаж, работала заместителем главы администрации Орджоникидзево-го района Екатеринбурга. 20 лет проработала в ТАСС и ИТАР-ТАСС Надежда Потапова. Итого, 54 предложения.

Читая мемуары выпускников журфака, можно проследить, о чем думали и писали журналисты образца последней четверти XX в. По прочтении мемуарных текстов охватывает чувство deja vu. «Мы снова в одном и том же хронотопе, мы опять в едином времени-пространстве, хотя и не лично, но на страницах этой нашей книги о времени и о себе», — передает свои ощущения доктор филологических наук, профессор М. А. Мясникова [1, 10] (книга «Без труб и барабанов»).

Все три книги каким-то образом связаны между собой. Об этом записки «Я — солдат четвертой роты...» из блокнота журналиста Натальи Халевиной (Тюмень) [1, 186–200], которая вышла замуж за Владимира Тереба из «другой» книги, но там о нем — строки в жанре некролога [4, 343–344]. «Для чего я все это пишу?» — задает вопрос Александр Ионин (Екатеринбург) и сам же отвечает: «А, наверное, просто для того, чтобы был повод сказать спасибо всем, кого я здесь назвал — и тем, кого уже нет с нами (добрая им память!), и ныне здравствующим (многие им лета!)» [1, 58].

Факультет журналистики УрГУ жив в памяти его выпускников. Светлана Братцева (Омск) с грустью вспоминает, что «журналистское братство, память о школе и ее мудрых уроках — все это сегодня — уходящая натура. Профессия из штучной и даже элитной превратилась в массовую» [1, 22]. Но уверяет, что качественная журналистика будет существовать до тех пор, пока есть качественные журналисты.

Сборники воспоминаний выпускников стали своеобразным символом уходящего времени — 12 мая 2011 г. Уральский университет перестал существовать как юридическое лицо. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев 21 октября 2009 г. принял Указ № 1172 «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» [7], в соответствии с которым в Екатеринбурге создается Уральский федеральный университет как научно-инновационное ядро Уральского региона. Ученый совет УрГУ (3 июня 2010 г.) и конференция научно-педагогических работников и других категорий работников и обучающихся УрГУ (9 июня 2010 г.) поддержали присоединение ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» к ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» [3,

6–9]. В соответствии с распоряжением о реорганизации УрФУ, которое 4 февраля 2011 г. подписал министр образования и науки РФ А. Фурсенко, в структуре УрФУ создан гуманитарный институт. Путем объединения исторического и филологического факультетов УрГУ, а также факультета журналистики и факультета культурологии и искусствознания создан Институт гуманитарных наук и искусств. (Правда, ученый совет факультета журналистики единогласно принял решение о создании Института журналистики и массовых коммуникаций. Не прислушались...) Когда-то известный писатель и общественный деятель Альберт Лиханов прислал декану Евгению Яковлевичу Багрееву письмо, в котором есть и такие строки: «С теплотой вспоминаю университет полугодных послевоенных лет, наших замечательных преподавателей, многие из которых были для нас легендой. <...> Слово “факультет” по отношению к УрГУ никак принять не могу. Хочу сказать, видывал я эти факультеты, но милее и дороже уральской школы журналистики не встречал». Сегодня стало общим местом говорить об уральской школе журналистики.

Родившееся в средневековой Европе студенческое иносказание для университета — *Alma mater* переводится с латинского на русский язык буквально как «кормящая, благодетельная мать». *Alma mater* — старинное неформальное студенческое название учебных заведений, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование, т. е. питали духовно.

Alma mater сегодня — это теология духовного окормления. Теология изучает веру. Журналистика как способ отражения мира предполагает веру в Учителя. Деликатно и уважительно звучат в книгах слова о С. Г. Александрове (1909–1985), Е. Я. Багрееве (1900–1987), Г. И. Бондареве (1926–1991), Р. Г. Бухарцеве (1925–1990), И. И. Грибушине (1935–1978), А. И. Даниловой (1888–1975), И. А. Дергачеве (1911–1991), В. В. Кельнике (род. 1929), Б. С. Когане (1918–1991), М. М. Ковалевой (род. 1938), Л. И. Копяк (1920–1999), Л. А. Кропотове (1931–2000), А. И. Курасове (1922–1993), Л. М. Майдановой (род. 1938), Б. М. Марьеве (1934–1977), В. Н. Никоненко (1938–1979), И. П. Плотникове (1930–1992), В. М. Павермане (1939–2008), В. А. Павлове (1930–2008), С. Л. Тимофеевой (1936–1980), В. Н. Фоминых (1924–2006), Н. В. Черновой (1923–2008), В. А. Чичиланове (1922–1994), В. А. Шандре (1925–2008).

Сегодня в науке о журналистике развивается направление, которого нет в паспорте специальности 10.01.10 «Журналистика». Но его «двигают» выпускники факультетов журналистики. С 1996 г. студенты выпускного курса УрГУ ежегодно издают сборники воспоминаний под названием «Автограф». К слову, в 2005 г., навстречу 250-летию юбилею Московского университета, вышел сборник материалов по истории его факультета журналистики, основу которого составили издания «Полвека на Моховой» (1997) и «Наш дом на Моховой» (2002).

Историческая наука в России переживает глубокий и затяжной кризис [2, 530]. Как о средстве выхода из него, постнеклассическая историография стала активно говорить о специальной дисциплине и области знания, которая разрабатывает теоретические, методические и источниковедческие вопросы биографий. Эта дисциплина именуется «биографикой» [6, 93–96]. Возродил

ее российский ученый Б. Г. Ананьев, указавший на то, что суть метода состоит в собирании и анализе данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности. Рецензируемые сборники — это собрание эмпирических материалов, оформленных в жанре углубленного интервью.

К 2006 г., к 70-летию создания нашего факультета, я подготовил биобиблиографический справочник факультета журналистики, произведение особого жанра — ономастикон. Сейчас он каждому доступен в Интернете [<http://www.rafishhak.narod.ru/>]. В справочнике 736 имен педагогов пяти поколений уральской школы журналистики. Справочник представляется мне важным, ведь технология производства мастера пера — мануфактурная технология штучного производства. «Факультет журналистики не есть монолитное по профессиональным убеждениям сообщество преподавателей, — считает профессор Б. Н. Лозовский. — Набор личностей, проповедующих “свою” журналистику, почти адекватен списку представлений, существующих в современных СМИ: от “коммуникатора” до “публициста” и “сеющего разумное, доброе, вечное”» [5, 72].

Многие выпускники 1970-х гг. стали педагогами. Борис и Елена Лозовские преподают в альма-матер. Валентина Мансурова возглавляет факультет журналистики в Алтайском университете. Булат Калмантаев преподает журналистику в Оренбурге. Выпускники 1976 г. Владимир Зыков и Рафаиль Исхаков, став кандидатами наук, снова встретились на родном журфаке; в Институте физической культуры, спорта и социальной работы УрФУ служит Тамара Агинская. Светлана Сметанина стала профессором, работает на кафедре теории журналистики Санкт-Петербургского университета. Юрий Ермаков — доктор философских наук, заведующий кафедрой политологии ИППК УрФУ. Марина Мясникова — доктор филологических наук, профессор кафедры телевидения и радиовещания УрФУ. Ольга Васильева семь лет преподавала этику журналиста в Сахалинском университете.

Обнаруживается удивительная закономерность: когда авторы хотят выделить главное, они переходят на курсивный набор. (Благо, компьютер позволяет это сделать). «На одном из совещаний редакционной коллегии, — написали составители в предисловии книги “Курс и вы: о товарищах и о себе”, — как молния, сверкнуло озарение: “*курсивы* — это *курс и вы*”. Простая догадка как нельзя лучше объясняла курсивы в наших текстах. Авторы посредством наклонного шрифта рассказывали о том, что является главным в их отношениях с курсом. Это и определило как требования к текстам, так и концепцию всего сборника — *курс и вы*» [4, 3].

Три книги выпускников факультета журналистики своим выходом заложили на журфаке УрФУ традицию в духе «школы “Анналов”». В 1929 г. во Франции увидел свет новый исторический журнал, носящий ныне имя «Анналы». То было событие, которое оказало влияние на развитие исторической науки. С тех пор она стала называться «новой исторической наукой» Жака Ле Гоффа, или «школой “Анналов”». На смену царям и военачальникам в историю пришел простой человек. Внимание историка было устремлено на раскрытие того, что было общего у Цезаря и последнего солдата в его легионах, у святого Людовика и крестьянина, трудившегося в его владениях, у Колумба

и матроса с его каравеллы. В центре внимания «новой исторической школы» — массовое сознание, коллективные представления, образ мира, доминировавший в толще общества. Из нее можно извлечь ценную информацию о «простом человеке».

«Школа “Анналов”» позволяет сохранить в истории отечественной журналистики главного ее субъекта — журналиста. Нами составлен список выпускников уральской школы журналистики с 1940 г. Он насчитывает более 7 тыс. имен. Откуда они пришли? Как они учились? О чем думали-мечтали? Что с ними случилось? «Новая историческая школа» в применении к факультету журналистики может дать интересные результаты. «...историк задает прошлому те вопросы, которые существенны для современности и задавание которых дает возможность завязать с людьми другой эпохи продуктивный диалог» (А. Я. Гуревич). В историческом источнике запечатлено *иное* сознание, перед нами — *Другой*.

Первые шаги к этому уже сделаны. С 1996 г. студенты выпускного курса журфака по инициативе Л. А. Кропотова ежегодно пишут сборники воспоминаний «Автограф». Когда Леонида Алексеевича не стало, эстафету перехватил Леонид Михайлович Макушин (1949–2011). На протяжении уже пятнадцати выпусков авторы, может быть, сами того не осознавая, развивают методологию «новой исторической науки» французского историка Жака Ле Гоффа, который сосредоточивал внимание на «повседневном человеке», массовом сознании, ментальностях, присущих данной эпохе или определенной группе. Образы будущего журналиста в «Автографах» вписываются в повседневность.

Кому продолжать эту работу? В марте 2013 г., защищая концепцию развития возглавляемой им кафедры периодической печати, профессор В. Ф. Олешко выдвинул здравую идею — преобразовать кабинет печати в новый формат — в методический кабинет. Исторический опыт журналистских учебных заведений 1930-х гг. показывает, что предметный кабинет может стать методическим центром. Кабинет — это научная лаборатория по реализации методических и научных концепций кафедр. На первых порах на методический кабинет департамента «Факультет журналистики» вполне можно было бы возложить поддержку связи с выпускниками факультета, поиск биобиблиографической информации о них, а в будущем, может быть, издательскую деятельность департамента «Факультет журналистики». Выпуски сборников «Автограф», рецензируемые нами книги, равно как и будущие мемуары (верю!), станут добрым основанием для начала новой большой работы.

1. Без труб, без барабанов / сост.: Н. Лепандина (Лещенко), Т. Полянская (Терехина), С. Рыков, Г. Чугаев, А. Панов. Екатеринбург, 2012. 352 с.

2. Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. ; под общ. ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 2005.

3. Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3(78).

4. Курс и вы: о товарищах и о себе / отв. ред. Р. Л. Исхаков ; сост.: Р. Л. Исхаков, Т. А. Менщикова, Е. Г. Ушенин. Екатеринбург, 2011. 376 с.
5. Лозовский Б. Н. Все и сразу — не бывает // СМИ — общество — образование: модели взаимодействия. Челябинск, 2007.
6. Мосин А. Г. История через призму биографии // Наука. Общество. Человек : Вестн. Урал. отд-ния РАН. Екатеринбург, 2002. Вып. 2.
7. Российская газета : федер. вып. (№ 5026). 2009. 23 окт.
8. Точка возврата / сост.: О. Масленникова, Н. Новикова, Л. Машинова, В. Симагина, Г. Иванова. Екатеринбург, 2011. 226 с.

Статья поступила в редакцию 25.09.2013 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

А. В. Антошин

МИФОТВОРЧЕСТВО ИЗДАТЕЛЯ «СТИХОВ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ» ИЛИ РЕАЛЬНАЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

Рец. на кн.: *Базанов П. Н. Братство русской правды — самая загадочная организация русского зарубежья.* — М. : Содружество «Посев», 2013. — 424 с.

История русского зарубежья времен его расцвета (1920–1930-е гг.) — тема, казалось бы, давно уже активно исследуемая российскими учеными. Функционируют структуры, специализирующиеся на изучении данной проблематики (например, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына), проводятся конференции, такие как, например, «Нансеновские чтения», где регулярно собираются исследователи этой темы со всех концов России и из-за рубежа. И тем не менее история русской эмиграции все еще полна тайн и загадок. К их числу относится и Братство русской правды (БРП). Что это было? Миф, созданный больным воображением известного деятеля Серебряного века С. А. Соколова-Кречетова? Или очередная провокация ОГПУ, подобная знаменитому «Тресту», воспетому советскими кинематографистами? Или все-таки БРП представляло собой реально функционировавшую антибольшевистскую структуру, активно боровшуюся против советской власти в 1920-е гг.? Об этом спорили до хрипоты уже современники БРП, продолжают дискутировать и современные историки. Еще одной попыткой ответа на эти вопросы стала монография петербургского историка П. Н. Базанова.

При знакомстве с рецензируемой книгой сразу обращает на себя внимание тот факт, что автор проделал большую работу по реконструкции истории БРП. Монография П. Н. Базанова — весьма основательное историческое

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент кафедры евразийских исследований Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

© Антошин А. В., 2014

исследование, базирующееся на значительном массиве разнообразных источников из архивов России, США и Финляндии. Однако автор демонстрирует и прекрасное знание того, какие из связанных с историей Братства русской правды документов в разные годы уже были опубликованы в многочисленных сборниках.

Тот факт, что автор хорошо ориентируется в проблематике своего исследования, подтверждается и весьма основательным историографическим разделом монографии. П. Н. Базанов скрупулезно выявляет многочисленные упоминания о Братстве в работах российских авторов, при этом не ограничиваясь научными исследованиями, а привлекая и публицистические произведения. Автор рецензируемой монографии не стесняется и вступать в открытую научную полемику с некоторыми своими предшественниками, например с А. В. Серегиным [2], иногда излишне эмоционально критикуя отдельные положения его труда. Вместе с тем превалирует уважительное отношение автора к своим научным оппонентам, в частности к О. В. Будницкому, считающему БРП плодом литературной мистификации С. А. Соколова-Кречетова [1].

Какой же концепции истории БРП придерживается сам П. Н. Базанов? Он полагает, что эта организация «никогда бы не смогла возникнуть, если бы остаткам антибольшевистского партизанского и подпольного движения в СССР и странах-лимитрофах не нужна была агитационная и финансовая поддержка русского зарубежья». Автор рассматривает Братство в контексте анализа проблемы эмигрантского «активизма», которая уже стала объектом специального исследования в труде К. А. Чистякова [3]. П. Н. Базанов подчеркивает, что «активизм» был более сложным явлением, чем экстремизм (к которому нередко сводится это понятие). Указывая, что «активизм» в русской эмиграции в 1920-е гг. предполагал в том числе и «моральную» оппозицию большевизму, автор полагает, что в силу дискуссионности проблемы легитимности советского режима неверно рассматривать этот феномен как стремление к насильственному свержению законной власти.

Особенность данной монографии — то обстоятельство, что она чрезвычайно густо «населена» людьми. Перед читателем проходят яркие портреты многочисленных деятелей Братства русской правды. Заметим, что автор рассказывает не только о широко известных лидерах БРП — С. А. Соколове-Кречетове, герцоге Г. Н. Лейхтенбергском, П. Н. Краснове, А. В. Амфитеатрове, В. Л. Бурцеве и др., но реконструирует также судьбы некоторых рядовых «братчиков» (как себя называли члены БРП). При этом П. Н. Базанов красочно описывает всю непростую историю данной эмигрантской структуры. Борьба разведок вокруг БРП, скандальные разоблачения советских агентов в организации, судьба известного футболиста Петра Соколова, «подвиги» финских контрабандистов — все это можно найти на страницах рецензируемого труда.

Формированию у читателя более яркого представления о Братстве русской правды способствуют и имеющиеся в монографии многочисленные иллюстрации. На страницах книги представлены изображения символов и эмблем БРП, фотографии ее лидеров, репродукции издававшихся организацией листовок. В монографии приводятся и многочисленные образцы творчества

пропагандистов БРП — лозунги, частушки, антисталинские карикатуры и т. п. Эти произведения характеризуют деятельность Братства по пропаганде «низового террора» в СССР, направленного против чекистов, ответственных совпартработников и т. д. Многие современники и позднейшие исследователи истории БРП критиковали творчество пропагандистов Братства, считая их произведения грубыми, псевдонародными, рассчитанными на невзыскательную аудиторию. Однако П. Н. Базанов полемизирует с этими оценками, полагая, что простой, доступный основной массе населения СССР язык изданий Братства привлекал к нему симпатии многих людей.

Вообще, раздел, посвященный издательской деятельности БРП, является одним из наиболее основательных. Это неудивительно, поскольку П. Н. Базанов — известный специалист именно по данному аспекту истории русского зарубежья. Чрезвычайно скрупулезно им анализируются публикации органа Братства журнала «Русская правда» и других печатных изданий организации — «Братской памятки», «Вестника Дальневосточного отдела БРП» и др. Отдельно рассказано о деятельности издательства «Медный всадник», созданного С. А. Соколовым-Кречетовым и герцогом Г. Н. Лейхтенбергским. При этом автор уделяет значительное внимание и такому важному вопросу, как способы переправки печатных изданий Братства на территорию СССР (почта, советские и иностранные моряки, рыбаки, финские контрабандисты и др.). Как отмечает П. Н. Базанов, именно БРП «первой из белоэмигрантских организаций» создало радиостанцию, вещавшую на Советский Союз. Об истории этой акции также повествуется в рецензируемом труде.

Анализ использованных П. Н. Базановым исторических источников привел его к выводу о том, что Братство русской правды действительно имело реальные подпольные и партизанские организации на территории СССР, хотя в целях саморекламы и «сильно завывало» число своих сторонников на Родине. При этом петербургский историк старается очень взвешенно подходить к оценке боевой деятельности БРП, выступая против «приписывания» ей чуть ли не всех известных терактов тех лет (например, убийства В. В. Воровского). П. Н. Базанов умело, на основе анализа источников, опровергает и некоторые бытовавшие в эмигрантской среде легенды (например, об активной антибольшевистской деятельности знаменитого художника И. Е. Репина).

Как же, по мнению историка, в целом можно оценить эффективность работы Братства русской правды? На взгляд рецензента, эта оценка в монографии П. Н. Базанова носит вполне взвешенный характер: «Белые брали губернские центры, савинковцы — уездные города, БРП и Дружины зеленого дуба (белорусское повстанческое движение, имевшее связи с БРП. — А. А.), в лучшем случае — пограничные хуторы и деревни. С точки зрения реального свержения советской власти это очень мало, а как противостояние тоталитарной коммунистической диктатуре это невиданный успех по сравнению, скажем, с диссидентским движением».

Погубило же Братство, полагает П. Н. Базанов, во многом то обстоятельство, что вся эта антибольшевистская борьба была немислима без связи с иностранными спецслужбами. Несмотря на все старания сохранить независимость,

взаимодействие с последними «поработало» деятелей БРП. Именно это и привело к краху Братства русской правды, которое было еще одной попыткой «продолжить Белое движение на базе русского зарубежья», указывает петербургский историк.

Бесспорно, труд П. Н. Базанова не свободен и от отдельных недостатков. Некоторые вопросы, например, вызывает пятая глава монографии, названная «Ассоциированные организации и союзники». Речь здесь идет о самых разных структурах. Несколько удивительно выглядит рассмотрение в общем ряду таких несхожих организаций, как Дружина зеленого дуба и РОВС, «Братство белого креста» и «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия. Кроме того, на взгляд рецензента, несмотря на все старания, П. Н. Базанову не вполне удалось равноценно представить разнообразные направления деятельности Братства. Все-таки особенно ярким и содержательным выглядит рассказ автора о работе БРП на Северо-Западе, прежде всего в Финляндии. Как представляется рецензенту, лучшими в книге являются страницы, материал которых так или иначе связан с Петроградом-Ленинградом. Вместе с тем деятельность некоторых отделов Братства представлена достаточно кратко и, очевидно, эти сюжеты еще ждут своих исследователей. Тем не менее данное обстоятельство, бесспорно, не снижает общей положительной оценки весьма основательного труда П. Н. Базанова. На эту книгу, уверен рецензент, еще не раз будут ссылаться историки русского зарубежья как в России, так и за рубежом.

1. Будницкий О. В. Братство русской правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова // Новое лит. обозрение. 2003. № 64. С. 114–143.

2. Серегин А. В. Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 гг.: Структура. Идеология. Деятельность : дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. пед. ун-т. М., 2010.

3. Чистяков К. А. Убить за Россию. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 29.11.2013 г.

Е. В. Олешко

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА XXI в.

Рец на кн.: *Шилина М. Г. Интернет-коммуникация в связях с общественностью: прагматический аспект.* — М. : ООО «РИЦ Северо-Восток», НИУ ВШЭ, 2011. — 464 с.; *Шилина М. Г. Текстогенные трансформации инфосферы: методологический эскиз становления Интернета.* — М. : ООО «РИЦ Северо-Восток», НИУ ВШЭ, 2012. — 736 с.

Научно-исследовательские интересы М. Г. Шилиной характеризуются пристальным вниманием не только к процессам, обусловленным перманентными изменениями информационно-коммуникационных технологий, но и к тому, что автор обозначила как «гуманитарную филологическую парадигму общественного развития». Рецензируемые монографии подтверждают это. В первой из них, являющейся системным обобщением в том числе и многолетнего практического опыта автора, впервые предпринята попытка комплексного научно-практического исследования интернет-коммуникаций в системе связей с общественностью. Во второй представлен транспективный анализ изменений информационной сферы, обусловленных появлением дигитализации, перманентным развитием информационно-коммуникационных технологий. Причем именно в контексте филологической константы автор в своих монографиях убедительно доказывает, что Интернет благодаря гипертекстуальности становится априорно текстогенной средой, а определяющей является не технологическая, а гуманитарная парадигма общественного развития.

На основе системного теоретического анализа и убедительной интерпретации эмпирического материала автор, в частности, полагает, что в настоящее время принципиально изменяется значение связей с общественностью как формы интеллектуальной деятельности, особенно с расширением использования возможностей Глобальной сети. А это, в свою очередь, создает предпосылки для системного изучения корпоративного сегмента по принципиально иным основаниям. Ведь, как справедливо в первой из монографий отмечает автор, «корпорации второго десятилетия XXI века являются сложными образованиями, которые постоянно трансформируются; суть изменений затрагивает организационную структуру и иерархию взаимодействия, которые формируются во многом под влиянием новых коммуникационных технологий» (с. 11).

И далее обращаясь к Интернету как коммуникативному феномену, М. Г. Шилина прослеживает его эволюцию — превращение текстов в гипертексты, коммуникационная составляющая которых априорно определяет синергию коммуникативных характеристики Сети. Обобщив различные

теоретико-методологические подходы к определению понятия и классификации интернет-гипертекстов, а также описав языковые особенности, исследователь далее представляет систему моделей коммуникации в Интернете: мультисубъектную и субъект-субъектную. Причем убедительно доказывается, что описанные модели принципиально отличаются от всех классических моделей офлайн-коммуникации.

Для ученого очевидно, что гармонизация социального дискурса предусматривает сегодня принципиально иные (даже по сравнению с недавним прошлым — так называемыми «нулевыми» годами) модели связей с общественностью. В частности, даже классическое их понимание как управления (менеджмента) социальной коммуникацией определяется в условиях перманентного совершенствования информационных технологий, подчеркивает она, не манипулятивной вертикальной, а гетерархической коллаборативной парадигмой, включением в состав субъектов активной аудитории.

В главах 3 и 4 данной монографии эти выводы конкретизируются на примере связей с общественностью в Интернете как формирующегося направления институциональной деятельности. Парадоксально, но до сего дня, несмотря на достаточно частое употребление авторами сходных понятий в литературе прагматической направленности («PR в Интернете», «интернет-PR», «цифровой PR», «связи с общественностью в Интернете»), данный феномен не был дефинирован. В качестве примеров исследователь приводит и то, как Интернет может выполнять... функции специалиста по связям с общественностью, отбирая и суммируя имеющуюся в Глобальной сети информацию о значимых персонах в отдельные персональные разделы в рубриках тех или иных порталов. Допустим, в «Яндексе» это «Пресс-портреты» или справочная информация о людях, упоминаемых в сообщениях СМИ.

Автор в целом системно прослеживает эволюцию Интернета и трансформации связей с общественностью, определяя при этом текстопорождение как априорную метафункцию связей с общественностью, наряду с коммуникативной и стратегической функциями. Доказывая на конкретных примерах, что корпорации в XXI в. становятся активными социальными акторами, М. Г. Шилина делает вывод, что в деятельности современной креативной и социально ответственной производственной компании все большее значение приобретает коммуникативная составляющая. Более того, трендом становится стратегический уровень коммуникативного обеспечения, что подтвердил проведенный автором анализ особенностей коммуникации четырех классических структурно-функциональных моделей производственной корпорации, в результате которого была зафиксирована смена парадигмы информационного обеспечения корпоративной деятельности: от информирования, манипуляции к взаимодействию с аудиторией для выработки общих ценностей.

Заметим, что данный вывод совпадает с выводами исследователей, представляющих уральскую школу журналистики. К примеру, Б. Н. Лозовский [1] и В. Ф. Олешко [2], разделяя такие виды массовой коммуникации, как публицистика и связи с общественностью, вместе с тем отмечают, что уровень организации диалоговых отношений с аудиторией определяет эффективность

медиадеятельности в том числе и в секторе корпоративных СМИ. А реализуя лишь информационную или сугубо представительскую функцию, специалисты, работающие в данной сфере, нарушают принципы профессиональной культуры журналистов.

Вторая монография М. Г. Шилиной в контексте представления информационной парадигмы XXI в. развивает в том числе тему полицентричности современной информационной картины мира. К привычному уже в научной литературе термину «клиповое мышление» автор добавляет определение «блиповое» (от англ. *blip* — «щелк», щелчок при переключении, к примеру, каналов на пульте телевизора). Современный человек окружен «картинками», предполагающими эмоциональные реакции, и «блипами», т. е. не поддающимися классификации краткими сообщениями. «При постоянной клипово-блиповой смене впечатлений, представлений, идей, отсутствии устойчивости базовых понятий в любых сферах, — отмечает автор, — индивидуумы в массе легко идентифицируют себя со стоящими над ними сущностями: нацией, корпорацией, в результате чего индивидуальность может быть подменена “довлеющей универсальной реальностью”» (с. 33–34). Не нужно лишним раз говорить о том, что информационную картину мира конкретной личности сегодня во многом определяет возможность доступа к новым информационным технологиям, в частности, к Глобальной сети с ее кладезем полезной информации и тем, что можно назвать информационными шумами и спамом.

Доступ к Интернету, как известно, в 2011 г. был приравнен Организацией Объединенных Наций к основным правам человека. Но действительно ли Интернет революционно меняет мир человека? М. Г. Шилина предприняла, на наш взгляд, удачную попытку транспективно исследовать становление Интернета как особой текстогенной среды. Иначе говоря, попыталась понять соотношение гуманитарного и технического в современной коммуникации. Вопросы в связи с этим исследователем формулировались, скажем так, на деонтологической основе. Возможно ли в глобальной инфосфере с помощью Сети формировать социально ответственные стратегии? Какова при этом роль массмедиа и субъектов профессиональной деятельности из сферы связей с общественностью? Можно ли выстраивать однозначно позитивные «прогностические матрицы» (термин М. Г. Шилиной) и как это сделать наиболее эффективно?

Как видно даже из этого неполного перечня проблематики, анализируемой в данной монографии, исследователь, с одной стороны, предприняла попытку формулирования задач глобального масштаба, а с другой — попыталась наметить направления системного изучения и анализа тех или иных тенденций, экономических стратегий, реже — тех или иных красноречивых фактов действительности. Не случайно в предисловии, озаглавленном «Слово от автора *ad vice versa*», Марина Григорьевна пишет: «Читая монографию, учитывайте прогностический ракурс исследования и изменения, которые происходят с Интернетом в режиме 24/7/365, а также с нами как независимыми наблюдателями — и участниками — обозначенных процессов».

Рассмотрев сущность, прагматический аспект и тенденции исследований интернет-коммуникации, автор приходит к системному выводу, что на

мезоуровне реализация социоэкономических стратегий XXI в. определяет создание адекватной системы текстов, которые являются основными единицами коммуникационного обмена; на микроуровне необходимо создавать новые единицы текста (субтексты, текстоиды и т. д.). То есть условием функционирования и развития социума в XXI в. становится постоянное текстопорождение.

Полностью разделяя данное ключевое умозаключение М. Г. Шилиной, доказательно подтверждаемое всем текстом монографии, хочется предположить, что текстопорождение даже при посредстве Глобальной сети все же не станет только стихийно развивающимся процессом. Журналисты, пиармены, рекламисты, пропагандисты всех типов и политехнологи — словом, все те, кто профессионально (хочется на это надеяться!) выполняют свои обязанности, должны быть включены в систему корпоративной ответственности за слово, изреченное и транслируемое с помощью новейших технологий. Но будут ли выработаны и в ближайшем будущем успешно реализованы обществом меры, кроме, разумеется, ограничительных (по законам и нормативным актам), способствующие формированию и развитию информационной культуры отдельной личности и различных социумов в целом? Вопрос, на наш взгляд, остается открытым.

Мы полагаем, что в российском обществе, пережившем опыт социальных трансформаций последних трех десятилетий, сформировался запрос на формирование технологически подкованной личности, умеющей без труда находить любую информацию, и в то же время креативной, нацеленной не только на индивидуальную успешность в своей деятельности. Исследования новых общественных явлений, как свидетельствуют данные монографии М. Г. Шилиной, предполагают отказ от некоторых ставших уже схематичными представлений. В частности, о том, что форматы текстов Интернета можно анализировать с помощью все тех же «гуттенберговских лекал». Текстцентричность как выявленная и описанная исследователем на примере связей с общественностью метафункция интернет-коммуникаций свидетельствует: Всемирная паутина все больше приобретает гуманитарное, филологическое измерение. Но не противоречит ли это прогнозам тех пессимистов, кто «хоронит» в ближайшем будущем традиционные СМИ? Вопрос, что называется, открытый, поскольку предполагает столь же масштабное исследование и системный прогноз уже на примере анализа журналистского контента.

1. Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами. Екатеринбург, 2011.

2. Олешко В. Ф. Мобильные возможности гражданской журналистики // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2 (101).

SUMMARY

PERIODICAL PRESS AND MASS-MEDIA

- Balashova J. B.* Formula of Almanac’s Journalism (from “Mnemosyne” to “Metropolis”) 6
Journalism almanac formula derives from the following logic: non-journalism almanac text (literary, critical) turns into a media text and the whole collection becomes journalistic in a certain context. In relation to the almanac as the type of edition, an transitional nature of the corresponding epochs becomes an external environment of this type (primarily – a social-cultural)
Key words: almanac; journalism; transitional periods.
- Bulatova E. V.* Representation of the concept «theater» in media texts – Ad utilitatem and Ad quaestum 12
The article examines representation of concepts in different types of texts. The specific character of media texts Ad utilitatem and Ad quaestum is described. The notion of “text concept” is specified, classification of the text concepts is offered and the role of semantic structure of text in analyzing of the sphere of concepts is shown.
Key words: media text; semantic structure of text; sphere of concepts; text concept.
- Burova Y. Y., Strovsky D. L.* Shaping of the Information Policy in Contemporary Russian Conditions 21
The article investigates the development of the information policy in terms of the increased level of discursiveness in the Russian political space over the last few years. The authors grasp this policy as a mutual strategy of the government, society and the media for creating an open dialogue space and, consequently, they raise the issue about rethinking the main substantive priorities of this policy on the basis of both national and regional development.
Key words: information; information policy; information society; mass media; power; society.
- Golousova E. S.* Information agenda of the day viewed by the Turkish mass media (based on the analysis of Today’s Zaman) 35
The following article studies the problem of the mass media functioning in Turkey. Today’s Zaman, one of the three English-language dailies based in Turkey is used as an example. The author analyzes methods and approaches to information applied by foreign journalists. Main trends of the media industry in Turkey are also examined in the article.
Key words: print press; Turkish media; foreign journalism.
- Zinovyev I. V.* Television of the XXI century: from mass media to mass communications 41
The main features of modern television are considered in the article: multichannel broadcasting, audience segmentation, transformation of genres, entertaining orientation, reality virtualization, manipulative influence, abundance of advertising, interactivity. The basic directions of improvement of future journalists’ professional training are planned.
Key words: contemporary television; mass media; communications; interactivity; multichannel broadcasting; audience segmentation; television genres; infotainment; virtuality; manipulation with audience; TV commercial; multimedia journalism.

- Ilinykh D. G.* Modern city newspaper: potential of convergence edition 50
 The article describes various types of Internet audience reactions while entering into dialogue with the editors and journalists of the city newspapers. The author analyzes various forms of dialogue with readers within the online versions of regional newspapers of the Ural Federal District, studies audience's preferences in communication with the media and makes conclusions referring to the modern qualities of this part of the audience as well as the impact of interactive media opportunities for the development of the information potential of the regional press.
 Key words: dialog; information potential; behavioral responses.
- Kozlov S. A.* District reports of the Novgorod Provincial Gazette (1860–1870's) 57
 In this article publications of the district reporters of the the Novgorod Provincial Gazette during the period of the Great Reforms of the 1860s–1870s are analyzed. The basic theme, genre and stylistic originality of the texts, their place in the official program of the newspaper are examined by the author.
 Key words: the Novgorod Provincial Gazette; report; uyezds; genres.
- Myasnikova M. A.* The Russian television channels' cultural policy as the scientific analysis subject 65
 The purpose of the article is to explore the essence of "the cultural policy" notion on Russian television and its determining factors as well. Unfortunately, nowadays commercial factors mostly prevail over cultural ones on Russian television, though the TV's main mission is production of national culture. Further one will find the methods of scientific analysis of the Russian television channels' cultural policy (typological and morphological methods). These methods together with finding of culture's morphology elements in the TV program provide us with an opportunity to study the TV channels' cultural policy more deeply and thoroughly.
 Key words: television channels' cultural policy; television program; television's typological analysis method; television's morphological analysis method; culture's morphology; culture's differentiation functional units.
- Tkachenko L. A.* The prerequisites of making a media holding structure in orthodox diocese .. 73
 The article is devoted to a topical problem of the modern religious journalism – forming of the media holding system which is new for eparchial mass media. Many big corporations and organizations unite their mass media in unified structure in order to increase their effectiveness. The status of religious journalism in modern Russia is shown with a brief historical overview of the Orthodox mass media. In additional to this, the structure of media holding is shown, and prerequisites of making a diocesan media holding are explained based on concrete examples.
 Key words: religious journalism; Orthodox mass media; media holding; media market; diocese; Russian Orthodox church.
- Yastremskaya J. A.* Binary concept of «war» during the Civil War (1918–1920) on the example of press city Shadrinsk 82
 The article considers the concept of «war» during the Civil War, formed in the press materials published in the city of Shadrinsk (socialist and Bolshevik). The following features are considered: «action», «result» and «address». The author's attention is focused on the following components: «front», «Motherland», «worker-peasant truth», «army», «the enemy».
 Key words: concept of «war»; the Bolshevik press; socialist press.
- Journalism in China (*V. Amirov, E. Golousova*) 87

EDUCATION

- Round table «The problems of implementation of the modern educational paradigm» 92

- Illner A. O., Korneeva L. I.* Fundamental principles of foreign languages speech hearing development with non-linguistic students at elementary level 108

The article is devoted to the main problems of distinguishing features, structure and development of speech hearing, its structure, and its role in training foreign languages to non-linguistic students at elementary level. The author compares German and Russian phonetic systems from methodical point of view and introduces some basic exercises and ways to control understanding.

Key words: speech hearing; phonemic hearing; accentual hearing; phonetic skills; foreign language; second foreign language; training German.

- Safonova T. V., Chumakova I. A.* Design and technology task of learning as a way of universal training activity of elementary school students 116

The paper presents the design and technology task of the universal training activity referring to education of the elementary school students while trying to solve designed problems. It's efficiency was confirmed empirically by the authors specifically in forming personal, regulatory, educational and communication universal training activities.

Key words: project education of junior schoolchildren design task; universal training activities.

SOCIOLOGY

- Ambarova P. A.* The concept and typology of social communities' temporal behavior strategies 123

Approaches to the ground of the temporal behavior strategies' are examined as well as needs of its theoretical and empirical study. The structure of the temporal behavior strategies is presented, their place in the system of life orientation is mentioned. The author made an attempt to work out a theoretical typology of the temporal behavior strategies on the basis of certain criteria: social activity and emotional experience of time.

Key words: non-linearity of social time; dynamics of social time; social fears and hopes; temporal behavior strategy; temporal pessimism; temporal optimism.

- Vlasova O. V.* Social practices of interaction among youth subcultures and education 140

The current article studies the problem of the basic practice of social interaction among youth subcultures and education. The author deals with the problem of attitude of the members of the youth subcultures towards formal education. Moreover, the author analyzes social practices of informal education in youth subcultures.

Key words: youth subculture; social practices; interaction; formal education; informal education.

- Zborovskiy G. E.* Social communities and their temporary characteristics 148

Necessity of research of social communities as a sociological problem is given a prove. Author's concept of the social community and its main features are presented. Social communities, their lifestyle and everyday practices are viewed through the prism of the time characteristics of the basic types of activity. The author focuses on such structural elements of social time, as working and non-working time, teaching and non-teaching time, free time, leisure.

Key words: social community; social time; main activities; work time; non-work time; free time; leisure; time budget; lifestyle.

- Savchuk G. A., Artem O. Y.* Contradictions in the high school students career guidance system (based on the megalopolis's example) 158

The paper analyzes current state of the Russian career guidance system for high school students. The author examines historical development of career guidance in the USA and Russia, gives examples of applied research on identification of the main contradictions and problems referring to the career guidance system for high school students in the Russian society.

Key words: career guidance system; career guidance factors; career guidance contradictions.

PSYCHOLOGY

Karapetyan L. V. Theoretical approaches to understanding of subjective well-being 171

The paper considers the theoretical approaches to the concept of well-being as actual problem of the health of the human soul in that particular field of social-psychological science disciplines, as well as from the standpoint of ordinary people's consciousness. This multivariate construct is revealed in the article through a detailed chronological description of the understanding of this phenomenon, detailed etymological parsing concepts and ideas of classical and modern psychological theories (P. S. Vygotsky, K. Rodgers, E. Erikson, A. Waterman, E. Diner, C. Riff, B. Singer).

Key words: subjective and psychological well-being of personality; life satisfaction; happiness; prevention of depressions; society; life-sense orientation.

Kuvaeva I. O. Work schedule as a stress factor of call centers' operators 183

The article is devoted to the research of call center operators' stress. The complete stress syndrome of staff is described. The assumption is that the stress syndrome and its stable negative consequences depend on the work schedule. It is proved that the night shift is more stressful than the day shift.

Key words: occupational stress; work schedule; day shift; night shift; call center; operator.

Lomtadze O. V., Myltasova O. V. Alternative Method of Work with the Technique A. A. Rean and V. A. Yakunin «Researching the motives of students' learning Activity» 189

The results of research of the educational-professional motivation of students study are presented in the following article. According to the obtained data on students' the most valuable information was collected based on ranking. A desire to become a highly skilled specialist appeared to be the most significant motive for the students of training systems of different types.

Key words: educational and professional motives; form of education; ways of studying of the motivation; valuable and meaningful motives.

CULTURE STUDIES

Golovneva E. V. Diversity of the regional identity's discourses 198

This article deals with analysis of the phenomenon of regional identity as a system of autonomous discourses (mythological, religious, philosophical and political). These discourses are considered to have their own sources of formation and development as well as their own basic theoretical ideas and ways of representation. The paper also considers the dynamic nature of interaction among the discourses of the regional identity in contemporary culture.

Key words: regional identity; discourse; contemporary culture.

Kara-ool Ch. A. Initial rituals of the child socialization in traditional culture of tuvinians in XIX–early XX centuries 204

In this article, the author examines the initial rites of child's socialization child in the traditional culture of tuvinians XIX – early XX centuries.

Key words: putting into a cradle; making oneself at home; hook; wool; amulets; marals' fang; bear's claws; objects of worship; naming; hairdo; haircut.

AT THE SCHOLAR'S LABORATORY

Khoroshkevich N. G. Consumption culture in the “consumer society” and prospects of its development 209

The author studies consumption culture in the context of modern “consumer society”. A definition of the consumption culture is provided, the main values of consumption in the modern society are

presented. The author considers prospects of consumption of material and non-material objects subject referring to the future development of the society. According to the author's opinion, the main objective factor, which will have a serious impact on the consumption, is technical improvement of production, as its consequence – improvement of the society well-being and values shift – to spiritual development and value of personality.

Key words: culture of consumption; society of consumption; spiritual development; consumption of material and non-material objects.

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

- Zapariy V. V. The Tenth Tatischev readings: Reflections on the occasion of the anniversary* 216

The article is devoted to the materials of the 10th Tatischev conference, which has been held for 15 years in the city of Yekaterinburg. The analysis of the topics and the papers of participants of the scientific forum is presented. The authors focuses on the strengths and shortcomings of this event.

Key words: Tatischev; the Ural conference; Russia; history; local history; industrial and cultural heritage; historiography.

- Iskhakov R.L. J. Emphasis about alma mater as a point of return* 223

The author, based on the memory book of the Journalism Department graduates of the Ural State University of years 1975–1977, provides epistemological bases for such type of the research as “biographics”. The main goal of this research appears to be helpful in overcoming the journalism historiographical crisis, restoration of journalism history as everyday life and mentality of journalism community description.

Key words: Alma mater; «point of return»; «new historical school» (La Nouvelle Histoire); biographics; history of everyday life.

BOOK REVIEWS

- Antoshin A. V. Creation of the myths of the publisher of «Poems about beautiful lady» or real anti-Bolsheviks organization? (Book review: Bazanov P. N. Brotherhood of the Russian Pravda – the most mysterious organization of the Russian abroad)* 231

- Oleshko E. V. Information paradigm of XXI century (Book review: Shilina M. G. Internet-communication in the field of public relations. Pragmatical aspect; Shilina M. G. Textogenic transformation of the info-sphere. Methodological sketch of the Internet formation)* 235

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2014
№ 1 (123)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 13.03.2014. Формат 70×100^{1/16}.
Уч.-изд. л. 20,10. Усл.-печ. л. 19,99. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 506.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48321 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по педагогическим наукам, филологии, психологии, культурологии и социологии Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 82410;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@usu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (предоставленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция оставляет за собой право на направление статьи на дополнительное рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
 - е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);
 - ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;
 - з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).
2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.
2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).
3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.
- ...
9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.
10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.
11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).
- ...
21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.].

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:

ул. Тургенева, 4, отдел допечатной подготовки (для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@usu.ru